

А.Б.МИХАЛЁВ

ТЕОРИЯ
ФОНОСЕМАНТИЧЕСКОГО
ПОЛЯ

ОГЛАВЛЕНИЕ :

ВВЕДЕНИЕ	6
1. Теоретические и экспериментальные предпосылки фоносемантики.....	16
1.1 Исследования звуко-символизма.....	16
1.1.1 Глоттогенетические основания.....	18
1.1.2 Психологические экспериментальные основания.....	26
1.1.2.1 Теории экспрессивности.....	27
1.1.2.2 Теории "опосредованного обобщения".....	30
1.1.2.3 Теория структурного изоморфизма.....	31
1.1.2.4 Интерпретации синестезии.....	33
1.1.3. Экспериментальные психолингвистические исследования.....	36
1.1.3.1. Ассоциация с понятиями.....	36
1.1.3.2. Ассоциации с изображениями.....	38
1.1.3.3. Ассоциации со стимулами иной природы.....	40
1.1.3.4. Эксперименты на быстроту понимания.....	40
1.1.3.5. Эксперименты, основанные на семантической насыщенности.....	41
1.1.3.6. Эксперименты, основанные на сенсорно-тонической теории.....	42
1.1.3.7. Эксперименты, основанные на статистическом анализе лексики.....	43
1.1.4. Звуко-символизм и детская речь.....	45
1.1.5. Наблюдения над языками примитивных народов.....	47
1.1.6. Исследования в области поэтики и экспрессивного языка.....	48
1.2. Лингво-семиотические предпосылки фоносемантики.....	52
1.2.1. Семиотика лингвистического иконизма.....	52
1.2.2. Синтаксический иконизм.....	55
1.2.3. Звуко-символический иконизм.....	56
1.3. Семиотическая контраргументация критики мотивированности языкового знака.....	57
1.3.1. Межкультурное разнообразие.....	57
1.3.2. Внутрикультурное разнообразие.....	58
1.3.3. Первичный (структурный) и вторичный (ассоциативный) символизм.....	59
1.3.4. Звуко-символическое значение и автономность поэтического означающего.....	61
1.3.5. Новое предложение классификации звуко-символических форм.....	62
2. Проблема минимальной значимой единицы в языке.....	64
2.1. Морфема: формальный и содержательный аспекты.....	64

4	Теория фоносемантического поля	
2.1.1.	Корень - центральная смыслообразующая единица слова.....	65
2.2.	Морфема в синхроническом и диахроническом аспектах.....	69
2.2.1.	Структура корневой морфемы в отношении к ее означаемому.....	70
2.2.2.	Семантическое моделирование морфемы.....	72
2.3.	Консонантный бифон - минимальная значимая единица в синхроническом и диахроническом аспектах.....	73
2.3.1.	История изучения бифона.....	73
2.3.2.	Метод синхронического исследования бифонов.....	77
2.3.3.	Экспериментальная проверка гипотетических моделей семантического пространства бифонов.....	81
2.3.4.	Диахроническое описание семантики консонантного бифона.....	85
3.	Механизм семиогенеза	92
3.1.	Звукоизобразительное значение - генетическое ядро языковой семантики.....	92
3.2.	Полисемия слова и поливалентность значения.....	100
3.3.	Омонимия и фоносемантическое родство.....	106
3.4.	Процесс познания и классифицирование.....	111
3.4.1.	Нейрофизиологические основания ассоциативности мышления.....	115
3.4.2.	Сходство и смежность - основные виды интегрирования.....	117
4.	Фоносемантическое поле: ядро, элементы, система	127
4.1.	Звукоизобразительные значения - базисные порождающие ядра фоносемантических полей.....	127
4.1.1.	Типы звукоизобразительной референции.....	127
4.1.2.	Сравнительная межязыковая типология звукоизобразительных значений.....	128
4.1.3.	Роль позиции фонемы в морфемотипе.....	131
4.1.4.	Звукоизобразительная специфика начального консонантного бифона.....	135
4.2.	Периферийное расширение звукоизобразительного ядра.....	136
4.2.1.	Канонические модели семантических переходов.....	136
4.2.2.	Амбивалентные связи в пределах фоносемантического пространства.....	138
4.3.	Отличительные особенности фоносемантического поля от других типов полей в лингвистике.....	140
5.	Теория фоносемантического поля и философские проблемы языка	146
5.1.	Философская концепция имени у А.Ф. Лосева.....	146
5.2.	Морфогенез и компоненты внешней структуры имени.....	148
5.3.	Семемогенез и смысловая структура имени.....	150

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	156
ПРИЛОЖЕНИЯ:	
1. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА МОРФЕМОТИПА [Spir - Lab - Plos (B/P)].....	160
2. СТРУКТУРА ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ МОРФЕМОТИПОВ.....	185
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	203

Мои родители посвящаются

ВВЕДЕНИЕ

Едва ли найдется сегодня языковед, не сталкивавшийся прямо или косвенно с проблемой соотношения звука и смысла. Количество работ, посвященных специально этой теме, неизбежно перешло в качество, расширив круг поставленных задач и создав прочную эмпирическую и теоретическую базу для фоносемантических исследований. Многовековая история развития данной проблемы увенчалась, наконец, появлением вполне оформившейся отрасли в языковедении - фоносемантики -, вобравшей в себя не только важнейшие вопросы языковой сферы, но и неразрывно связанные с ней аспекты физиологии, психологии, семиотики и философии. Сложившееся вначале общее предубеждение о маргинальности звукоизобразительной лексики в языковом вокабуляре постепенно преодолевалось новым осмыслением фоносемантических корреляций, что привело к выводу о системном характере этих соответствий и о генетической мотивированности языкового знака вообще. Однако, несмотря на то, что процент слов, интерпретируемых как звукоизобразительные, существенно возрос, оставался все же открытым вопрос о систематизации всей остальной лексики, количественно превосходящей (что спорно для многих отдельных языков) звукоизобразительную. Этой проблеме и посвящена данная работа.

Таким образом, целью настоящего исследования явилось построение такой логичной модели, которая бы отражала объективный принцип возникновения и развития всей лексической системы языка. До сих пор существовали различные типы лексического структурирования, объединявшие слова либо по формальному, либо по содержательному признаку. Так сложились понятия словообразовательного гнезда, синтагматического и лексико-семантического полей. В нашей работе последовательно отстаивается принцип примарной мотивированности слова, а значит и его формально-семантическое единство. Взяв за основу идею поля, понимаемого как сложное системное образование с выделяющимся в нем ядром и различными периферийными зонами, мы предприняли попытку новой классификации лексики. В связи с этим были поставлены следующие задачи:

- 1) определить минимальную значимую единицу языка посредством парадигматических сопоставлений лексем;
- 2) вычленив ряды слов, характеризующихся общей формальной и сходной семантической структурами;
- 3) соотносить постулируемое семантическое сходство лексем с их этимологической интерпретацией;

4) выделить круг звукоизобразительной лексики, исходя из потенциальных семантических возможностей отдельных звуков и их сочетаний;

5) выявить возможные семантические соотношения между звукоизобразительной и незвукоизобразительной группами слов, объединенных общей минимальной значимой формой;

6) выяснить характер семантических связей (сходство или смежность) между звукоизобразительными (ядро) и незвукоизобразительными (периферия) рядами (полями) слов;

7) исследовать возможные направления семантических переходов на базе фактов полисемии и установить, таким образом, систему семантических валентностей отдельных значений выбранного языка;

8) сравнить полученную систему валентностей значения (семантическое гнездо) данного языка с аналогичными в других языках;

9) на основании межполевых семантических связей составить структуру фоносемантического пространства минимальной значимой формы конкретного языка;

10) сопоставить полученное фоносемантическое пространство с одноименными пространствами других языков различной степени родства;

11) вывести общие для всех языков закономерности генезиса и развития фонической (формальной) и семантической (содержательной) структур имени.

В соответствии с поставленными задачами были использованы различные методы исследования. Так, для установления семантической общности лексем и, далее, их минимальных значимых элементов применялся компонентный анализ, позволявший вычленив сходные семантические признаки, и метод семантического интегрирования, объединявший различные уровни содержания гиперонимическими отношениями. При формулировании звукового сходства вводился фонологический анализ оппозиций с извлечением дифференциальных и интегральных признаков фонем и с последующим обобщением отдельных фонем в фонемотипы. Квалифицирование звукоизобразительности осуществлялось путем экстраполирования акустических и кинестезических (артикуляционных) свойств звуков на внеязыковые процессы и признаки. Отдельного внимания заслуживает метод конструирования семантических гнезд, или *семантикореляционный анализ*, не применявшийся ранее в лингвистике. Лексические значения, входящие в состав полисемичной лексемы взаимосвязаны: а - b - с - d (знак "-" означает связь). Если в другой полисемической цепочке появляется хотя бы один из фигурировавших выше элементов, например, е - f - g - h, то значения а, с, d, е, f, g рассматриваются как составляющие семантического гнезда b, т.е. его *семантические валентности*, будучи связаны с ним по факту полисемии. Последовательное сканирование всех полисемических

цепочек, в которых присутствует значение *b*, позволяет полностью описать круг его потенциальных семантических зависимостей.

Предлагаемая в настоящем исследовании концепция претендует на статус теории, соответствуя всем критериям, предъявляемым к последней. "В современной методологии науки принято выделять следующие основные компоненты теории:

1) исходную эмпирическую основу, которая включает множество зафиксированных в данной области знания фактов, достигнутых в ходе экспериментов и требующих теоретического объяснения;

2) исходную теоретическую основу - множество первичных допущений, постулатов, аксиом, общих законов теории, в совокупности описывающих идеализированный объект теории;

3) логику теории - множество допустимых в рамках теории правил логического вывода и доказательства;

4) совокупность выведенных в теории утверждений с их доказательствами, составляющую основной массив теоретического знания" [ФЭС, с.677].

Теория фоносемантического поля основывается на фундаментальных постулатах, утвердившихся как в лингвистической науке, так и во всей совокупности дисциплин, объектом которых является человек и окружающая его действительность. В ракурсе настоящей теории язык рассматривается как организм в его постоянном развитии и систематическом характере своих внутренних связей, т.е. характеризуется общими для любого организма закономерностями, которые, в свою очередь, свойственны и материим вообще: множественность, единство, энергия.

Применительно к языку, разнообразие лингвистических фактов - отдельных лексических значений, различных звуко-буквенных комбинаций, полисемии, омонимии, синонимии и т.д. - проявляет категорию множественности. Вместе с этим кажущаяся при первом приближении атомистичность материала не должна обязательно предполагать отсутствие определенной системности, организующей все элементы лингвистического объекта и обеспечивающей его полноценное функционирование. Существование фонетических законов, грамматических категорий, словообразовательных и синтаксических моделей, морфонологических закономерностей, лексико-семантических групп, наконец, фоносемантических обобщений явно свидетельствует о сложном единстве компонентов языковой системы. По физическому определению, энергия - это способность к действию и, точнее, к взаимодействию. Подобную способность имеют и составляющие элементы языка: соединение звуков в определенную морфологическую структуру для выражения некоторого содержания, семантическое перетекание, фиксируемое в полисемических лексемах и в примерах вторичной номинации, исторические фонетические

изменения и регулярные синхронические чередования, пропозициональные связи и т.п.

Особую роль в формировании теории фоносемантического поля играет теория познания, описывающая основные стадии освоения действительности и утверждающая первичность чувственного восприятия и принцип отражения, что логично предполагает первичную звукоизобразительность языкового знака. Именно на этих основаниях покоится новая отрасль языкознания - фоносемантика, открывающая путь для нового осмысления языковой реальности. Обоснованная С.В.Ворониным системность звукоизобразительной лексики, универсальность ее распространения в различных языковых культурах и межъязыковая типологическая общность - все эти факторы не оставляют сомнения в истинности намеченного направления.

Центральный вопрос языкознания - о соотношении означаемого с означаемым - получает в рамках фоносемантической теории вполне убедительное разрешение, как со стороны логико-философского анализа, так и с помощью разносторонних эмпирических доказательств. Тем более, последовательное развитие этой концепции в сочетании с уже принятой в лингвистике категорией поля как системного образования со взаимодействующими элементами, входящими в ядерную и периферийную зоны, доводит лингвистическую проблему "форма - содержание" до логического завершения. Преимущество полевого подхода при изучении и описании идеализированного объекта - в возможности передать наиболее полно всю диалектику его развития, охватить максимум связей с другими однопорядковыми объектами. Вместе с тем знание диахронических закономерностей объясняет синхроническое состояние языковых объектов, вскрывая неуловимые порой взаимосвязи.

Данные, полученные в ходе исследования лексики различных языков (в отличие от предыдущих фоносемантических штудий, проводился сплошной анализ обширных лексических пластов, при котором ни один из элементов не остался за пределами системы), убедительно подтверждают тезис о полевого характере конструирования лексического фонда. Безусловно, такая система требует выработки единиц нового уровня, позволяющих "подняться" над всем разнообразием конкретных фактов и вскрыть то общее, что объединяет столь большой лексический массив. Подобные единицы уже были предложены С.В.Ворониным, получив название *фонемотипов*, образующих различные виды *моделей* [Воронин, 1982; 1989]. В теории фоносемантического поля оперирование этими единицами оказывается наиболее целесообразным не только при систематизировании собственно звукоизобразительной лексики, составляющей генетической ядро массива, но и для вскрытия латентных связей последней с не-звукоизобразительным рядом (до последнего времени никак не удавалось перекинуть мост между

ними). Таким образом, выход на мета-уровень приобретает большую обобщающую силу, столь необходимую для статуса теории.

Требования, предъявляемые к непротиворечивости теории, удовлетворяются целым рядом стандартных логических процедур, с помощью которых велось исследование материала. Так, солидная эмпирическая база обеспечила возможность индуктивного умозаключения о существовании некоторого спектра значений у звуков (хотя к настоящему времени принципиально этот вопрос можно считать решенным) и, соответственно, семантического потенциала у фонемотипов. Иерархичность построения языковых элементов, как со стороны формы (фонема - морфема - лексема - словосочетание - предложение - сверхфразовое единство), так и в плане содержания (сема - семема - архисема и т.д.); закономерно приводит к проблеме количественного и качественного соотношения: чем ниже уровень формальной единицы (т.е. чем меньше ее протяженность), тем выше уровень ее семантического коррелята (т.е. тем больше спектр единиц, составляющих ее содержание). Перенесясь на шкалу виртуальности, получаем следующий вывод: чем больше степень абстрагирования формы, тем больше объем и "размытость" ее содержания. По мере накопления формой дифференциальных признаков, проявляющихся посредством синтагматических взаимосвязей, уточняется и ее смысловая ориентация. Аналогично лексеме *стол*, реализующей различные лексические значения через словосочетания *письменный стол*, *паспортный стол*, *стол заказов*, *диетический стол*, *ледниковый стол*, морфеме *-стол-*, образующей новые лексемы и новые значения, благодаря возможностям своего референтного потенциала (*столовая*, *столица*, *престол*), звукосочетание *СТ-* так же выявляет свои семантические потенции, комбинируясь с разнообразными элементарными единицами: *ст-ол*, *ст-ул*, *ст-ена*, *ст-ан*, *ст-акан*, *ст-авить*, *ст-оять*, *ст-учать* и т.д. Наравне с единицами лексемного и морфемного уровней, последние обладают интегральными и дифференциальными семантическими признаками; отличие же состоит в большей комбинаторной способности, а значит и в большем семантическом охвате, свойственном более компактной форме. Так, применяется принцип "умозаключения по аналогии", который получает подтверждение при внимательном анализе словарного состава языка.

Подобный же принцип позволяет отметить параллелизм в семантической производности, столь характерной для лексики и морфематики, с единицами фонематического уровня. Коль скоро фонема обладает потенциальным семантическим содержанием, вполне закономерно и его дальнейшее развитие, которое происходит через установление двух основополагающих отношений, свойственных процессу познания: сходства и смежности. Однако, если обоснование семантических переходов на лексемном и морфемном уровне не представляет особых трудностей вследствие большей конкретности означаемого этих единиц и привычности вычленения означаемого,

фонема и, тем более, фонемотип требуют более "чуткого обхождения" с их семантикой и с признаками, положенными в основу переосмысления. Так, взрывные лабиальные [В/Р], несущие в себе базисные звукоизобразительные значения "взрыв", "удар", "булькать", "надувать", "речевая деятельность", проявляют способность к образованию всевозможных производных семантических ответвлений:

"взрыв" > "громкий", "большой", "сильный";

"удар" > "ломать", "валить", "падать";

"булькать" > "кипеть", "горячий", "пар";

"надувать" > "объемный", "полный", "округлый";

"речевая деятельность" > "шептать", "бормотать", "лепетать", "говорить" и т.п. Проверкой возможности таких переходов служит обращение к лексической полисемии, зафиксированной толковыми словарями изучаемого языка.

Обобщение данных полисемии закономерно приводит к выводу о существовании некоего семантического макропространства языка, которое образовано взаимопереплетающимися значениями. Связи между значениями, или валентности, являются следствием развития базисных звукоизобразительных и отражают ход познавательного процесса. Знание этих связей может оказаться неоценимым инструментом для этимолога, ограничив до минимума элемент субъективизма, столь негативно сказывающийся на истинности многих этимологических толкований. Будучи дополнением к выработанному С.В.Ворониным понятию фонемотипа и критериям звукоизобразительности [Воронин, 1990b, сс.68-69], система семантических валентностей в состоянии наиболее полно и объективно описать закономерности зарождения и развития языка.

Структура и содержание работы.

Настоящая работа состоит из пяти глав, заключения и приложения. Первый раздел посвящен теоретическим и экспериментальным предпосылкам фоносемантики. Он представляет собой критический обзор накопленных на нынешний день знаний в области звуко-смыслового соотношения в языке. Фундамент фоносемантики образован и глоттогенетическими изысканиями (звукоподражательная и звукоимовлическая теории происхождения языка), и данными экспериментальной психологии и физиологии, и результатами психолингвистических исследований онтогенеза "примитивных" языков, поэтики, и достижениями общей семиотики. Основное положение, вытекающее из этой главы, - генетическая мотивированность звука как ведущей знаковой субстанции языка.

В ходе языковой эволюции первичная связь между означающим (звуком) и означаемым (смыслом) постепенно затемняется вследствие фонетических изменений и семантических сдвигов, уступая место вторичной мотивации. Неспособность или нежелание предыдущих

лингвистических штудий систематически исследовать этот феномен привели в конце концов к постулату о "принципиальной произвольности" языкового знака и к искусственному отсеканию формы от содержания. Подобная связь "по установлению" между означающим и означаемым приписывается и морфеме, общепринятой минимальной значимой единице языка. Однако целый ряд вопросов, касающихся как формальной протяженности морфемы, так и ее семантического структурирования, до сих пор не обрели своей окончательной разрешенности. В связи с этим вторая глава затрагивает проблему корневой морфемы и, шире, проблему минимальной значимой единицы языка.

Вариативность консонантных элементов корневой морфемы, а также ее вокалическая мобильность наводят на предположение о существовании некоего инварианта морфоструктуры, сохраняющего свою семантическую целостность. Парадигматическое исследование корпуса лексики выявило такую метаструктуру, которую мы называем "морфемотипом", и которая обобщает различные конкретные реализации корневых морфем как по формальным, так и по семантическим признакам. Смыслообразующими составляющими морфемотипа являются консонантные фонемотипы, при этом степень вариативности вокалического элемента практически безгранична, вплоть до его отсутствия. Ярким примером "воплощения" морфемотипа служит образование, известное у различных авторов как "корнеобразующая морфема", "фонестема", "корневое ядро", "консонантный сегмент" и т.п. (в нашей терминологии "консонантный бифон"). Складываясь из двух (реже трех) начальных контактных согласных, эта форма носит отчетливо знаковый характер, хотя и обладает более сложной семантической структурой, чем привычная морфема. Приведенные в качестве иллюстрации синхронический и диахронический методы ее семантического анализа, а также экспериментальная проверка теоретических ожиданий вскрывают системно-полевую организацию семантики бифона, где ядерное поле составлено звукоизобразительными значениями, а периферийная зона образована полями, пересекающимися с ядром и между собой на основании их семантической общности. Аналогичный вид имеет и семантическая структура морфемотипа.

В третьей главе рассматривается механизм формирования языкового знака, или семиогенеза. Исконная звукоизобразительность языка основывается на специфических свойствах артикулируемых звуков. Лингвистической науке уже известны попытки систематизации фонем по их семантическим возможностям. Однако существующие классификации представляются не полными и зачастую лишенными серьезных обоснований. Поэтому, обобщив предшествующий опыт и проведя собственное исследование, мы предлагаем свою семантическую интерпретацию фонемотипов, учитывающую их звукоподражательные, артикуляционно-символические и синестети-

ческие потенции. Перечень первичных семантических признаков, изображаемых фонемотипами, составляет достаточную базу для развития всей семантической системы языка, причем различные по степени родства языки проявляют удивительную общность в этой начальной фазе семантизации.

Значение неразрывно связано с формой, и так же как форма, оно обладает энергией развития. Именно поэтому каждое отдельное языковое значение является лишь условно дискретной единицей, вычлененной из общего семантического континуума языка. Общеизвестный феномен полисемии - наиболее яркий пример "сотрудничества" значений, проявляющий только малый фрагмент этого континуума. Между тем круг связей определенного лексического значения отнюдь не исчерпывается одной единственной полисемической цепочкой. Изучая многообразные свидетельства многозначности, аналитик не может не заметить присутствие этого же значения в других полисемических блоках. Так, появляется возможность установить все зафиксированные языком семантические зависимости данного значения, которые мы называем его "поливалентностью". Результатом такого исследования будет построение "семантического гнезда" выбранного значения. Практическая польза подобного метода применительно к теории фоносемантического поля заключается в эмпирическом обосновании семантических переходов как внутри конструируемых полей, так и между ними.

Омонимия, рассматриваемая в ракурсе фоносемантики, представляет собой факт не только "затемненной" полисемии, но и расщепления ядерной звукоизобразительной семантики одной и той же формы. Так или иначе можно восстановить фоносемантическое родство между значениями двух или более омонимов, благодаря чему определяется их статус в системе фоносемантического пространства исследуемого морфемотипа.

Одной из важнейших функций человеческого языка является функция категоризации внешней действительности, которая обеспечивает процесс познания. Называя ту или иную вещь, мыслящий субъект осуществляет операцию наложения ее признаков или свойств на признаки и свойства уже известных и зафиксированных в языке фрагментов действительности. Это подтверждается и данными психолингвистических исследований, и самой нейрофизиологической организацией человеческого мозга. Сличение и объединение объектов, процессов и их признаков происходит на основе установления отношений сходства или смежности. Разнообразные факты полисемии и, шире, поливалентности значений позволяют вскрыть определенные закономерности и типы каждого из этих отношений. Так, выделяются типы процессуального, объектного и качественного сходства, характеризующиеся различными архипризнаками-основаниями: для процессуального - "изменение состояния", "направленность", "форма действия", "реляционность"; для объектного - "форма",

"субстанциональность", "размер", "частичность", "функция", "оценка"; для качественного - "степень", "оценка". Отношения смежности, устанавливаемые между объектами (объектная смежность) и процессами (процессуальная смежность), классифицируются по характеру сближаемых категорий: Объект - Признак, Субъект - Функция, Объект - Функция, Субъект - Контактующий объект, Субъект (часть) - Объект (целое) - для объектной смежности; Процесс - Признак, Процесс - Результат, Процесс - Цель, Процесс - Условия процесса - для процессуальной смежности.

В четвертой главе обобщаются предварительно разработанные положения о фоносемантическом поле и приводятся сопоставительные данные, извлеченные из языков различной степени родства: русского, французского, английского и арабского. Звукоизобразительные значения, образующие ядро фоносемантических полей, анализируются по типам звукоизобразительной референции. Все многообразие звуковых и незвуковых проявлений действительности можно свести к трем основным сферам: буккальной, т.е. ротовой деятельности, мануальной, или ручной деятельности и внешнего звучащего мира.

Общий обзор сходных морфемотипов в четырех языках убедительно показывает соответствие между их ядерными значениями, обусловленными потенциальными семантическими возможностями составляющих компонентов этих морфемотипов. При этом в более сильной семантической позиции проявляется первый консонантный элемент формы. Расхождения между содержательными структурами одноименных морфемотипов в различных языках касаются периферийной зоны, хотя и здесь можно выделить канонические модели семантических переходов от одного поля к другому, общих для всех или большинства рассмотренных языков. Связи между полями фоносемантического пространства не обязательно имеют однонаправленный характер и зачастую амбивалентны, что не только не подвергает сомнению тезис о межполевой взаимозависимости, но, напротив, придает большую объективность описанию: чем большее количество связей-мотиваций имеет значение, тем прочнее его положение в системе.

Теория фоносемантического поля влечет за собой важные последствия в области философских проблем языка. Этой теме посвящена пятая глава настоящей работы. Отправным моментом в наших рассуждениях послужило положение об имени как о корреляте вещи объективной действительности, выработанное А.Ф. Лосевым. Так же, как и вещь представляет собой воплощение некоего смыслового проекта, проходя поэтапно от идеальной смысловой стихии до сформированной явленности, имя (его форма и значение) эволюционирует от нерасчлененной стихии сознания до конечного актуализованного вида. В своем поступательном развитии имя стремится охватить сущность вещи, поэтому каждый последующий этап его

формирования служит конкретизацией предыдущего, сводясь в определенную точку в заключительной фазе. Поскольку категории фонемотипа, морфемотипа, фоносемантического поля и пространства представляют собой абстрактные метаструктуры формального и содержательного планов, постольку открывается возможность восстановить основные стадии морфо- и семемогенеза имени, до сих пор не исследованные. В данной главе предлагается модель формальной и семантической стратификации имени, нисходящего от нерасчлененного состояния звукосмысла до уже известных стадий морфемы и семемы.

В заключении работы приводятся соображения относительно теоретических и практических перспектив теории фоносемантического поля: изучение картины мира различных культурно-языковых общностей, разработка новых методик обучения иностранному языку, разрешение наиболее трудных проблем в этимологии, углубление интерпретации художественного текста.

Приложение демонстрирует конкретные результаты исследования фоносемантических пространств различных морфемотипов в четырех языках (русском, французском, английском и арабском) при помощи схем и их "распечаток".

Автор выражает глубокую признательность С.В. Воронину за отзывчивость и поддержку в работе, а также сердечную благодарность В.В. Левицкому, Л.М. Скрединой, В.Г. Гаку, В.Н. Телия, Ю.С. Давыдову, В.В. Лазареву, Н.В. Барышникову, В.П. Литвинову, А.А. Транову, А.С. Тарасовой, Н.А. Потаенко и коллегам по кафедре иностранных языков филологического факультета ПГЛУ, принявших живое участие в судьбе представленной темы и высказавших ценные критические замечания.

1. Теоретические и экспериментальные предпосылки фоносемантики.

1.1 Исследования звуко-символизма.

Вопрос о внутренней связи звука со значением имеет такую же долгую историю, как и сама наука о языке. Беря свое начало уже в древнеиндийских Ведах, где имя вещи представляется как ее сущность, проблематика продолжает свое развитие в античную эпоху. Знаменитый диалог Платона "Кратил" открыл эру длительной борьбы между сторонниками теории "фюсей", или кратилианцами, утверждающими наличие изоморфизма звучания слова и вещи "по природе", и апологетами Гермодена, т.е. теории "тесей", рассматривающих слово в его отношении к вещи как приписанное "по установлению". К первому направлению примыкают стоики, французские классицисты Ш. де Бросс, Курт де Жеблен, Ш. Нодье, виднейшие философы языка: Д. Б. Вико, Г. В. Лейбниц, И. Г. Гердер, В. фон Гумбольдт, Г. Штейнталь, В. Вундт, Г. Пауль. Представители этого направления интерпретируют то, что кажется произвольным в языке, как результат прогрессирующего вырождения первоначального "истинного" языка, подверженного влиянию многочисленных факторов исторической эволюции. Тезис о полной произвольности языка поддерживался Аристотелем, был развит в эпоху дискуссии о природе универсалий и углублен английским эмпиристом (Т. Гоббс, Дж. Локк). С выходом в свет "Курса общей лингвистики" Ф. де Соссюра постулат о произвольности языкового знака стал одним из устоев лингвистической доктрины. Соссюрианская догма отбросила всякие размышления о гипотетической мотивированности означающего и об экспрессивной или миметической связи звуков со значениями в гетто фантастических конструкций или совершенно периферийных фактов, не контролируемых научно.

Однако с 1920 - 30-х годов наблюдается переоценка догмы об абсолютной и принципиальной произвольности и пересмотр некоторых аспектов, связанных с отношениями конгруэнтности и взаимообусловленности между двумя сторонами лингвистического знака: означающим и означаемым. Переосмысление проблемы безусловно обязано развитию двух новых дисциплин - семиотики и психолингвистики - и углубленной разработке ими проблемы знака.

Начиная с Ч. Пирса [Peirce, 1931] и У. Эко [Eco, 1975], семиотика выработала более строгую и точную систему различных знаковых категорий. Отсюда произошло более корректное определение понятий произвольного и иконического, что, будучи перенесено на уровень лингвистического знака [Jakobson, 1965], допустило также утверждение более важного положения о фоносемантических знаках.

С другой стороны, через некоторое время в параллельной с лингвистами области развернули бесценную работу психологи. Однако зачастую исследования велись изолированно.

Психология подходила к этой проблеме с точки зрения механизмов восприятия, изучая, в частности, экспрессивные, или физиогномические качества стимулов и феномены синестезии. Другими словами, исследования проходили в основном на "долингвистическом" уровне, т.е. анализировались отдельные фонемы или фонетические комплексы, лишённые значения, с целью проверки их экспрессивной значимости. Такая работа проводилась и в рамках одной лингвистической культуры, и на пересечении языковых культур для выяснения степени универсальности фоносемантических и синестетических значений. Огромная масса собранных данных, соответствующих часто лингвистическим гипотезам, дала новый импульс для оценки экспрессивного качества звуковой субстанции языка.

Основные проблемы, ставящиеся исследователями звуко-символизма (около 520 работ), можно свести к следующим:

1. Звуко-символизм является прежде всего объектом психологии восприятия и, в частности, восприятия экспрессивного качества звучащего события. Первоочередным вопросом является вопрос о природе экспрессивного качества и синестетических феноменов. В каком виде возможен переход от чисто акустических характеристик стимула (высота, интенсивность) к характеристикам другой модальности ощущений (напр., оппозиции "большой"/"малый", "светлый"/"темный" и т.д. или к более сложной модальности когнитивного и эмотивного опыта (напр., оппозиции "хороший"/"плохой", "сильный"/"слабый" и т.д.)?

2. Переходя в лингвистическую область, вопрос переформулируется следующим образом: может ли значение выражаться уже фонемой, вопреки традиционному мнению о морфеме как минимальной значимой единице?

3. По своим акустическим и артикуляторным признакам звук в своей материальности является экстралингвистическим фактом. Имеет ли звук свое специфическое право на гражданство в науке о языке?

4. Является ли звуко-символизм "первичным", т.е. априорно ингерентным по отношению к такому же фонетическому материалу и в некотором смысле универсальным, или экспрессивные значения - вторичный феномен, зависящий от чувствительности говорящих, и, таким образом, чрезвычайно субъективным и изменчивым от культуры к культуре?

5. Что конкретно означает выражение "отношение конгруэнтности" или "аналогии" между звуком и значением? Посредством каких процессов и качеств реализуется изоморфизм между двумя измерениями? В каких частях звуковой субстанции содержится

экспрессивная потенция: в акустическом качестве звука? в качестве его артикуляции? в некоторых других аспектах?

6. Какие области означаемого способны символизироваться посредством фонетических характеристик означающего? Отражается ли только звучащая сторона (как в ономотопее), или также другие физические характеристики (как форма, освещенность и т.п.), или, наконец, более сложные коннотации когнитивного и эмотивного типа?

7. Если принцип произвольности допускает некоторые исключения, то это означает, что в определенных случаях означаемое, или содержание предопределено означающим, или выражением. Эта гипотеза вызывает следующие вопросы:

а) как относиться к тому факту, что в различных языках одни и те же означаемые имеют различные означающие?

б) каким образом ограниченное число фонетических различий в состоянии символизировать бесконечные стороны воспринимаемого мира, когнитивного и эмотивного?

8. Каково общее значение тенденции изучения и использования звуко-символических характеристик в лингвистическом материале? Какой конечной цели и психологическому требованию отвечает символизм звуков?

1.1.1. Глоттогенетические основания фоносемантики.

Первоначально проблема соотношения означающего и означаемого рассматривалась в связи с дискуссией о происхождении языка, начатой в известном "Кратиле" Платона. По мнению Кратила (очевидно, что его разделяет и сам Платон), звук (буква) представляет собой жест речевых органов. Звук семантивен в силу того, что положение и движение речевых органов воспроизводят особенности предмета: так, звук "р", образуемый сильным сотрясением языка, "подражает" сотрясению и порыву, "л" - скольжению и т.д. [Античные теории..., с.20]. Как мы увидим далее, этот тезис разовьется в лингвистике в концепцию языкового жеста, миметического в своей основе (см. [Wundt], [Schaff], [Fenz]).

В отличие от Платона, стоики сосредоточивают свое внимание на звуковых характеристиках самой именуемой вещи и подражанию этой звуковой стороне средствами звуков языка. "Подражание" это мыслится как звукоподражание, непосредственное или опосредованное сходством звукового впечатления (грубость, мягкость, сила и т.д.) со впечатлением, доставляемым вещью. Кроме того, стоики не ограничиваются констатацией только начального ономотопозитического импульса "первых звуков": дальнейшее назначение имен они усматривают на основании сходства, смежности или контраста вещи с другой вещью, имя которой уже имеется [Античные теории..., с.27].

Положение о том, что в основе механизма наименования лежат сходство и смежность, столь пронизательно подмеченное стоиками, трудно переоценить. В дальнейшем оно будет подхвачено французскими классицистами Ш. де Броссом, К. де Жебленом и Ш. Нодье и получит углубление в психологических и психолингвистических экспериментальных исследованиях новейшего времени. Что касается "называния по контрасту", то вряд ли можно аргументированно обосновать истинность этого тезиса. По словам Св. Августина, "роща (lucus) названа так потому, что совсем не светит (lucet), и война (bellum) - потому, что эта вещь не прекрасная (bella), и союз (foedus) - потому, что это вещь не безобразная (foeda)"... [Античные теории..., с.73]. Трудно усмотреть здесь что-либо иное, кроме парадокса. Конечно, в языке существуют такие процедуры как эвфемизация и литота, направленные на переименование сакральных понятий, замещение ненормативной лексики или смягчение положительной или отрицательной оценки. Но связывать отношения тождества или родства прямо противоположные понятия (по типу $A = \text{не-}A$) противоречит как здравой логике, так и психологической реальности человека.

Близкой по духу к платоновской можно считать точку зрения санскритских грамматистов, пытающихся обосновать значения корней исходя из места их артикуляции в органах речи и характеру артикуляционного усилия (передняя или задняя, придыхательная или выдыхательная и т.д.). Так, например, звук, произносимый движением вперед, выражает идею действия, направления; звук, артикулируемый в обратную сторону, - понятие отмены, отрицания; назальный или церебральный звук передает идею подъема, а гуттуральный - идею основания, поддержки [Daniélou, 1967, с.78]. К сожалению, нам не удалось найти каких-нибудь свидетельств объяснения подобных корреляций санскритскими учеными. Представляется, что толкование значений артикуляторных типов слишком обобщено и предполагает высокий уровень абстракции, вряд ли свойственный первичным языковым и ментальным проявлениям.

В Средние века по поводу природы и признаков первоначального языка широко утверждается теория, близкая к Аристотелевскому тезису ("тесей"). Между тем у Данте находим изречение о непосредственной связи имени и вещи: "nomina sunt consequentia rerum" (имена суть следствия вещей).

Тема естественной экспрессивности языка снова утверждается в эпоху Ренессанса. О языковом выражении (Signatura) как о внешнем отражении бытия говорит Якоб Бем в своем трактате "De signatura rerum". Для него выражение является средством, которое делает возможным знание сущего. Под термином signatura нужно понимать общность всех чувственно воспринимаемых качеств вещи. Внешние формы вещей, животных и растений, форма и облик человека, звуковые проявления, произносимые слова - все это берет свое начало

в сущности (Gestaltnis), которая означает у Бема внутреннюю форму, и все это образует выражение, внешнее отражение бытия [Kayser, 1972, с.339]. Вполне естественно предположить, что подобный философский взгляд оказал влияние на концепцию В. фон Гумбольдта и других философов языка, разделяющих мнение о том, что "каждое понятие обязательно должно быть внутренне привязано к свойственным ему самому признакам или к другим соотносимым с ним понятиям, в то время как артикуляционное чувство (Articulationssinn) подыскивает обозначающие это понятие звуки" [Гумбольдт, 1984, с.103]. Якоб Бем затрагивает важнейшую философско-психологическую проблему процесса познания, неразрывно связанную с происхождением языка, мышления и с их развитием.

Пышный расцвет интересных гипотез о естественном отношении между звуком и смыслом в первоначальном языке происходит в XVIII веке. Полемизируя с Дж.Локком, Г.В. Лейбниц утверждает, что "есть что-то естественное в происхождении слов, что стабилизирует отношение между вещами и звуками и движениями голосовых органов" [Leibniz, 1882, с.262].

Заслуживает особого внимания трактат Шарля де Бросса "О механическом образовании языков и физических принципах этимологии" [Brosses, 1765]. Этимология понимается автором так же, как и Сократом в 1-й части "Кротила", где утверждается принцип мотивированности в языке. Но если сократовские этимологии служат для доказательства "правильности имен", для де Бросса этимология - это наука, изучающая истинность слов (как на то указывает происхождение самого слова), т.е. их миметическую (подражательную) способность.

Объектом его исследования является в целом "примитивный язык", который составляет первичную основу для всех языков - своего рода предвосхищение идеи не только об индоевропейском, но и о ностратическом языке как о прародителе других языков. Этот "примитивный язык" характеризуется тремя признаками: "органический, физический и обязательно мотивированный (nécessaire)". Каждый из аспектов этой триады де Бросса соответствует составляющим процесса номинации. Физичность - природа и свойства реальных вещей, которые нужно называть; органичность - конституция голосовых органов, способных воспроизводить звуки, аналогичные их структуре; обязательная мотивированность - соответствие звуков слова называемой вещи.

Пожалуй, во всей истории звукоимовизма Шарль де Бросс был первым, кому удалось сделать прорыв в области систематизирования уровней развития языкового знака. Эта систематизация отразилась в выделенных им 5-ти "порядках", или этапах развития естественного языка. К первому порядку относятся междометия или выкрики, спонтанно вызванные сильным чувством или элементарным

умственным поведением. Страдание затрагивает низкие струны (Heu!), удивление выражается более высоким звуком (Ha!), отвращение - лабиальной артикуляцией (Pouah!), сомнение или расхождение во взглядах - назальным (Hum), который может, соответственно, привносить и значение отрицания. Второй порядок образуют так называемые "мотивированные" (nécessaires) слова, форма которых продиктована строением голосового органа на определенной стадии его развития: так, детский словарь состоит преимущественно из гласных и лабиальных (Maman, Papa, mammelle etc.). В третьем порядке появляются слова "почти мотивированные", называющие голосовые органы, которые участвуют в произнесении того или иного звука: gorge - гуттуральный, dent - дентальный, langue - лингвальный, bouche - лабиальный. Четвертый порядок - собственно звукоподражательный, т.е. сформирован словами, обозначающими предмет через подражание его звуковым свойствам. Этот способ ограничен тем, что может передавать только звучащие реалии, тогда как природа изобилует бесшумными предметами, воздействующими на другие органы чувств, в частности, на зрение. Поэтому необходим пятый порядок, охватывающий слова, отображающие объекты незвучащей природы. Здесь впервые де Бросс приближается к понятию синестезии, связывающей ощущения различных модальностей и перекодирующей зрительные, осязательные, обонятельные и прочие впечатления в слуховые.

Наконец, в этом же порядке Ш. де Бросс открывает новую тенденцию развития, в которой язык постепенно отходит от подражательной сущности и вступает на путь деградации, т.е. произвольности. Эту тенденцию автор называет "деривацией", различая две ее разновидности: "материальная" - т.е. эволюция формы слов и "идеальная" - эволюция значения, которая происходит при образовании новых слов от примитивного корня.

Следует особо остановиться на этом последнем положении Ш. де Бросса, во-первых, потому, что здесь он снова становится первооткрывателем нового принципа, который, наконец, перекинул мост через пропасть между мотивированным и произвольным в языке, - принципа вторичной мотивации, во-вторых, потому, что именно этот принцип будет лежать в основании нашей работы.

Принципами "материальной деривации" являются хрупкость гласных и способность согласных одной и той же артикуляции к взаимозамещению. Так, предположив, что лат. fort и нем. vald имеют одинаковое происхождение, можно считать несущественным различие между O и A, т.к., по теории де Бросса, все гласные сводятся к одной (A), издаваемой более или менее "полным" голосом. С другой стороны, можно увидеть артикуляционную тождественность F и V ("шипящие лабиальные", в терминологии автора), R и L ("лингвальные"), T и D ("дентальные"). Единственное различие между этими двумя словами - общее ослабление (от F к V, от R к L, от T к D)

от латинского к германскому. Отсюда главный принцип: "В этимологии при сравнении слов не следует обращать никакого внимания на гласные, а на согласные только в том случае, когда они произносятся различными органами. Если вариативность согласного происходит только посредством модуляции одного и того же органа, следует говорить об одном и том же согласном" (Цит. по: [Genette, 1972, с.383]). Принцип мобильности гласных и фонемотипа согласных действительно лежит в основе этимологических исследований и широко используется в современной лингвистике при систематизации звукоизобразительной лексики (см.: [Воронин, 1982]).

Чрезвычайно прозорливым, по нашему мнению, оказывается у Ш. де Бросса положение о "деривации идей". Сугубо тезисные высказывания о роли операций сходства и смежности в процессе образования новых значений получают у него последовательное и углубленное развитие. Заметно, что предпочтение отдается второму (approximation), или метонимии. Именно благодаря этому средству, говорит де Бросс, корневые слова, очень малочисленные даже в избыточных языках, получают значения, довольно далекие друг от друга. Например, лат. *altus* означает одинаково и возвышенное и глубокое место, или фр. *hôte*, которое имеет значение и "гостя" и "хозяина". Так, в середине XVIII века ставится проблема энантио-семии.

Именно метонимией объясняется разнообразие слов, указывающих на различные стороны одного и того же объекта или на различные обстоятельства, в которых его можно рассматривать, как бы отвечает автор на один из аргументов гермогенианцев о различных именах одной вещи в разных языках. Даже примитивные корни подпадают под метонимическое распространение. Так, "лестница" может быть отображена артикуляцией CL (в греч. *climax*), которая денотирует "склон", или SC (в лат. *scala*), которая указывает на "углубление", куда ставится нога, или GR (лат. *gradus*) отражающая "усилие" при подъеме.

В качестве характерного примера "отхода" мысли от значения примитивного корня де Бросс приводит деривацию, идущую от корня ST, означающего первоначально неподвижность, к юридическому термину *stellionat* "мошеннический контракт". Вначале корень применялся для обозначения звезд (*stellae*) на основании их кажущейся неподвижности. Затем от *stellae* образовали название для ящерицы (*stelia*), т.к. ее кожа помечена точками, похожими на звезды; затем, взяв другую особенность ящерицы - изворотливость и хитрость -, образовали *stellionat*, значение которого не имеет больше ничего общего с первоначальной идеей неподвижности.

Так, прослеживается путь от мотивированности означаемого к полной оторванности двух планов друг от друга, т.е. к произвольности языкового знака.

Трудно переоценить значение рассмотренной работы французского ученого. По количеству и важности поставленных проблем и оригинальности их решения Шарль де Бросс предвосхищает многие направления, развиваемые вплоть до наших дней в фоносемантике.

Относительно сходные мысли высказывает и Антуан Курт де Жеблен в произведении "Происхождение языка и письменности" [Gébelin, 1775], являющемся третьим томом своеобразной историко-филологической энциклопедии "Первобытный мир". Здесь мы находим тезисы и о мотивированной связи между словами и изображаемыми объектами, в основе которой лежит подражание, и о различном именовании одного и того же предмета, проистекающем из различных выделяемых в нем аспектов, и о вариативности гласных (что, соответственно, утверждает определяющую роль согласных в этимологии).

Продолжая древнюю индийскую и пифагорейскую традицию поиска гармонии (изоморфизма) между различными областями бытия, де Жеблен проводит аналогию между речевыми и музыкальными звуками и сводит весь инвентарь фонетики к 7-ми "звукам" (гласным) и 14-ти "интонациям" (согласным). Физическое различие между этими двумя типами влечет, по мнению автора, и разные задачи в изображении: гласные призваны отображать ощущения, а согласные - идеи. Однако примеры, которыми комментируется это положение, скорее показывают семантические переходы от конкретного к абстрактному, чем различие когнитивных стадий ощущения и понятия. К тому же трудно квалифицировать многие приписанные звукам значения кроме как безудержный полет фантазии.

Безусловно положительным и поучительным разделом работы можно тем не менее считать иллюстрацию в виде таблиц прогрессивной демотивации пиктографических знаков и их перерождение в латинский и другие алфавиты. Подобный пример может служить аналогией для обоснования положения одноименного процесса в звуковом языке.

В отличие от Ш. де Бросса и А. К. де Жеблена, убежденных в едином звукоизобразительном праязыке, Шарль Нодье в работе "Элементарные понятия в лингвистике" [Nodier, 1834] предполагает изначальную дифференциацию, природную разнородность языков. Этим самым он сталкивает два взаимодополняющих друг друга мифа: об Адамовом языке и о Вавилонском разъединении. Эта гипотеза исходит из множественности сторон называемого объекта и разнообразия местоположений народов, называющих этот объект. Для Нодье каждый из первоначальных "автохтонных" языков беден: богатство лексики, соответствующее, с одной стороны, разнообразию сторон действительности и, с другой стороны, разнообразию

человеческих ситуаций, заключено только в сумме существующих языков.

Разделяя точку зрения двух предыдущих исследователей о звуко-подражательном и звукожестовом происхождении человеческих языков, Ш. Нодье представляет последовательность появления тех или иных речевых звуков в онтогенезе. Согласно языковеду, у истока стояли гласные, которые ближе всего к сигналам животного инстинкта. Затем следует эра членораздельного или консонантного языка, начинающаяся с лабиальных. В качестве аргумента приводятся первые слова детской речи и их связь с первыми губными движениями. При этом Нодье разграничивает оноματοпею, т.е. подражание внешним шумам (включая крики животных) и "мимологизм" - подражание человеческому голосовому звуку. Далее появляются дентальные, лингвальное L, придыхательное H, "раскатистое палатальное" R, назальное N. Интересны толкования значений каждого из этих звуков, но к этому мы вернемся при рассмотрении общей системы звуковой семантики.

Среди горячих сторонников мотивированности отношений звука и значения был Вильгельм фон Гумбольдт, по мнению которого в развитии языков существует первый период, когда люди придают большое значение поэтическому очарованию звука и формируют миметические слова, имеющие определенное сходство во всех человеческих языках [Гумбольдт, 1984, с.92]. Этот период связан с первым способом обозначения понятий - непосредственно подражательным, что соответствует общепринятому звукоподражанию.

Второй способ, названный Гумбольдтом символическим, "основывается на подражании не непосредственно звуку или предмету, а некоему внутреннему свойству, присущему им обоим" (с.93). Однако в приводимых примерах ученый не погружается в более или менее строгий анализ, так и не проясняя характер этого "внутреннего свойства". Так, совершенно не эксплицируется свойство, объединяющее звук N и понятия: nicht, nagen, Neid ("не", "глодать", "зависть"). Вряд ли убеждает усмотренное в этом ряду впечатление "быстрого и точного отсечения". По-видимому, под "символическим" способом ученый подразумевает изображение звуком незвучащих предметов на основе синестетических связей.

Третий способ, "аналогический", является наиболее плодотворным в обозначении понятий, т.к. строится уже на готовом инвентаре звуковых единств, созданных первыми двумя способами (с.94). В этом процессе особую роль играет "родство обозначаемых понятий", символизируемое "словесными единствами определенной протяженности". Ясно, что речь здесь идет не об отдельных звуках, а о сформировавшихся осмысленных звукокомплексах, которые становятся базой для дальнейшего развития их первоначального значения. Именно этот этап, названных Ш. де Броссом "деривацией", выводит язык за пределы первичной мотивированности.

В целом в XIX в. произошло обесценивание исследований глоттогенетического типа и, как следствие, гипотез соответствия звука и смысла. Основным толчком для этого послужили открытия санскрита и индоевропейских языков, которые не подтверждали умозаключения о естественности первоначального языка. Для Ф. фон Шлегеля индоевропейский язык - уже абстрактный, и более древние корни вовсе не содержат звукоподражания. Идея о том, что язык от начала до конца - высоко символическая система (в понимании Ч. Пирса) и поэтому произвольная, стала преобладающей.

Вторым тормозом, кроме того, стало отделение фонетики от лингвистики и субстанции от формы (что будет уточнено Соссюром). Отсюда следует, что экспрессивность звуков, даже если таковая существует, является чуждым лингвистике фактом, или периферийным типом, не входящим в основу языковой системы.

Однако подобная существенная критика все же не уничтожила попыток реконструировать изначальное гипотетическое единство между звуком и значением. В XX веке исследования продолжают и становятся все более многочисленными.

В области исследований, касающихся звуко-символизма в нашем столетии, можно выделить четыре основных направления.

Первое представлено учеными, не отказавшимися еще от изучения проблемы происхождения языка. В этом контексте они отводят большую роль "принципу аналогии", который по способу функционирования, характерному для архаичного и дологического типа мышления, отличается от более развитого логико-рационального мышления. Эта ориентация, бывшая типичной для Вико, использует наблюдения за экспрессивным поведением детей, животных, примитивных народов, изучением случаев умственной отсталости. Ученые этого направления [Wundt, Oehl, Cassirer, Paget, Paul, van Ginneken, Révész, Werner, Bayley, Fano, Jousse, Hewes, Леонтьев, Горелов, Шахнарович, Корнилов] придерживаются в основном старой мысли о прогрессивной фонетической демотивации при переходе от примитивного языка к развитому. По словам Фано, подражательное богатство первоначального языка "постепенно устраняется, и в оставшемся материале, как правило, сохраняются слова менее оноματοпоэтические, т.к. звуковое изобилие, так же, как и чрезмерное жестикулирование, кажется многим чем-то примитивным и грубым" [Fano, 1962, с.62]. Процесс денатурализации слов описан М. Жуссом как переход от "фономимем", т.е. слов, непосредственно имитирующих свои референты, к "алгебросемам", т.е. истощенным, стершимся от времени словам, потерявшим прямую связь с реальностью [Jousse, 1974].

Второе направление образуется прежде всего лингвистами, предостерегающими от аксиомы абсолютной произвольности Соссюра и, поэтому, призывающими к введению в лингвистику явлений аналогии и фонетического иконизма для более адекватного понимания

всей реальности языка: [Jespersen, Sapir, Bonfante, Kainz, Coseriu, Wandruszka, Jakobson, Ullmann, Martinet, Grammont, Chastaign, Fonagy, Malmberg, Genette, Левицкий, Wescott].

Третье направление исследований характеризуется экспериментальными работами психологов и психолингвистов, анализирующих синестетические явления, связанные с различными звуками языка. Инициированное Э.Сепиром, оно было продолжено такими учеными как Д.Узнадзе, С.Ньюмен, В.Келер, И.Тэйлор, Дж.Вайс, Ж.Петерфалви, Л.Маркс, А.П.Журавлев и т.д.

Отметим, наконец, четвертое направление, не столь многочисленное по своим представителям, которые занимаются изучением фоносемантических универсалий, привлекая свидетельства как из различных языков индоевропейской семьи, так и выходя за ее пределы [Иллич-Свитыч, Газов-Гинзберг, Воронин].

1.1.2 Психологические экспериментальные основания.

Большая часть первоначальной истории психологии как экспериментальной науки приходится на проблемы восприятия и, в частности, на выяснение условий, с помощью которых организм перерабатывает данные физического мира, т.е. классические первичные качества по Декарту и Галилею. Однако можно утверждать, что поиск научного статуса психологии, стремившейся сконцентрировать свои анализы на более поверхностных данных, заключал в себе риск оставить в стороне явления психологически более интересные и, в частности, по словам П.Гийома, "восприятие определенных выразительных сторон существ и вещей, без которых становятся непонятными основные черты человеческой культуры и мира значений" [Guillaume, 1937, сс.184-185].

Эта лакуна была в полной мере заполнена дальнейшей работой, особенно деятельностью представителей теории формы, уделивших большое внимание тому, что К.Кофка называл "третичным" качеством объектов [Koffka, 1935]. Сегодня каждый хороший учебник по психологии содержит ссылку или даже главу, посвященную выразительным свойствам воспринимаемых явлений.

Под этим названием подразумевается тот факт, что каждое воспринимаемое событие (следовательно, также и звук, в особенности, языковой звук) кодируется не только в терминах качества, как форма, величина, вес и т.д., присущего объекту и не зависящего от субъективного восприятия, или как запах и вкус, более зависящего от обусловленности органов чувств, но также более сложных качеств, отсылающих к опыту, с которым связано восприятие объекта, к эмотивным реакциям, к положительному или отрицательному отношению, к эстетической оценке.

Например, цвет может быть определен не только по его специфичным хроматическим качествам, но может представляться веселым или грустным; видимая форма вызывает впечатление силы или слабости, динамичности или статичности; звук кажется нежным или агрессивным; жест - успокаивающим или коварным и т.д. Все эти явления проявляются в общем языковом поведении, в котором выражение, указывающее на качества внешней действительности (твердый, мягкий, сладкий, горький и т.п.) часто употребляются для обозначения психологических качеств, и, наоборот, термины, специфичные для внутреннего мира (спокойный, веселый, решительный и т.п.) - для обозначения условий внешних объектов.

Описанные явления иногда называют "синестезией". Однако, следуя В.Н.Демберу и Д.Д.Дженкинсу [Dember, Jenkins 1970, с.273], представляется более правильным считать синестезией более ограниченный воспринимаемый факт и относить ее к так называемым "интермодальным процессам". Это такие явления, в которых проявляется интерференция между сенсорными системами, например, стимул аудитивного типа вызывает реакции, свойственные визуальной системе (как в знаменитом феномене "цветного слуха").

В свою очередь, Г.Вернер [Werner, 1953, с.69] употребляет термин "физиогномическое качество", указывающее на широкую область, типичную прежде всего для детского и примитивного восприятия, в котором происходит смешение объективного и субъективного миров, т.е. внешняя действительность "прочитывается" соответственно параметрам внутреннего мира, и наоборот.

В связи с этим, кажется более правильным отнести определению "экспрессивные характеристики" обобщающее значение, покрывающее всю область рассмотренных явлений; с другой стороны, можно говорить о "физиогномических" качествах, когда воспринимаемое явление вызывает коннотации, свойственные субъективному миру и психологической действительности; и о "синестетических" качествах, когда явление, свойственное определенной модальности интерпретируется в терминах другой сенсорной модальности. Так, если фонема [i] воспринимается как угловатое и светлое, речь идет о синестезии, если она переживается как радостное или агрессивное, то надо говорить о физиогномии.

1.1.2.1 Теории экспрессивности.

Проблема природы и происхождения экспрессивных качеств (здесь мы будем говорить о физиогномии) может быть сформулирована в следующем виде: в начальной стадии процесса восприятия, т.е. в стимуле, присутствуют физические данные (форма, величина, освещенность и т.д.), в конечной стадии процесса, т.е. в опыте воспринимающего субъекта, появляются элементы психологи-

ческой природы (например, впечатление радости или грусти, силы или слабости и т.д.). Каким образом происходит переход от характеристик первого к характеристикам второго порядка? Является ли экспрессивность субъективным образованием, или же в самом стимуле существуют, помимо воспринимаемых первичных и вторичных качеств, еще и третичные?

Как можно заметить, это как раз проблема, дискутируемая между сторонниками и противниками звуко-символизма: одни утверждают, что экспрессивность заключена в самой природе звуковой субстанции, другие - что это субъективная фантазия или же культурное явление, обязанное приобретенным ассоциациям.

Согласно одному из решений проблемы, так называемые экспрессивные свойства являются чисто субъективным или культурным образованием, лишенным какой-либо эмпирической поддержки в материале стимула и присоединяемым к последнему с помощью процесса произвольной ассоциации. Экспрессивное содержание приписывается стимулам на том основании, что они, независимо от своих физических свойств, являются исходной точкой определенного внутреннего переживания, более или менее богатого аффективным содержанием; свойства субъективных переживаний ассоциируются затем с воспринимаемыми чертами объектов, которые становятся "нагруженными" экспрессивным значением; последнее, однако, имеет совершенно иную природу. Любой тип означаемого может связываться с любым типом стимула, как, например, в классическом эксперименте Павлова: какой угодно сенсорный раздражитель, первоначально нейтральный, т.е. незначимый для животного (звук колокольчика, зажигание света и т.п.) может стать носителем какого угодно означаемого, произвольно выбранного экспериментатором (сигнал к кормлению, фрустрация электрическим разрядом во время кормления).

Ссылаясь на область мимического выражения, эта теория утверждает, например, что улыбающееся лицо матери становится приятным и успокаивающим стимулом для ребенка не потому, что такая перцептивная конфигурация сама по себе выражает это означаемое, но потому, что ребенок научился ассоциировать улыбку и последующее вознаграждение, которые, повторяясь в опыте, представляются смежными. Если ребенок подвергается воздействию противоположного знака (гневное лицо/переживание вознаграждения), то то же экспрессивное значение без труда будет приписано обратному стимулу.

Подобный подход к проблеме происхождения экспрессивных свойств, таким образом, четко совпадает с концепцией сторонников произвольности знака в отношении к проблеме звуко-символизма: в воспринимаемом материале присутствуют только первичные и вторичные свойства, и то, что называется экспрессивным признаком, является образованием, привнесенным a posteriori, в более или менее

искусственной форме, совершенно отличным по природе от объективных данных. Являясь продуктом культуры, он не обладает природной основой, что предполагает очень большую долю субъективизма или культурного релятивизма экспрессивности.

Это положение в основном подкрепляется ссылкой на наблюдения за жестомимическим языком или экспрессивными коррелятами эмоций.

Однако рассматриваемая теория широко критикуется как за преувеличение роли приобретенного, так и за игнорирование значительной однородности, встречаемой в экспрессивных фактах среди различных культур, которые позволяют допустить гипотезу существования природной основы экспрессивности.

С первой точки зрения, теория произвольных ассоциаций не учитывает те случаи, в которых существует точное понимание экспрессивных признаков стимула, позволяющее исключить специфический прожитый опыт в этом отношении. Эмблематические примеры такого типа приведены В.Келером [Koehler, 1925] и касаются некоторых эмотивных реакций изучаемых им шимпанзе. Например, появление его с картонной маской, изображающей сенегальского демона, конечно, не виденного раньше, вызвало сильную паническую реакцию у шимпанзе.

Со второй точки зрения, т.е. абсолютно культурного релятивизма и разнообразия, последние исследования этнологов, антропологов и социальных психологов смягчают радикализм подобных положений и показывают широкую однородность экспрессивного поведения среди различных культур.

С.Аш [Asch, 1955] отмечает, что преувеличение роли различий часто основано на обращении к фактам, остающимся на поверхности, и ведет к пренебрежению структурными сходствами, присущими внешне различным явлениям. Например, виды приветствий могут быть очень разнообразны (кайоны из Борнео обнимаются и берут друг друга за верхнюю часть руки, курды подают друг другу правую руку, которую приподнимают и целуют взаимно), однако в целом все эти формы являются поверхностными вариациями схемы сближения и контакта. Было бы более неожиданным встретить случаи, когда ритуал приветствия предписывал бы вращать спиной и свирепо смотреть друг другу в глаза. То же может быть сказано и по отношению к формулам, выражающим внимание: прикосновение к носу или к щеке, потирание носами, различные типы поцелуев и т.п. - несомненно предопределены культурой. Тем не менее и в этом случае различия всего лишь поверхностны, тогда как положенный в основу поведенческой схемы признак остается аналогичным.

1.1.2.2. Теории "опосредованного обобщения".

Учитывая вышеописанные трудности, другие перспективные теории стремятся ограничить роль произвольности в восприятии и в видении экспрессивных свойств, подчеркивая, в свою очередь, присутствие более тесных и более естественных уз между формой и содержанием выражаемого.

В связи с этим выдвигается положение об ассоциативном, а не произвольном происхождении экспрессивных признаков. В основе этой теории определенный сенсорный стимул становится выразителем качеств, свойственных другому сенсорному измерению (синестезия) или психологическому означаемому (физиогномия) не в силу произвольно установленных культурой ассоциаций, а благодаря конкретным связям фактов, существующих в условиях восприятия подобного стимула. Другими словами, это направление, которое в звуко-символизме проводится Р.Брауном [Brown, 1958] и Ж.Петерфалви [Peterfalvi, 1970], исходит из положения, что различные стимулы природы предстают не в изолированной форме, но всегда в контексте более или менее регулярной интерпретации. Такое сосуществование явлений позволяет нам в процессе "опосредованного обобщения" перекодировать один стимул в терминах другого, сближенного с ним, и сохранить, таким образом, эквивалентность и однородность между различными сенсорными или психологическими измерениями.

Примеры подобных взаимосвязей многочисленны: маленькие предметы издают обычно более высокие звуки, чем большие объекты; то же можно сказать о твердых предметах по сравнению с мягкими; округлая или гладкая форма оказывает на осязание более мягкое впечатление; угловатая или шероховатая - более сильное; грубый телесный контакт - болезнен, легкий - приятен и т.п. Все эти "сосуществования", которые так же лежат в основе процессов метафоризации, приобретены в ходе опыта, но не являются произвольными и навязанными культурой.

Аналогичные замечания касаются также отношений между содержанием эмоции и ее выражением. По этому поводу часто прибегают к дарвиновской концепции [Darwin, 1872], согласно которой различные поведенческие проявления, сопровождающие эмоции, посредством которых они выражаются, не являются произвольными или зависящими от культуры (по крайней мере в определенных пределах), но представляются соответствующими и мотивированными в том смысле, что они приобретают изначально ясную биологическую и адаптивную функцию. Так, в ярости учащающиеся сердцебиение и ритм дыхания являются частью общего повышения уровня активности организма, готовящегося к атаке; мимическое выражение, как оскалывание зубов, является частью готовности к борьбе; выражение отвращения или презрения моделировано по конкретным реакциям,

вызываемым такими состояниями, как тошнота или контакт с отталкивающим веществом.

В процессе эволюции жесто-мимический язык и экспрессивное поведение потеряли свой первоначальный биологический и адаптивный смысл, приобретая форму "сокращенного выражения" и сохранив значения только для целей коммуникации. Тем не менее, анализ может восстановить их филогенетическое означаемое и "ремотивировать" те аспекты, которые могут показаться совершенно произвольными.

1.1.2.3. Теория структурного изоморфизма.

Описанные ранее теории предполагают, что наблюдаемые свойства изначально лишены выразительных качеств и что последние проявляются посредством ассоциативных процессов, связывающих определенное означаемое с данным означающим в форме более или менее произвольной или обусловленной в той или иной мере культурой.

Направление, развиваемое последователями гештальт-психологии, придерживается, однако, совершенно противоположной точки зрения: экспрессивные характеристики изначально и "ингерентно" присутствуют в воспринимаемых формах наравне с первичными и вторичными свойствами. По этому поводу П.Гийом замечает: "Мы воспринимаем непосредственно, без помощи уроков предыдущего богатого опыта, определенные свойства, ингерентные объектам или фактам, из которых классическая теория стремится сделать простые произвольные знаки" [Guillaume, 1937, с.187]. И далее: "В первичной структуре восприятия выразительных фактов нет ни проекции, ни интериоризации. Мы воспринимаем формальные свойства, которые сами по себе имеют смысл, значение... Я непосредственно замечаю в модуляциях усиливающегося или ослабляющегося голоса, в резких скачках или в постоянном изменении высоты, атак и импровизированных взрывов, независимо от какого угодно личного опыта и от всевозможных контактов со сложной ситуацией, в которую включаются все новые элементы, они прямо выражают динамизм эмоций" (с.189).

Таким образом, экспрессивные факты воспринимаются как любой другой наблюдаемый объект, и обмен между внутренним и внешним, между субъективным и объективным, который в них проявляется, основывается не на произвольном приписывании смысла, а на тонком структурном изоморфизме между двумя уровнями опыта. Если маска, не виденная ранее, вызывает проявление страха, то это потому, что она страшна сама по себе, потому, что определенная комбинация линий и цвета обладает подобным качеством сама по себе.

Вышеописанная интерпретация была подтверждена большим количеством экспериментальных работ, которые последовали за ставшим классическим исследованием А. Мишота "Восприятие причинности" [Michotte, 1946]. В своей работе Мишот опровергает традиционное эмпиристико-ассоцианистское объяснение причинности, согласно которому (например, точка зрения Хьюма), во внешней действительности существуют только последовательности не зависящих друг от друга событий, и впечатление причинной связи, испытанной нами, является искусственным установлением, результатом бессознательного суждения (за А всегда следует Б, значит Б вызвано А), обязанного привычке и прожитому опыту.

Построив остроумную экспериментальную ситуацию, в которой испытуемым предъявлялись маленькие прямоугольники, двигающиеся по экрану с различной скоростью, направлением и расстоянием, Мишот показал, что определенная последовательность движений вызывает мгновенное и естественное впечатление причинной связи.

Восприятие причинности возникает не как результат научения или ожидания благодаря пройденному опыту, но вытекает из специфического структурного качества ситуации, в которой реализуется событие: впечатление подтверждает объективно существующую причинную связь комбинаций (например, время - скорость), иначе она бы не воспринималась, сколько бы ни повторялись стимулы.

Наряду с эффектами, выявленными А. Мишотом, экспериментальное исследование обнаружило большое количество связей между стимулами, которые могут фундаментально объяснить конкретные структурные факторы опыта восприятия.

Ж. Каница и Ф. Метелли [Kanizsa, Metelli, 1961] исследовали восприятие "эффекта притяжения" между двумя стимулами; Дж. Ф. Мингуцци [Minguzzi, 1967] - восприятие "эффекта торможения"; Ж. Каница и Дж. Викарио [Kanizsa, Vicario, 1967] - кинетические свойства, способные ассоциироваться с более сложными озаключаемыми, как агрессия или ярость.

В то же время, что касается интерпретации мимико-жестового поведения и выражения эмоций, теория формы преуменьшает роль приобретенного и подчеркивает изоморфные отношения между планами содержания и выражения, т.е. между психическим переживанием эмоции и ее нейрофизиологическими и поведенческими коррелятами: "выразительная сторона эмоции", - утверждает С. Аш - "является в целом видимой формой эмотивного опыта, в которой отражаются содержание и динамика" [Asch, 1955, с. 216].

1.1.2.4. Интерпретации синестезии.

Явление синестезии также вызвало многочисленные объяснительные теории (см.: [Werner, 1953; Marks, 1975; Галеев, 1987]).

Первоначально синестезия рассматривалась как патологический феномен, вызванный ненормальным состоянием нервной системы, как, например, вид короткого замыкания или анастомоз между нейронами, принадлежащими двум или более органам чувств. Но объяснительная значимость данной теории перекрывается несомненной расплывчатостью этого явления.

Второй подход утверждает, что синестезия является результатом причинной смежности между различными стимулами (например, звук - цвет), воспринимаемыми совместно в детском возрасте, и между которыми вследствие этого устанавливается ассоциативная связь.

Эта теория может действительно объяснить некоторые синестетические факты идиосинкратичной природы, но она встречает многочисленные трудности, сталкиваясь с широкой регулярностью наблюдаемых синестетических ассоциаций.

Третья теория исходит из предположения, что любой стимул, затрагивающий наши чувства, производит либо специфические изменения в отдельной системе ощущений, либо физиологические изменения общего характера. Более обобщенно, эти явления могли бы составить основу синестетических соответствий. Когда два стимула возбуждают различные органы чувств, но вызывают какие-либо сходные физиологические реакции, эти стимулы могут ассоциироваться друг с другом. Согласно В. С. Бернштайну [Börnstein, 1970], стимуляция органов чувств вызывает общий эффект мускульного напряжения, и подобная тоническая реакция может быть посредническим элементом синестезии. Аналогичным является положение "сенсорно-тонической" теории Г. Вернера и Б. Каплан [Werner, Kaplan, 1963]. Слабым звеном этой теории является трудность в объяснении того, каким образом одно мускульное напряжение может учитывать большое разнообразие соответствий между различными чувственными переживаниями.

Для других, например, Л. А. Риггс и Т. Карвоски [Riggs, Karwoski, 1934], промежуточный элемент представлен реакцией эмотивной природы. Аналогичное объяснение дает Осгуд, для которого "общее аффективное означаемое является основой для метафоры и синестезии" [Osgood, 1975, с. 399]. Осгуд рассматривает подобные феномены как проявление общих факторов коннотативного означаемого (таких же как Оценка, Сила, Активность), которые измеряются по семантической шкале. Объяснительная ценность данной гипотезы способствует углублению знаний о свойствах сенсорной и нервной систем.

В настоящее время кажется установленной маргинальность роли приобретенного в случае синестезии. Факты синестезии могут прояв-

ляться независимо от совместно встречающихся событий в различных сенсорных модальностях. Это замечено, например, в отношении синестезии пространственной величины звука. С.С.Стивенс [Stevens, 1934] приводит пример с женщиной, слепой от рождения и лишенной, таким образом, способности испытывать ассоциации между визуальной величиной и опытом звукового типа, которая определяла величину предметов по звуку, так же, как и зрячие испытуемые.

Ассоцианистская теория опровергается так же специальными экспериментами, основанными на научении ассоциативным связям между стимулами различных сенсорных модальностей (например, звук - цвет). Подобные исследования показали, что в этом случае развивается ассоциативное научение, но не тенденция воспринимать синестетически (см.: [Kelly, 1934; Howells, 1944]).

Согласно теории формы, синестетические соответствия происходят не из научения свойствам, разделяемым сенсорными стимулами различных модальностей, а из структурных или изоморфных аналогий, сосредоточенных в форме. Для объяснения синестезии "морщинистого звука", считает П.Гийом, не обязательно прибегать к опыту, что один тип объективной причины вызывает два типа восприятия - свойство, на которое указывается, принадлежит примитивной форме независимо от обоих восприятий [Guillaume, 1937, с.193].

Общая тенденция трактовки синестезии в современный период, кажется, склоняется в пользу ее психофизиологической природы, проявляющейся наиболее отчетливо на ранних ступенях ментального развития. Как показали многие исследования (см., напр. [Werner, 1953]), это образ мышления, более свойственный детям и "примитивным" народам, интуитивной и конкретной мысли [Piaget, 1926] или такой, которую Дж.С.Брюнер назвал "иконическим" способом представления в сравнении с "символическим" [Bruner, 1964]. Она может быть утрачена во взрослом состоянии вследствие преимущественно практической, логической, научной ориентации в столкновении с действительностью, хотя следы ее остались разбросанными по всему полю оценивающей и качественной лексики.

Приведенный выше анализ подтверждает, что материальная субстанция, подлежащая нашему восприятию, автономно снабжена большим количеством экспрессивных значимостей синестетической или физиогномической природы еще до того, как быть организованной в значащую форму какой-либо семиотической системы. Формы, цвета, запахи, вкусы, звуки и, следовательно, членораздельные звуки человека характеризуются не только своими первичными или вторичными свойствами (пространственно-временные параметры, интенсивность, высота и т.д.), но включаются в широкую сеть эвкативных и коннотативных означаемых.

Только в небольшой своей части эти означаемые представляются идиосинкратичными, произвольными или культурно детерминированными. В большинстве случаев, однако, они являются ингерентными, мотивированными и проявляют прочность и однородность межкультурного типа.

Те же отношения свойственны и для языкового означающего, т.е. возможность согласования выражения с содержанием, построения означающего с помощью некоего процесса изоморфной трансформации, сохраняя аналогию с перцептивной или семантической моделью: "... голос может подражать не только другому голосу и характерным звукам вещей, но также и неакустическим признакам; достаточно, чтобы некоторые формальные свойства обнаруживались в модели и в подражании. Таким образом, может быть расширено старое понятие ономапии, а происхождение звуковых символов освободилось бы от ее кажущейся произвольности" [Guillaume, 1937, с.198].

Отмечая некоторую узость сложившегося термина "синестезия", ограничивающегося чисто сенсорной областью действия, С.В. Воронин предлагает новый термин для обозначения сенсорно-эмоциональных и эмоциональных переносов - "синестемия": "В сенсорном типе (ассоциативный архитип, психофизиологический уровень) имеет место перенос качества одного ощущения на другое, при этом в чисто сенсорном типе перенос прямой, в сенсорно-эмоциональном - медиаторный, т.е. опосредованный "супрасегментно" общим эмоциональным элементом. В эмоциональном типе (ассоциативный архитип, психофизиологический уровень) - прямой перенос качества ощущения на эмоцию. На лингвистическом уровне видим аналогичную картину - с той лишь разницей, что речь здесь идет не о самих сенсорно-эмоциональных элементах, а об их языковых обозначениях, и объектом переноса служит не качество ощущения, а значение звуко-символического слова" [Воронин, 1982, с.85].

Фундаментальное исследование В.М.Галева, рассматривающего проявления синестезии в различных областях человеческой творческой деятельности - кинематограф, видео, светомузыка и др. - , привело автора к выводу о существовании единого механизма интерактивности ощущений, в основе которого лежит "кинестетический анализатор" - постоянный "аккомпаниатор" работы остальных органов чувств. Функцией же этого анализатора является "уподобление динамики процессов рецептирующей системы свойствам внешнего воздействия" [Галеев, 1987, сс.105-106]. Этот вывод в точности согласуется с изученным С.В.Ворониным феноменом "синкинезии", или совокупности "кинем", определяемых как "различные жестовые (и в первую очередь мимические) движения, представляющих собой, во-первых, рефлекторные и "выразительные" движения, сопровождающие "внутренние" (сенсорные, эмотивные, волюнтативные, ментальные) процессы в сфере сознания человека, и,

во-вторых, "симпатические" движения, служащие мимическими подражаниями "внешним" неакустическим объектам (их форме, размеру, движению) [Воронин, 1988, с.16]. Рассмотренный выше процесс "синестемии" в сочетании с "синкинемией" образуют единый психофизиологический базис звуко-символизма, получая у ученого название "синкине-стемия" [ibid., с.17].

В связи с рассмотренными выше точками зрения возникает необходимость дальнейших уточнений в терминологию звуко-символизма и, следовательно, отметить специфическим образом различные формы фонетической выразительности:

- эхоический символизм, т.е. когда фонетический звук прямо повторяет какую-нибудь звучащую сторону отображаемого, как в случае онома-топии;

- синестетический символизм - когда звук вызывает ощущения свойств отображаемого, относящихся к другой сенсорной модальности (например, говоря о звуке: "жесткий" или "мягкий", "светлый" или "темный", "сладкий" или "горький", "тяжелый" или "легкий" и т.д.);

- физиогномический символизм - когда звук ассоциируется с эмотивными или психофизиологическими свойствами (принимая терминологию С.В. Воронина, "синкине-стемический символизм"), напр. говоря о звуке: "агрессивный" или "мягкий", "веселый" или "печальный", "мужественный" или "женственный" и т.д., либо "угловатый" или "округлый", "напряженный" или "слабый", "большой" или "малый".

1.1.3. Экспериментальные психолингвистические исследования.

Эмпирические исследования звуко-символизма, направленные либо на проверку существования этого феномена, либо на определение природы переменных, от которых он может зависеть, составляют теперь уже широкий и разнообразный корпус. В этой главе будут очерчены рамки главных типов исследований с акцентом на первой установке. Различные типы исследований будут расположены по критериям классификации, основанной главным образом на принятой экспериментальной методологии.

1.1.3.1. Ассоциация с понятиями.

Первый используемый способ для выявления существования фоно-символических значимостей состоит в построении искусственных слов, лишенных, следовательно, означаемого, и в опросе группы испытуемых на предмет содержания денотативного или коннотативного типа, которое они вызывают. Гипотезой является то, что регулярность вызываемых ассоциаций может служить свидетельством

экспрессивности значения звуков. Такой подход осуществлялся на различных уровнях методологических построений.

1. "Свободные" ассоциации. Наиболее простая форма заключается в представлении лишенных смысла фонетических комплексов и в просьбе связать данное слово со смыслом. Например, Г.Мюллер [Müller, 1935] предложил группе взрослых и детей слова, заимствованные из языка, незнакомого им (банту, эскимосский и т.д.). Испытуемые должны были указать все ассоциации сенсорного, концептуального или эмотивного типов. Исследователь заметил, что большинство испытуемых предлагает означаемые, сходные с означаемыми похожих слов родного языка. Однако подобная техника представляется слабой, т.к. ответы создают трудности для сравнения, интерпретации и статистического анализа; кроме того, стимулы являются слишком сложными, следовательно, едва ли пригодными для выявления специфических фонетических вариаций, от которых зависят ассоциации.

2. "Направленные" ассоциации. Более ценной кажется методика, разработанная Э.Сепиром [Sapir, 1929], т.к. она предлагает испытуемым выбор между двумя полярными означаемыми. В то же время стимулы построены таким образом, чтобы выявить интересующий фонетический элемент. Сэпир предложил серию из пар "слов" (напр., mil/mal), построенных по схеме CVC, в которых при постоянных согласных менялся гласный; таким образом, создавались всевозможные вокалические контрасты (i/e, i/a, i/o и т.п.). Испытуемым говорилось, что предлагаемые слова взяты из незнакомого им языка и обозначают предметы, различающиеся по величине; нужно определить, какое из слов соответствует большему, а какое - меньшему предмету. Результаты подтвердили гипотезу об оценке открытого [a] как большего, а закрытого [i] как меньшего звука. Подобная техника была последовательно проведена многочисленными исследователями, изучавшими также и другие символические измерения. С.Ньюмен [Newman, 1933] дополнил опыт исследованием согласных и оппозиции "светлый - темный"; М.Шастен [Chastaing, 1964a] исследовал символическую значимость звонких и глухих согласных в отношении к понятиям тяжести, величины, мягкости и долготы; Дж.Вайс [Weiss, 1964] построил пары бессмысленных слов с целью их ассоциирования с оппозиционными понятиями - "большой - малый", "темный - светлый", "круглый - угловатый", выяснив постоянное соответствие с гласными переднего и заднего ряда.

3. Анализ с помощью семантического дифференциала. Эта техника осуществляется для вызывания символических ассоциаций различных звуков с применением "семантического дифференциала" Осгуда [Osgood, 1957]. В данном случае реакции испытуемых на стимул (бессмысленный фонетический комплекс) состоят не в слове с денотативным смыслом, а в "коннотативном профиле" стимула, ре-

зультирующего из его положения в семантическом пространстве, образованном двухполюсными шкалами. Гипотеза, лежащая в основе этого подхода, заключается в том, что фонетические различия стимулов ассоциируются с различными коннотативными профилями. К этому типу относятся исследования М.С.Майрона [Miron, 1961] и Тэйлоров [Taylor & Taylor, 1962]. Несколько по-другому семантический дифференциал был применен М.Вертхаймером [Wertheimer, 1958]. Он исходит из предположения, что звуко-символические слова, в силу своего экспрессивного качества, должны обладать большей жизнеспособностью означаемого, по сравнению с конвенциональными словами. Подобное семантическое богатство должно определять их профили таким образом, что в семантическом дифференциале они будут более экстремизированы, т.е. оценки их признаков будут расположены ближе к полюсам различных шкал. Гипотеза была проверена на 5 звуко-символических и 5 совершенно произвольных словах. Результаты оказались соответствующими ожиданиям: первая группа слов получила оценки, значительно отличающиеся от второй группы в предсказанном направлении.

Метод семантического шкалирования в нашей стране был оригинально применен А.П. Журавлевым [Журавлев, 1974]. Смысл эксперимента заключался в том, чтобы определить "признаковое пространство" звуков русского языка. Для этого испытуемым - русским и иностранцам, не знающим русского языка, - предлагалось приписать каждому звуку числовое значение, соответствующее, по их мнению, степени его экспрессивности на той или иной признаковой шкале. Суммированным результатом его исследования оказалась доминирующая экспрессивность звуков по трем основным измерениям: "оценки", "мягкости" и "активности". Выяснив среднюю признаковую значимость каждого звука, Журавлев использует тот же принцип по отношению к искусственным словам, сравнивая затем полученную оценку слова с теоретически вычисленной ожидаемостью (теоретическая значимость звукокомплекса выводилась из суммы значимостей каждого звука). Гипотеза о корреляции признакового пространства бессмысленного звукокомплекса с суммой значимостей составляющих его звуков подтвердилась.

1.1.3.2. Ассоциации с изображениями.

Второй тип экспериментального подхода, начатый В.Келером [Koehler, 1933], выясняет связи между структурными свойствами, принадлежащими к разным сенсорным системам, т.е. бессмысленной речевой материи и изобразительному материалу, так же лишенному смысла. Гипотеза состоит в том, что определенные типы фонем (или более сложные фонетические структуры) систематически ассоциируются с определенными типами визуальных конфигураций (напри-

мер, большие - малые, угловатые - округлые и т.д.) Подобная методика была использована уже С.Фишером [Fischer, 1921], Д.Н.Узнадзе [Usnadze, 1924], М.Миязаки [Miyazaki, 1924].

Д.Н. Узнадзе создал экспериментальную ситуацию, в которой несколько испытуемых должны были приписать 6-ти абстрактным рисункам название, выбранное из различных бессмысленных фонетических комплексов. Самоотчет испытуемых в процессе ассоциирования изображения и слова позволил затем вскрыть промежуточный элемент, руководящий выбором.

На основании полученных данных Узнадзе приходит к выводу, что отношение между фонетическим и изобразительным материалом может быть детерминировано или внешними, "ассоциативными" факторами (т.е. вызвано сближением звука данного фонетического комплекса со словом конвенционального языка, обозначающего понятие, воспринимаемое на рисунке (например, слово *ketith* вызвало *ketith*, что на грузинском значит "палка"), или более внутренними, структурными факторами, которые касаются структурной аналогии между словом и изображением, будь то форма или эмотивная тональность (например, испытуемый считает, что слово *rozero* мягкое и более подходит для эмотивного означаемого на рисунке). Согласно Узнадзе, структурные факторы имеют больший вес над ассоциативными. Этот вывод основан на данных следующей стадии эксперимента, в которой испытуемого просили вспомнить слова, приписанные различным изображениям. Индекс запоминания оказался выше для слов, выбранных по структурным факторам, тогда как ассоциативный фактор не позволял вызвать "точное" слово.

Аналогичная техника была использована в целом с положительными результатами Ч.В.Фоксом [Fox, 1935], Ф.В.Ирвином и Э.Ньюлендом [Irwin & Newland, 1940], Р.Дэйвисом [Davis, 1961], М.Шастеном [Chastaing, 1964c], Дж.Вайсом [Weiss, 1964], Т.Парком [Park, 1966].

Й.Оваки и К.Сато [Ohwaki & Sato, 1954] применили 16 пар рисунков, противопоставленных по одному признаку, например, по величине, ширине и т.п. Речевыми стимулами были бессмысленные слова, построенные по схеме CVCVCV с регулярно меняющейся гласной при неизменчивости согласных (напр., *kororo*, *kerere* и т.д.). Результаты показывают значительные расхождения между значимостями гласных, позволяя построить конкретные символические шкалы величины (от [i] до [a]), ширины (от [i] до [a]) и угловатости - округлости (от [i] до [o]).

Наконец, Р.Д.Тарте и Л.С.Барритт [Tarte & Barritt, 1971] обнаружили ассоциативные связи между гласными верхнего подъема и большими изображениями, а в эксперименте [Tarte, 1974] между гласными верхнего подъема и угловатостью, нижнего подъема и округлостью.

Гипотезы, лежащие в основе данного направления, могут быть обобщены следующим образом. Если между бессмысленным словом и бессмысленным изображением наблюдается постоянная ассоциативная связь, вероятно, что она вызвана общим для обоих стимулов коннотативным значаемым, служащим промежуточным элементом ассоциации. Таким образом, принятый экспериментальный метод заключается в том, чтобы предварить свершившуюся ассоциацию "слово - изображение" оценкой обоих стимулов по семантическому дифференциалу и использовать полученные профили как предсказывающий элемент последующих ассоциаций: ассоциированы будут те речевые и изобразительные стимулы, которые обладают сходными коннотативными профилями.

1.1.3.3. Ассоциации со стимулами иной природы.

Латентные символические коннотации звуков языка могут быть изучены при анализе их синестетических ассоциаций с иными, нежели форма, воспринимаемыми качествами объектов. Так М.Чурда [Czurda, 1953] исследует ассоциации с качествами "тяжесть - легкость", представляя испытуемым трехмерные предметы, лишенные смысла и построенные на основе различных комбинаций величины, веса и формы. Подтвердив предыдущие наблюдения по поводу величины и формы, экспериментатор обнаруживает также специфические ассоциации между "светлыми" гласными и легкостью, "темными" и тяжестью. Аналогичные результаты в подобной технике получены Ф.Чаган [Czagan, 1959].

Аспект тактильного восприятия был изучен Дж.Джиротти и Ф.Догана [Girotti & Dogana, 1968], которые выявили экспрессивную значимость согласных по отношению к таким качествам, как "гладкий", "шероховатый", "мягкий", "твердый" (замечена ассоциация между взрывными, глухими и "твердостью", плавными и назальными и "мягкостью", аффрикатами и "гладкостью").

Ассоциации между языковыми звуками и различными стимулами в плане освещенности или хроматизма исследуются в работах Л.Э.Маркса [Marks, 1974; 1975], где выявляется положительная корреляция между высотой звука и светлостью стимула, с одной стороны, и подтверждается гипотеза о хроматическом символизме гласных фонем, с другой.

1.1.3.4. Эксперименты на быстроту понимания.

Следующая гипотеза, давшая другую линию экспериментальных работ, сформулирована следующим образом: если отношения между звуком и смыслом действительно более тесные в звукосимволическом

слове, то это потому, что фонологический и семантический компоненты взаимно притягиваются и усиливаются, а значит этот факт должен проявиться на уровне понимания. Положительными в этом отношении оказались результаты, полученные в экспериментах [Langer, Sampson & Rosenberg, 1966; Wicker, 1968a,b; Peterfalvi, 1970; Cohen & Izawa, 1976].

Наконец, Р.Браун и Р.Наттэл [Brown, Nuttal, 1959] провели аналогичное исследование в жестовом языке глухонемых. Они представили группе слышащих детей 8 знаков высокой иконичности с соответствующими значаемыми, а другой группе - 8 других знаков, произвольно связанных с теми же значаемыми. Полученные результаты показали, что в первом случае понимание происходило быстрее.

1.1.3.5 Эксперименты, основанные на семантической сатурации.

Сатурация (или "стирание" значаемого) относится к таким специфическим изменениям, которые затрагивают семантическое отношение речевого стимула, когда субъект продолжительно повторяет его или подчинен его визуальному или аудитивному воздействию. В этом случае слово-стимул становится через некоторое время как бы чистой комбинацией звуков, лишенных смысла или незнакомым словом. Таким образом, значающее как бы отделяется от значаемого и остается чисто фонической материей (или визуальной, если стимул представлен визуально). Подобное явление исключительно подходит для изучения отношения "звук - смысл".

Исходная гипотеза здесь состоит в том, что звукосимволическое слово, характеризующееся более тесной и мотивированной связью между значающим и значаемым, оказывает при потере значаемого большее сопротивление, чем слова, в которых это отношение произвольно.

Первое исследование в этом плане проделано М.Вертхаймером [Wertheimer, 1958]. Выбрав группу звукосимволических и произвольных слов, Вертхаймер подверг обе группы процедуре семантической сатурации: он представил их группе из 21 испытуемого в постоянно меняющемся порядке и регистрировал время появления феномена. Среднее время для звукосимволических слов оказалось продолжительнее, чем для произвольных, что, по мнению экспериментатора подтверждает исходную гипотезу.

Значимость результатов, достигнутых Вертхаймером, однако, может оказаться ограниченной при условии того, что многие переменные предъявленных стимулов не были учтены (например, факт принадлежности к различным грамматическим категориям, известность, различные семантические компоненты и т.д.).

В целях более тщательной проверки этих факторов Ф.Догана [Dogana, 1979] предпринял исследование, в котором стимулы были составлены из двусложных, бессмысленных фонетических

комплексов, однородных, следовательно, по количеству слогов, частотности употребления, степени известности и т.д. Семантическое содержание придавалось им искусственно: одни означаемые были позитивными (например, "смелость"), другие - негативными (напр., "убийство"), третьи - нейтральными (напр., "пробоина").

В соответствии с гипотезой исследования было создано три серии стимулов. Первая, "конгруэнтная", состояла из слов, содержащих "мягкие", "легкие", "тонкие" звуки для позитивных понятий (напр., "смелость" - Melli); "твердые" и "грубые" звуки - для негативных понятий (напр., "убийство" - Stuku); звукоподражательные звуки - для нейтральных понятий (напр., "пробоина" - Skirik). Вторая серия, "неконгруэнтная", образована ассоциированием тех же понятий, но с означающим, противоположным означаемому ("смелость" - Stuku; "убийство" - Melli; "пробоина" - Volla). Наконец, третья серия, "нейтральная", образована неологизмами, содержащими смешение фонем противоположных экспрессивных качеств ("смелость" - Lispru; "убийство" - Lusti; "пробоина" - Lerik).

Все три серии были предложены трем группам по 20 испытуемых в каждой, и последовательно зафиксировано среднее время семантической сатурации. Результаты эксперимента подтвердили предположение о том, что время сатурации "конгруэнтных" слов продолжительнее, чем "нейтральных".

1.1.3.6. Эксперименты, основанные на сенсорно-тонической теории.

Совершенно отличная линия исследования предпринята некоторыми учеными, вдохновившимися сенсорно-тонической теорией означаемого, разработанной Вернером и Каплан [Werner & Kaplan, 1963]. Согласно этой теории, означаемое слова реализуется не в чисто умственной сфере, а всегда коренится на организмической основе, т.е. обладает потенциальной способностью вызывать конкретные органические реакции, как, например, активация чувств, тонуса, позы, начальных иннерваций и т.д., аналогичных таковым, обычно вызываемых самим референтом. Прием, используемый для выявления этих организмических корней означаемого, состоит в изучении влияния семантического содержания слова на перцептивную активность.

Каден, Вернер и Вапнер [Kaden, Werner & Warner, 1955] показали, что означаемое слова может вводить модификации в восприятие "видимого горизонта" (т.е. той линии, которая идеально соответствует высоте глаз субъекта).

Задача, поставленная перед испытуемыми, состояла в установлении высоты слов с "восходящим" означаемым (напр., "подниматься") и с "нисходящим" значением (напр., "спускаться") в со-

ответствии с линией видимого горизонта. Это объясняется сенсорно-тонической теорией как "балансирование" организмом динамических сил, вызванных означаемым стимулом.

Непосредственно, однако, с нашей темой связано исследование Чендлера, Фридмана и Сэйведжа [Chandler, Freedman & Savage, 1964], которые выявили влияние на перцептивное поведение (с исходной точкой видимого горизонта) двух бессмысленных, но коннотирующих (на основании предварительной оценки) слов: первое - как тяжелое (Budraf) и второе - как легкое (Medref). Полученные результаты показали, что "тяжелое" слово помещается ниже, а "легкое" выше горизонта. Но, таким образом, данные противоречат результатам, достигнутым со значимыми словами и со взрослыми испытуемыми (понятие восходящего или легкого помещается ниже линии горизонта, а нисходящего или тяжелого - выше). С другой стороны, они аналогичны результатам у детей. Это позволило авторам заключить, что фоносимволизм - явление регрессивного характера, связанное с более примитивными стадиями развития.

1.1.3.7. Эксперименты, основанные на статистическом анализе лексики.

Упомянутые нами исследования принимают во внимание звуко-символизм в прямом смысле, т.е. как доязыковой феномен. Однако, как уже замечено, многие другие работы исходят из предположения, что экспрессивные свойства звуков играют более или менее релевантную роль в формировании лексики, и их присутствие в реальном языке невозможно отрицать (по крайней мере в некоторых областях языка).

Отсюда направление работ, в которых принята методика состоит в систематичном отборе слов, принадлежащих к противоположным семантическим областям (например, слова, обозначающие что-нибудь маленькое или большое), в изучении их фонемного состава и в статистическом анализе встречаемых различий.

Первое исследование такого рода осуществлено Ньюменом [Newman, 1933], который отобрал из Тезауруса Роже все слова, связанные с понятием большого и малого. Два списка, полученные таким образом были предложены 11-ти испытуемым с заданием отобрать те из них, которые не соответствуют в явной форме приписанному им означаемому. Вычислив частотность появления каждой фонемы в двух списках, Ньюмен применил процедуру взвешивания, состоящей в соотношении полученной частотности каждой фонемы со значением большого, установленного им в предшествующем экспериментальном исследовании. Однако, этот способ не обнаружил различий символизируемых величин между двумя категориями слов, и Ньюмен приходит к выводу, что английский вокабуляр

не отражает экспрессивного характера различных звуков, который существует в субъективном восприятии и который выявляется различными видами экспериментальных ситуаций.

Отрицательный результат, полученный Ньюменом может указать на то, что лексика языка структурируется и развивается по своим собственным законам, не всегда учитывая экспрессивные значения. Однако, он может быть и следствием принятого способа подсчета и в особенности значимости поправок, вытекающих из его предыдущих работ.

Более свободной от критики представляется работа Э.Л. Торндайка [Thorndike, 1945], который проанализировал все односложные английские слова с частотностью, равной или превышающей 1/1000000 и содержащих [i], особенно обозначающих большое или малое. Частотность появления [i] в словах, имплицитующих малое, оказалась в 12 раз выше, чем [o].

Подобное исследование было возобновлено позже М.Шастином [Chastaing, 1964b], который утончил технику анализа, состоящую во "взвешивании" полученных значимостей различных фонем и умножении их на индекс частотности употребления слов, в которых они встречаются. Результаты оказались значительными в отношении большого числа семантических оппозиций (большой-малый, светлый-темный, тяжелый-легкий и т.д.) и многих языков (французский, английский, немецкий).

Д.Р.Хайзе [Heise, 1966] предпринял исследование, заключающееся в оценке группой испытуемых по семантической шкале 1000 английских слов с высокой частотностью употребления. Установив значения этих слов в отношении к различным факторам семантического дифференциала (оценка, сила, активность), Хайзе проанализировал, в какой степени они могут быть предсказаны на основании фонетических компонентов слов. Таким образом, он обнаружил значительную корреляцию, т.е. коннотативные значения звуков оказались соответствующими коннотативным значениям сигнификатов.

Наконец, оставляя в стороне статистическую оценку, некоторые работы состоят в систематичном отборе лексики, относящейся к определенным семантическим областям, с целью выяснения фоно-символической значимости отдельных звуков.

Лексические исследования ассоциации между [i] и лексикой "малости" проведены О.Есперсеном [Jespersen, 1929], М.Шастином [Chastaing, 1958a,b], Вандрушкой [Wandruszka, 1954]. Ч.Танц [Tanz, 1971] показал, что оппозиция между гласными переднего и заднего ряда встречается в оппозициях между понятиями близости и дальности во многих языках.

Приведенные работы, так же, как и изученные символические значения отдельных звуков в различных языках (см.: [Pesaro, 1969; Patruno Bonora, 1967; Bonfante, 1979; Havers, 1947]) ограничивают,

таким образом, отрицательные выводы Р.Брауна о том, что "лексика ни одного из языков не демонстрирует удовлетворительного существования корреляции между звуком и смыслом" [Brown, 1958, с.129].

Продолжая лингво-статистическое направление, В.В. Левицкий приходит к выводу о соответствии полученных результатов психолингвистическим данным (корреляция между передними или задними гласными, глухими аффрикатами, сонорными и понятием "малости"; между задними, нижними гласными, звонкими, смычными, дрожащими и понятием "большого"). Однако, исследователь предупреждает от абсолютизации звукосимволизма в языке и правомерно утверждает, что "символизируются не все понятия, а, как правило, крайние точки полярных понятий", в противном случае, "звукосимволизм утратил бы свою основную функцию - быть средством экспрессивности, наделять слово особой силой выразительности и тем самым обеспечивать ему особый лингвистический статус" [Левицкий, 1975, с.60].

1.1.4. Звукосимволизм и детская речь.

Предположение о параллельности филогенетического и онтогенетического процессов вдохновило психологов и психолингвистов на изучение фактов детской речи.

Так, Вернер и Каплан [Werner & Kaplan, 1963] разработали модель эволюции символической деятельности вообще и языка в частности, которая состоит в переходе от начального состояния глобальности и недифференцированности к прогрессивной дифференциации и поляризации. Под термином "глобальность" они понимают тот факт, что в примитивных способах выражения используемая символическая форма и референт тесно соединены между собой. На языковом уровне это выражается в предпочтении ребенком так называемого "физиогномического" языка, основанного на звуко-подражательных и звукосимволических качествах. В выражениях этого типа означаемое как бы материализовано в означаемом, второе, будучи почти миметической копией первого с минимальным расстоянием, разделяющим символ от референта.

Только позже, когда синкретичное и дологическое мышление уступит место мыслительным процессам, типичным для взрослого мышления, ребенок приобретает принципы произвольности: означающее "десубстантивизируется", и значение экспрессивности качества уступает место чистой функциональности.

Еще Г. фон Габеленц [Gabelentz, 1969] приводил в пример ребенка, который пользовался выражением "м-м" для обозначения круглых вещей, варьируя гласные систематическим образом, в зависимости от величины предмета. Например, "мэм" - луна или

белая тарелка, "мом" или "мум" - большая сковорода, "мим-мим-мим" - маленькие звезды.

А. Куссмауль [Kussmaul, 1885] писал о ребенке (1,5 г.), который называл все круглые и крутящиеся предметы словом "golloh". Этот звуковой комплекс, вызывающий вращение языка, замечает исследователь, кажется подражает не только шуму крутящихся предметов, но также и самому процессу. Таким же образом сын В. Прейера выработал для называния крутящегося шара или круга спонтанные слова звукосимволического значения: "rollu", "rololo", "rodi", "otto", "rojo" [Preyer, 1890].

Свидетельствует О.Есперсен: мальчик забавляется тем, что комбинирует звуки, лишённые смысла, или строит неологизмы со звукоподражательным значением. Он выдумал слово "vakvak", обозначающее сороку, "fftt" - минеральную воду, "ging" или "ging-ging" - часы с боем. Другие два мальчика говорили между собой на условном языке, часто использовавшем звукосимволические значения: например, "ba" обозначало в общем "место"; произносимое с другим гласным оно обозначало "большое пространство", с кратким - "маленькое" [Jespersen, 1922, с.149].

Выявляя значимые единицы уже в детском лепете, К. и В. Штерн [Stern, Stern, 1927] говорят о звуках центростремительной (назальные) или центробежной (смычные) значимости, которые кладутся в основу первых наименований родителей и приятных или неприятных переживаний.

Звукосимволические значения появляются также и в языке взрослых, обращаясь к детям. Типичный случай - скатологическая лексика. Р. Якобсон и Л.Р. Во [Jakobson, Waugh, 1979] отмечают, что английские термины "reeree" и "kaka" обладают прямой экспрессивностью благодаря оппозиции между диффузными звуками первого и компактными - второго.

Говоря о символической функции как источнике мышления, Ж.Пиаже выделяет три типа индивидуального символизма в раннем возрасте: символическая игра, "отложенная имитация" (имитация отсутствующей модели) и "интериоризированная имитация" (звуковой и зрительный образы) [Пиаже, 1984, с.327]. Ученый обоснованно отводит имитации основополагающую роль в формировании каждого из этих типов и считает ее "одним из возможных переходных явлений между сенсомоторным поведением и поведением, основанным на представлении", служащей, в частности, для овладения языком (с.327-328). На сенсомоторной основе уже существуют системы значений, означающими которых могут быть только признаки (в противоположность знакам и символам) или сигналы (обусловленное поведение), которые очень тесно связаны со своими означаемыми. Задача символической функции в том, чтобы "дифференцировать означающие от означаемых так, чтобы первые могли позволить воспроизвести представление о вторых" (с.328).

1.1.5. Наблюдения над языками примитивных народов.

В поисках новых аргументов, подтверждающих изначальную звукосимволическую значимость языкового знака, ученые обращаются к свидетельствам так называемых "примитивных" языков, характеризующихся тенденциями, схожими с "дологической" детской речью.

Э.М. Хорнбоштель, анализируя южноафриканские языки, пришел к выводу, что в них "значение определяет звучание" и что, следовательно, "язык это звучащее означаемое", понимая под этим аналогией между фонетическим качеством означающего и воспринимаемым качеством означаемого [Hornbostel, 1927, сс. 330-331]. К аналогичным выводам приходит Д. Вестерман, изучавший языки западной Африки. Он заметил, что эти языки особенно богаты словами-звукообразами ("Lautbild" - термин, введенный В.Вундтом и толкуемый Вестерманом как слово, которое отражает реакцию на чувственное впечатление и выражает ощущения в соответствующей акустической форме). Часто это бывают неологизмы, которые, благодаря их иконическому значению, становятся сразу понятными всем [Westermann, 1927].

Одной из звукосимволических характеристик, имеющих в данных языках, является оппозиция высокого и низкого тонов, где первый символизирует обычно что-либо маленькое, тонкое, острое, ловкое, быстрое, а второй - противоположные качества: большое, объемное, надутое, слабое и т.д. Что касается отдельных фонем, то в основном оппозиция глухих и звонких смычных постоянно отражает оппозицию рядов: "малый", "напряженный", "твердый" - "объемный", "тяжелый", "мягкий".

Другим интересным явлением языкового поведения примитивных народов является изменение характеристик означающего, в зависимости от характеристик референта или собеседника. Индейцы Нутка, пишет Э.Сэпир, говоря с ребенком или о ребенке, добавляют к глаголу или к другим словам суффикс [-is]; когда со взрослым или о взрослом - суффикс [-ag^h]. Такая оппозиция гласных по высоте свидетельствует об экспрессивном характере суффиксов.

Тема звукоимитации вызвала особый интерес у исследователей языков американских индейцев. Так, Ф. Боус и Э. Делориа [Boas, Deloria, 1939] отмечали, что словарь Дакота демонстрирует типичные примеры символизма звуков. Например, чередование от высокого [i] до низкого [a] отражает градуирование признака в звукоподражательных словах: kpi - легкий треск, шум; kre - более сильный треск; kra - еще более сильный шум.

Изучив "уменьшительный" символизм согласных, Дж. Николс [Nichols, 1971] связывает его с артикуляционным типом: звуки, ассоциируемые с понятиями "малого", обычно формируются сужением задней части речевого аппарата. Аналогичный тип символизма в

языках Юман обнаружил М.Лэнгдон [Langdon, 1971] в виде оппозиции между глухими и звонкими латеральными.

Интересные данные о символизме гласных в языке Конкоу приводит Р. Алтан [Ultan, 1971]: передние гласные чаще обозначают "близость", задние - "дальность", [a] появляется чаще в названии плоских и больших предметов, [u] - цилиндрической или трубчатой формы.

1.1.6. Исследования в области поэтики и экспрессивного языка.

Рассмотренные выше аспекты изучения звуко-символизма касаются в основном проблем доязыкового и раннего языкового периодов развития феномена, когда система языка еще не выходит в стихию произвольности. Однако, в современном, сложившемся языке сохраняется потенция использования исконного приема языкотворчества для создания ярких образов и воздействия на психическую природу слушающего. "Звук возникает в нас, как трепетный стон, и исходит из нашей груди, как дыхание самого бытия. Помимо языка, сам по себе он способен выражать боль и радость, отвращение и желание; порожденный жизнью, он передает ее в воспринимающий его орган; подобно языку, он отражает вместе с обозначаемым объектом вызванные им ощущения и во все повторяющихся актах объединяет в себе мир человека, или говоря иначе, свою самостоятельную деятельность со своей восприимчивостью" [Гумбольдт, 1984, с.76].

Поэтика и экспрессивный язык, реализующие в первую очередь "импрессивную функцию" (термин П. Гиро), интуитивно используют свойства звука среди прочих суггестивных процедур. По словам Р.Якобсона, поэтическая функция - это проецирование принципа эквивалентности с оси отбора на ось комбинирования, т.е. выбор означающих происходит таким образом, чтобы придать им вместе с различительной функцией специфическое экспрессивное качество на уровне тембра, ритма и т.д. В стихотворном тексте связь означающего с означаемым играет особую роль, и ученый выражает сожаление по поводу глухоты некоторых литературоведов к фонетико-семантическим фигурам поэтических произведений [Якобсон, 1987, с.81].

Р.Барт в этой связи говорит о "жажде реальности" в поэтическом языке, понимая под этим стремление поэта не только указывать на собственно предметы, но и воспроизводить их в своей конкретности, используя весь иконический перечень языка [Barthes, 1967]. И.Фонадь комментирует эту мысль следующими словами: "Поэт хочет настоящей бури, настоящего ветерка, такого же переживания вещей посредством используемых слов. Твердые предметы воплощаются твердыми звуками, они как бы заключают в себе силу; влажность становится видимой при контакте языка с небом; усилие в битве.

ярость сражающегося осуществляются вращением кончика языка, который преграждает проход воздуха" [Fonagy, 1965, с.111].

Наиболее очевидным из применяемых для этой цели средств является без сомнения звукоподражание, которым богат любой язык. Резкие и пронзительные звуки постоянно воспроизводятся высокими гласными, более тихие - низкими; грохочущий и продолжительный звук имитируется носовыми; дрожащие шумы - с помощью [r]; свистящие и шипящие - посредством фрикативных и аффрикатов.

В других случаях, однако, поэтическая оркестровка нацелена на воссоздание более сложных психических процессов и состояний, как эмоции и состояние души. Функция звука как возбудителя определенной эмоции или группы эмоций вполне объяснима (и это касается не только музыкального языка, но и речевых звуков), учитывая генетическую общность эмоции и ощущения. Стоя у истоков языка и мышления, они первые стремились найти свое выражение в звуке. Но процесс символизации "ощущение/эмоция - звук" вызывает на следующем этапе зеркальную последовательность "звук - ощущение/эмоция", следы которой не стираются вопреки прогрессирующей демотивации языкового знака.

Еще индийские грамматисты XI века (школа Мамматы) выделяли эту функцию под именем "вьяньяна" (буквально, "проявление") как остаточную после двух основных: "абхидха", или условного значения, и "лаксана" - переосмысленное значение слова. "Вьяньяна" может быть функцией значения, интонации, жеста, мимики и вызывать также появление эмоции, эстетического удовольствия и т.п. [Filliozat, 1972, сс. 316-319].

Разумеется, для того, чтобы проявить свой экспрессивный статус в поэтическом произведении, звуки должны быть особым образом аранжированы, что и составляет саму технику создания текста как со стороны его формы, так и содержательных единиц. Вот почему некоторые языковеды скептически относятся к значению звуков как к ингерентным, самостоятельным свойствам последних, отводя им подчиненную, вторичную роль.

Тем не менее, исследователи, сталкивавшиеся с анализом звуковой ткани стихотворения, не могли не заметить определенных предпочтений звуками тех или иных эмоциональных тональностей. В этой связи часто приводится стихотворение П. Верлена "Осенняя песня", в котором эффект меланхолии вызывается настойчивым повторением тяжелого и низкого [o], часто назализованного:

"Les sanglots longs des violons de l'automne
Blessent mon coeur d'une langueur monotone"

Такое же настойчивое повторение носовых гласных в стихотворении Метерлинка "Тоска" рождает смутное чувство вялости и скуки:

"Les paons nonchalants, les paons blancs ont fuit;
Les paons blancs ont fuit l'ennui du réveil;
Je vois les paons blancs, les paons d'aujourd'hui..."

Наконец, ставший уже хрестоматийным пример на звукоизображение, точнее, звукоподражание шипу змеи через систематически повторяющееся [s]:

Pour qui sont ces serpents qui sifflent sur vos têtes?
(Racine. Andromaque)

Повседневная экспрессивная речь - еще одна сторона синхронного изучения феномена звукоимитации. Прежде всего психологи сделали ряд наблюдений по поводу отношений, существующих между мимическим выражением и психомоторным поведением, типичным для определенных эмоций, с другой стороны, лингвисты обратили внимание на символизацию звуками характерных черт эмоциональной "маски". Например, презрение, нетерпимость, отвращение соответственно "переводятся" жестом сильного выдоха, что хорошо схоже с качеством фрикативного [f], которое появляется в междометиях "rfui", "fi", "uffa", "фу" и т.п. Ненависть и агрессивность, характеризующиеся сжимающейся, напряженной, спазмодической мимикой, "переводятся" на речевой уровень, в котором преобладают "твердые" звуки, такие как глухие смычные и сочетания [sp], [st], [sk] и т.п. По этому поводу И. Фонадь приводит отрывок из "Лысой певички" Э. Ионеско, в котором персонажи, по мере ожесточения спора переходят от социологизированного языка к чисто звукоимитационному, изобилующему звуками [k] и [sk]:

- Kakatoes, kakatoes, kakatoes, etc.
- Quelle cascade, quelle cascade, quelle cascade
- Quelle cascade de cacades, quelle cascade de cacades, etc.

Глубокий фонемный анализ презрительно-уничжительной лексики английского языка, проведенный Р. Вескоттом [Wescott, 1971], выявил преобладание лабиальных и велярных (заднеязычных) согласных в означаемых данного пласта понятий. С.В. Воронин убедительно аргументирует лабиальный способ выражения уничтожительных значений артикуляторными движениями лица, сопровождающими эмоцию презрения: "Презрение в значительной степени выражается посредством движения мышц, окружающих губы (рот) и нос, при этом выпячивается, оттопыривается нижняя губа и оттягивается верхняя губа (обнажая клык с одной стороны лица), нос поднимается вверх" [Воронин, 1982, сс. 94-95]. В свое время Ш.Нодье аналогичным образом объяснял символическую значимость

[N] как звука отрицания, что берет начало в эмоции отвращения. Присутствие велярных в этом разряде лексики можно так же толковать через эмоцию отвращения, где заднеязычные указывают на место образования тошнотворного рефлекса.

Объективности ради, однако, следует отметить, что разнообразие фонемного состава презрительно-уничжительной лексики настолько велико, что охватывает всю гамму существующих звуков. Это объясняется, по-видимому, стремлением языка к акцентированию новых сторон пейоративной действительности и, соответственно, к использованию всех средств своего арсенала при наращивании определенного лексико-семантического массива.

1.2. Лингво-семиотические предпосылки фоносемантики.

1.2.1. Семиотика лингвистического иконизма.

Значительную поддержку получила теория звуко-символизма от семиотики. Ч.Пирс, признанный основателем семиотики, различает три главных типа знаков на основе отношений с референтами: иконические знаки, характеризующиеся фактическим сходством со свойствами денотата; индексы, отмечающие смежность или физическую связь с референтным объектом; символы, оперирующие установленной и усвоенной смежностью, где связь с денотатом осуществляется на основе произвольного правила, которое интерпретатор знака должен знать, чтобы уметь его декодировать (наиболее типичный пример - большинство лингвистических знаков).

Внутри иконических знаков Ч.Пирс различает "образы" (в которых означающее представляет "простые качества" означаемого), "диаграммы" (в которых сходство между означающим и означаемым касается пропорциональных отношений) и "метафоры". Ученый, однако, признает, что отличие одного класса знаков от другого относительно и обусловлено преобладанием одного фактора над другими. Например, можно встретить иконические знаки, в которых фактическое сходство между означающим и означаемым усилено условными правилами и т.п.

По мнению Пирса, наиболее совершенны такие знаки, в которых иконический, индексальный и символический аспекты слиты между собой в наиболее эквивалентных пропорциях (в противовес тезису Соссюра, для которого полностью произвольные знаки лучше других воплощают идеал семиологического процесса) [Peirce, 1931].

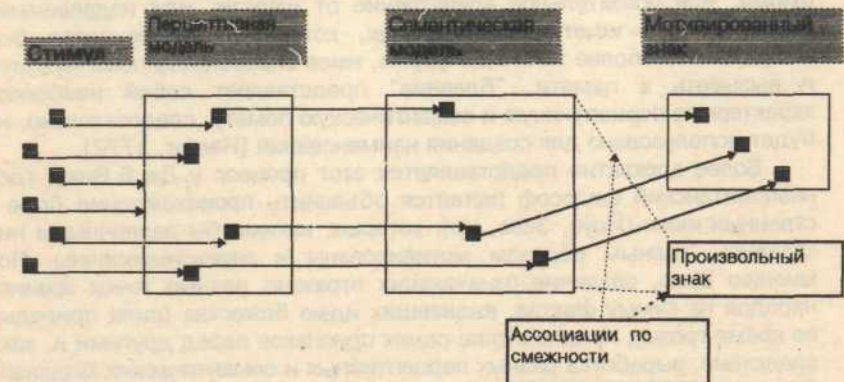
Пирсовская теория была подхвачена Ч.Моррисом [Morris, 1938], который установил возможность существования иконических знаков в естественных языках, хотя и в маргинальном секторе, где структура означающего информирует о свойствах денотата. В данном случае, речь идет о звукоподражании. Тем не менее, согласно Ч.Моррису, фонетические характеристики речевых означающих в состоянии воспроизводить явления, находящиеся во всех сферах чувственного восприятия, например, с помощью синестезии: в немецких словах *fließen* "течь, протекать", *flitzen* "мчаться", *flimmern* "светиться" группа FL- передает зрительные впечатления, т.е. текущее или прерывистое движение.

Понятие иконического знака было позже критически пересмотрено в работе У. Эко "Трактат об общей семиотике" [Eco, 1975], который выделил и особые черты в способах его создания и, в частности, в отношении между "типом" и "оккупентностью" (т.е. между конкретным единичным знаковым выражением и идеальной моделью). Такое отношение может быть двух видов, т.е. устанавливаться *per ratio facilis*, либо *per ratio difficilis* (с.246).

Отношение *per ratio facilis* существует в том случае, когда экспрессивная модель сочетается с собственно экспрессивным типом, установленным самой системой выражения. Это, обычно, слова, дорожные знаки и т.д., где "тип" предписывает основные свойства, которые "модель" должна реализовать, чтобы вызвать адекватную реакцию. Напротив, отношение *per ratio difficilis*, когда экспрессивная модель непосредственно соотнесена с собственным содержанием, т.е. когда "тип" выражения совпадает с несомой семемой, или, другими словами, когда природа выражения мотивирована природой содержания (например, жестовые указания).

Сходную точку зрения находим у Ц.Тодорова [Todorov, 1972, с.277]: иконические знаки имеют бинарную структуру, тогда как произвольные - тернарную. У последних означающее находится в отношениях "сигнификации" с означаемым и оба - в отношениях "денотации" с референтом; в иконических знаках, напротив, сигнификация и денотация так сказать совпадают, а референт почти восстанавливается в знаковой структуре.

Процесс образования иконического знака представлен У.Эко следующей схемой:

Точка отсчета составлена созвездиями стимулов, которые:

1. Организуются в воспринимаемое. Под действием известных явлений перцептивного отбора не все свойства ситуации-стимула переходят в конфигурацию перцептивной модели.

2. Дальнейшие абстрагирующие процессы трансформируют продукт восприятия в семантическое представление. В этом случае так же не все элементы перцептивной модели переходят в семантическую модель, а только некоторые составляют "семантические маркеры" объекта.

3. На этом этапе объект помещается в систему содержательных оппозиций, более или менее сложную и дифференцированную (например, объект может быть представлен как что-то большое или маленькое, гладкое или шероховатое, светлое или темное). Процесс наименования может отныне идти двумя противоположными путями:

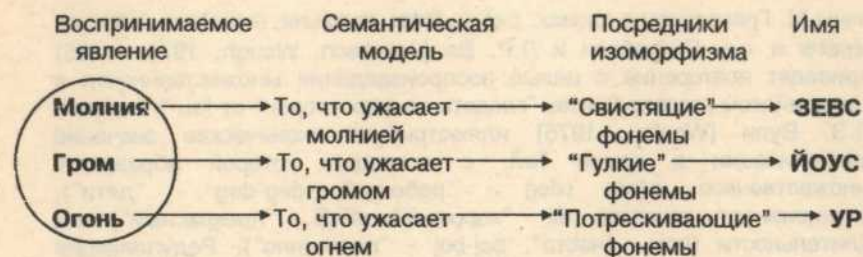
3.1 либо какое бы то ни было фонетическое целое произвольно ассоциируется с семантической моделью и через эту ассоциацию по смежности становится именем, либо

3.2 дальнейший преобразующий процесс совершает специфический отбор в экспрессивном материале таким образом, чтобы отождествить это единство, находящееся в отношении сходства с семантическими маркерами объекта, т.е. чтобы система оппозиций плана выражения соотносилась бы с системой оппозиции плана содержания.

Описанный процесс находит точки соприкосновения с гипотезами многих ученых, занимающихся проблемой языка и формирования мотивированных слов. И.Г.Гердер, например, так восстанавливает связь между "блеять" и "овцой". Среди многочисленных воспринимаемых стимулов, идущих от животного (например, белый цвет, или форма, или осязательное впечатление от шерсти, или издаваемый звук), человек ищет яркий признак, который характеризовал бы животное в наиболее типичной форме, имея способность пометать его и вызывать в памяти. "Блеяние" представляет собой наиболее характерную перцептивную и семантическую помету, следовательно, и будет использовано для создания наименования [Herder, 1772].

Более адекватно представляется этот процесс у Дж.Б.Вико, где неаполитанский философ пытается объяснить происхождение божественных имен (Йоус, Зевс, Ур), которые, какими бы различными ни казались, равным образом мотивированы и звуко-символичны. По мнению Вико, различие означающих отражает разные точки зрения народов на сумму фактов, вызвавших идею божества (сила природы во время грозы), предпочтение одних признаков перед другими и, как следствие, выработка разных перцептивных и семантических моделей [Vico, 1744].

Являясь звукоподражаниями, три различных наименования основываются на разных семантических моделях, т.е. на разных пониманиях божества, наводящего ужас: в одном случае (Зевс) - через свист молнии, в другом (Йоус) - через гул грома, в третьем (Ур) - через шум огня. Во всех трех случаях процессы преобразования осуществляют выбор фонетических характеристик, соответствующих семантическим моделям:

1.2.2. Синтаксический иконизм.

Помимо двух широко распространенных типов иконизма - "образа" и "метафоры" - лингвисты обращают внимание на третью разновидность пирсовской триады: "диаграмма". Обозначая пропорциональные отношения, этот тип знака проявляется на синтагматической оси языка - от комбинации звуков до последовательности слов в высказывании - и отражает в ряде означающих порядковые или количественные отношения в ряде означаемых.

Так, последовательность глаголов в знаменитой фразе Цезаря "Veni, vidi, vici", замечает Р. Якобсон [Jakobson, 1965, с.27], указывает на порядок его действий, или "временной порядок процесса" высказывания стремится отразить порядок описываемого процесса". Здесь же ученый говорит о специфичной форме выражения степеней сравнения во многих индоевропейских языках, которая характеризуется прогрессивным увеличением числа фонем. Таким образом, означающие (altus, altior, altissimus; high, higher, highest) как будто отражают последовательность степеней у означаемых. Аналогичное численное увеличение наблюдается в переходе от форм единственного числа к формам множественного числа (фр. je finis, nous finissons, ils finissent; ит. io so, noi sappiamo, etc.). До Якобсона этот факт был замечен еще Ш. де Броссом [Brosses, с. 47]. Ж. Поль [Pohl, 1968] называл эти случаи "относительными иконизмами" (icones de relation), Малкил же [Malkiel, 1977] предлагает назвать это явление "морфосимволизмом".

Наиболее широко обсуждаемой в этой связи является процедура редупликации. По мнению Э. Сэпира [Sapir, 1921], Э. Кассирера [Cassirer, 1923] и Дж. Хаймана [Haiman, 1980] редупликация обычно употребляется для воспроизведения на экспрессивном уровне характеристик обозначаемого объекта, например, множественность, повторение, увеличение размера или интенсивности и т.д. Повторение звука или слога внутри слова воспроизводит иконически идею повторяющегося движения или действия. Значения этого типа выяв-

* Интерес представляет сам ход мысли, а не сомнительное этимологизирование.

лены М. Граммоном в словах: palper, tinter, murmurer, monotone, têtonner, gérêter и т.д. Р.Якобсон и Л.Р. Во [Jakobson, Waugh, 1979, с.195] приводят повторение с целью воспроизведения множественности в сомалийском глаголе feu-feu "глодать со всех сторон" от feu "глодать". Д.Э. Вули [Wooley, 1976] иллюстрирует иконическое значение редупликации в языке Тай, с помощью которой образуется множественное число (deg - "ребенок", deg-deg - "дети"), интенсивность качества (dii - "хороший", dii-dii - "прекрасный") или длительности (boj - "часто", boj-boj - "постоянно"). Редупликация типична не только для примитивных народов, она существует и в более развитых языках, например, при сокращении множественного числа: MM - messieurs; pp - pages, cc - страницы.

Интересна интерпретация Малкила [Malkiel, 1977, с.519] процедуры редупликации при образовании форм прошедшего времени у некоторых латинских глаголов: cado/ceci, curro/cucurri, dico/dixi, pello/pepuli (ср. ит. do/dedi, sto/stetti). Его гипотеза заключается в том, что редупликация отражает здесь специфическое примитивное представление о времени: процесс, в котором настоящее - это маленький отрезок времени, а прошлое - ретроспективная сумма таких отрезков.

Сходным с редупликацией приемом комбинационного выражения символических значений можно считать апофонию: повторение частично тождественных звуков (или комплексов), в которых варьируется либо только гласный элемент (zigzag), либо согласный (англ. hub-bub - "суматоха"). Эта форма обычно иконически передает понятия беспорядочности, смешения, груды, противоположных сил и направлений [ibid., с. 524].

Наконец, структура слова может осознаваться иконичной, благодаря собственным пространственным и графическим качествам. Так, Ж. Марузо [Marouzeu, 1950, с.89] приводит пример с наречием comprehendieusement - "коротко", которому часто приписывают противоположное значение abondamment - "обильно", что происходит из-за впечатления, вызываемого длиной слова.

1.2.3. Звукосимволический иконизм.

Если синтаксический иконизм зиждется на количественных аспектах означающего или на "топографическом" расположении его частей, то звукосимволический основывается на качественных элементах, т.е. на специфических акустических и артикуляторных характеристиках субстанции.

В свете своей семиотической концепции У.Эко предлагает классификацию различных звукосимволических явлений по "способу образования" [Eco, 1975]. Первичное звукоподражание (настоящее подражание данным звукам) входит в систему "фиктивных образцов" (campioni fittizi), т.е. в систему знаков, отражающих естественные

данные. Вторичное звукоподражание, в котором слово более подвержено условностям языка, входит в систему "стилизаторов" (stilizzazioni). Оно может рассматриваться как "вырождающаяся" первичная ономапоэя, т.е. как внешне "иконичные" выражения, являющиеся фактически результатом условности, которая обеспечивает их узнаваемость благодаря связи с нечетко предписанным экспрессивным типом, что позволяет создавать различные варианты (с.301).

Более сложные случаи звукосимволизма могут быть классифицированы на основании различных интерпретирующих теорий (см. Платон, Ш. де Бросс, А.К. Жеблен, Ш. Нодье и др.). В основном гипотезы базируются на синестезии, вызываемой акустическим качеством, или "ротовой мимикой", т.е. на артикуляционных характеристиках фонетического жеста. Случаи синестезии (напр., "звук-цвет") получают у Эко определение "программированные стимулы". Что касается способа фонического жеста, то нужно различать две ситуации. В одних случаях символизм касается пространственных координат артикуляции, как, например, оппозиция передних и задних звуков и приписываемое им указательное значение "снаружи" и "внутри" (или "верх" - "низ"). В других случаях звукосимволическую экспрессивность можно приписывать тому факту, что детерминированные звуки внутренне и субстанционально связаны с психомоторным выражением определенных эмоций, как, напр., смычные - при негодовании, лабиальные и фрикативные - при отвращении и презрении.

Это краткое обобщение семиотического изучения знаков в их функции и происхождении ставит проблему произвольности/мотивированности в новом свете, приписывая речевому означающему большую вероятность иконического значения.

1.3. Семиотическая контраргументация критики мотивированности языкового знака.

1.3.1. Межкультурное разнообразие.

Возвращаясь к критическим аргументам сторонников произвольности языкового знака,

1) означающие различных языков, соотносящиеся с "подобными" означаемыми, часто не включают никакого сходства в фонетической структуре; 2) одной фонеме можно приписать совершенно различные экспрессивные значения, откуда вывод о том, что существует только субъективная вариантность, а не стабильная объективная основа; наконец, 3) символизм, если он существует, является вторичным или ассоциативным образованием от смысла или от фонологической структуры лексики данного языка.

Основные источники разнообразия могут быть верифицированы:

1. на перцептивном уровне, когда из ситуации-стимула отбираются скорее одни признаки, чем другие;

2. на уровне преобразования воспринимаемого в семантическую модель, где дальнейшие процессы отбора схватывают одни семантические признаки, предпочитая их другим;

3. наконец, при переходе от семантической модели к речевому означающему, в котором фонетическая и лексическая система различных языков несомненно оказывает влияние на выбор фонетического материала.

Результатом этих процессов является то, что, в действительности, означающие различны, т.к. разнообразно прежде всего означаемое, с которым устанавливается отношение иконичности.

1.3.2. Внутрикультурное разнообразие.

Следующий пункт критики касается того обстоятельства, что внутри одной и той же лингвистической культуры символические означаемые, приписываемые различным фонемам, демонстрируют слабую устойчивость и разнообразие, что вынуждает рассматривать их как плод субъективной и произвольной интерпретации.

Примером использования такого субъективного критерия при оценке фоносемантического значения могут послужить рассуждения К. Леви-Стросса [Levi-Strauss, 1978, с.19] о противоречии в фонетизме слов *jour* и *nuit* (день и ночь), отмеченном Малларме. Ученый подменяет оппозицию "свет/тьма" оппозицией "длинный/короткий". Он пишет:

"Для меня *jour* - это что-то длящееся, *nuit* - что-то происходящее или неожиданно случающееся, как в выражении "опустилась ночь". Первое - состояние, второе - событие. Вместо того, чтобы воспринимать противоречие между означаемыми и фонетическими особенностями соответствующих им означающих, я обращаюсь подсознательно к означаемым разной природы. *Jour* представляет собой длящийся аспект, соответствующий вокализму заднего ряда, *nuit* - совершенный, соответствующий вокализму переднего ряда; это, в некотором смысле, уже маленькая мифология".

Совершенно ясно, что идя таким путем, легко найти соответствие между каким угодно означаемым и каким угодно означающим. Так, Дельбуй подвергает критике аналогичный подход М. Граммона, который утверждает, что гнев может быть выражен как гласным переднего ряда [i], так и заднего ряда [o] и [u] - в первом случае это будет напряженный, острый гнев, во втором - глубокий и глухой.

Таким образом, экспрессивные означаемые, приписываемые единичным звукам, почти безгранично многообразны, и часто оказы-

вается возможным найти какое-либо доказательство, чтобы связать фонетическую субстанцию с желаемым означаемым.

Кажется, однако, настолько же правдоподобным, что предложенная модель позволяет допускать и выяснять относительные колебания и поливалентность экспрессивных значений, носителем которых может быть данный звук.

Как сказано выше, источником разнообразия служит сама семема, которая отнюдь не является единой и монолитной реальностью, а представляет собой сложное и членимое целое, которое допускает большое количество толкований и, соответственно, многообразие различных форм выражения. То же касается и звуковой субстанции: отдельная фонетическая единица является сложной реальностью, при "расшифровке" которой предпочтительными становятся то одни, то другие семантические компоненты. Вандрушка по этому поводу замечает:

"Каждый звук языка представляет собой чрезвычайно сложное психолого-физиолого-физическое явление, характеризующееся факторами различного рода, которые часто пересекаются и противопоставляются и которые от случая к случаю могут быть носителями экспрессивного значения: тон, долгота, сила, высота, ощущения, происходящие от губ, языка, неба, соответствие жестикуляции и т.д." [Wandruszka, 1954, с.234]. Следствием этого является то, что в общем каждая фонема имеет первичные и более постоянные фоносемантические значимости (например, [i] связано с чем-то маленьким, тонким, хрупким, острым и т.д.), которые допускают, однако, сосуществование дополнительных побочных значимостей, происходящих из употребления других компонентов той же звуковой субстанции.

1.3.3. Первичный (структурный) и вторичный (ассоциативный) символизм.

Наконец, последнее и более существенное ядро критики касается того факта, что звуко-символизм, если только он существует, не является продуктом структурного качества, свойственного субстанции означающего, но вторичным эффектом, обязанным действию анализа и синтеза, которыми пользуются говорящие в специфической системе фонологических и семантических оппозиций каждого языка. Подобной точки зрения придерживаются, например, П. Дельбуй, А.К. и М.М. Тэйлоры, Дж.Л. Беккариа.

Противоположная точка зрения выдвигается М. Граммом, который пишет:

"Не менее вероятно, что различные значения звука зависят непосредственно от его природы и что он не может принимать значения, противоречащие его природе. Анализируя во всех деталях природу

данной фонемы, можно определить предварительно и a priori все значения, которыми она может обладать с точки зрения своего выражения" [Grammont, 1965, с.415].

Уже было сказано, что символизм звуков касается прежде всего факторов психологического порядка, т.е. синестетических ассоциаций, вызываемых отдельными фонемами или группами фонем, лишенных лингвистического означаемого. Большая масса лабораторных исследований выявила, что на этом уровне различные фонемы обладают сами по себе экспрессивными качествами, которые являются постоянными, систематическими и предсказуемыми в различных лингвистических и культурных контекстах. В этом случае можно было бы говорить об экспрессивных значимостях, ингерентных фонетическому материалу в априорной форме, как утверждает М.Граммон.

Справедливо, однако, и то, что причины звуко-символизма разнообразны. В частности, экспрессивность фоносемантического слова является также результатом соперничества смысла, с одной стороны, (когда означаемое стимулирует появление экспрессивных значимостей, потенциально заключенных в означаемом), а с другой, - влияние, оказываемое фонологической и лексико-семантической структурой языка. Диалектические отношения между экспрессивными значимостями фонетического субстрата и действия означаемого эффективно показано Ж. Шабршулой:

"Собственно лингвистические и синтаксические процессы свидетельствуют о тенденции освобождения от "природной" или "прямой" мотивации. В процессе восприятия, внимание субъекта отвлекается от знака как материальной субстанции выражения, сосредоточиваясь прежде всего на форме выражения, форме и субстанции содержания... Таким образом, импрессивная значимость звуков не является автономной, но может появляться тогда, когда смысл сообщения это разрешает и этого требует" [Šabršula, 1974, с.155].

Вывод, к которому приводят эти наблюдения: на дязыковом уровне звуко-символизм детерминирован структурными и "природными" факторами, на языковом - взаимодействием первых и факторов ассоциативного и "культурного" порядков. В число последних входит, например, частотность данного звука в фонологической системе языка. Некоторые звуки приобретают особую экспрессивную значимость, связанную с их относительной редкостью (начальное [ts] в английском, [k] - в итальянском).

Ошибка М. Граммона - в обращении только к первым компонентам, П. Дельбуя - в преувеличении роли вторых. Последнее направление, игнорирующее фоническую субстанцию и выводящее экспрессивность исключительно из лексико-фонологической структуры данного языка, либо из побуждающего смысла, встречается с двумя главными типами трудности:

1. Экспериментальные исследования синестезии, вызываемой фонемами, показывают, что последние имеют постоянные

экспрессивные значимости, независимые от реальной лексико-фонологической ситуации данного языка. Например, англоязычные говорящие приписывают звуку [e] символизм "светлости", хотя эта фонема более представлена в словах, обозначающих темноту [Chastaing, 1964b].

2. Выведение экспрессивности исключительно из смысла давало бы говорящему вид "законодателя символизма", т.е. способность подчинять любое означающее любому означаемому.

Очевидно, что фоническая форма слова должна иметь некоторую "предрасположенность", чтобы быть носителем именно данных значений, а не противоположных им. Не может быть совершенно случайным, например, что фонема [i] легче отвечает требованию символизировать что-то маленькое, острое и т.д., а не большое, тяжелое, круглое и т.д.

1.3.4. Звуко-символическое значение и автономность поэтического означающего.

Ориентация на отрицание экспрессивных значимостей, собственных материальному субстрату языкового означающего, объяснима, если принять во внимание тот факт, что большая часть критики исходит от авторов, занимающихся стилистическим анализом поэтических текстов, в сфере которых действительно порождаются экспрессивные значения, совершенно автономные, оторванные от чисто "природных". Подобные исследования сыграли большую роль в выявлении границ критикуемых направлений (типичных не столько для М. Граммона, сколько для его многочисленных последователей), видящих поэтическое значение почти исключительно в звукоподражании или в использовании экспрессивного качества, априорно присущего единичному звуку.

Однако, С. Чигада [Cigada, 1969], например, не согласен с тем, что поэтические значения заключены в таких банальных явлениях, как "прямое подражание реалии" или "акустическая фотография", и относит их скорее к совершенно автономной фонестетической интуиции. Эту концепцию развивает Дж.Л. Беккариа [Beccaria, 1975], который не отрицает способность поэтического языка пользоваться некоторыми звукоподражательными экспрессивными значениями, хотя специфику поэтической речи он видит в значениях, созданных автономно, а posteriori, индивидуально, с помощью искусной игры аллитераций, итераций и ассонансов и оркестровки звуков в поэтической партитуре. Подобные значения могут не иметь ничего общего или даже быть совершенно противоположны тем, которые предполагаются сторонниками фонестезии и звуко-символизма.

"Фонема [i]", - пишет Беккариа - "которая считается "более светлой", чем [u], может быть прекрасно использована поэтом

(например, Бодлером) для вызывания образа ночи ("L'irrésistible nuit établit son empire"), только потому, что она заряжается значением от фонетической субстанции слова-темы nuit; само по себе [i] немотивировано" (с.75).

Итак, на основании этой интерпретирующей модели экспрессивные значения звуков появляются не из самих символических способностей фонем, а из способностей поэта "оркестровать фонетически согласованную структуру" (с. 148).

1.3.5. Новое предложение классификации звуко-символических форм.

Предыдущая дискуссия позволяет несколько расширить выводы, касающиеся звуко-символизма, учитывая разнообразные факты, проявляющиеся на различных уровнях и взаимосвязанные друг с другом.

В частности, можно установить три главных уровня:

1. Доязыковой, в котором звуко-символизм проявляется через ингерентные свойства фонемы или группы фонем. Элемент символизма заключен в этом случае в синестетических фактах, вызываемых самой акустической или артикуляционной материей. Символизм этого типа может быть, таким образом, назван фонетическим в прямом смысле.

2. Языковой уровень. В этой области звуко-символические феномены возникают благодаря лексике, состоящей из звукоподражательных и звуко-символических слов. Первичный экспрессивный компонент фонетического субстрата вызван здесь смыслом и обогащается дальнейшими компонентами "культурной" природы, т.е. действием фонологической и семантической структуры языка. Этот тип символизма можно назвать фоно-морфематическим, развивающимся на основе уже готовых значимых форм.

3. Поэтический (креативный) уровень. В этом случае экспрессивные явления создаются автономно поэтом с помощью оркестровки и игры аллитераций, итераций и т.д. и могут быть совершенно или частично независимы от первичных синестетических значимостей звукового субстрата. Назовем этот тип символизма фонестетическим.

Предложенная модель показывает, что каждая форма звуко-символизма имеет свой специфический источник (сплошная линия) и что между ними существуют иерархические отношения, в том смысле, что форма высшего уровня может пользоваться поддержкой низшего (пунктирная линия):

2. Проблема минимальной значимой единицы в языке.

2.1. Морфема: формальный и содержательный аспекты.

Общепринятое определение морфемы как минимальной значимой единицы языка может быть переформулировано с семиотических позиций в термин "минимальный знак", что подразумевает обязательное существование плана содержания этой единицы и невозможность ее дальнейшего членения на единицы такого же рода. Парадигматические процедуры анализа слова позволили выделить в нем составляющие элементы, обладающие определенным семантическим потенциалом. Поскольку отправной точкой в анализе формы и содержания является слово в его лексикографическом существовании (т.е. уже в "обработанном" состоянии), постольку граница членения проходит прежде всего между сегментом, характеризующимся наибольшей формальной устойчивостью в различных модификациях слова и сохранением семантического тождества лексическому значению, с одной стороны, и более подвижными компонентами, воспринимаемыми как модификаторы инварианта, с другой. Первый тип составляющих определяется как знаменательные морфемы, второй - как служебные. Однако разграничение этих двух типов морфем по содержательному плану представляет определенные трудности, т.к. "границы между лексическим и грамматическим в языке в принципе не могут носить абсолютного характера" [Касевич, 1988, с.143]. Все, что можно в очень общем виде предполагать, это то, что служебные морфемы по своему значению более абстрактны, чем знаменательные, и список их значений значительно уже ввиду их категориальной специфики.

Аналогичные препятствия ученые встречают и в характеристике формальной стороны рассматриваемых объектов. Положение о том, что знаменательные морфемы, в отличие от служебных, самостоятельны и могут существовать в несвязанном состоянии (например, *стол - стол-ик*), опровергается языковой реальностью: во-первых, существуют знаменательные связанные морфемы, к которым относится и большинство корней во флективных языках (например, *реб-енок, реб-ята*), во-вторых, есть и заведомо служебные морфемы, которые употребляются самостоятельно, хотя и в эллиптических высказываниях (например, "Будешь обедать? - Буду."). По-видимому, и здесь можно только приблизительно ввести критерий сочетаемости. Учитывая меньшую численность служебных морфем, следовательно, вхождение их в некоторые закрытые классы, естественна их более

широкая сочетаемость при обслуживании морфем из открытых классов (знаменательных).

2.1.1. Корень - центральная смыслообразующая единица слова.

Относясь к знаменательным морфемам, корень так же трудно поддается всеохватывающему и непротиворечивому определению, как и класс, в который он входит. Будучи морфемой, корень, соответственно, должен быть формально неразложим на меньшие значимые единицы и сам нести определенное значение. Последнее выводится из слова, т.е. из комбинации корня со служебными морфемами (случаи совпадения корня и слова чрезвычайно редки) и последовательным "очищением" смысла до вещественного, или лексического значения. Следовательно, вне формальных связей корень не может быть интерпретирован как семантическая единица. Это обстоятельство вынуждает прийти к выводу, что "корни есть... нечто воображаемое, абстракция; фактически корней в языке не может быть, а то, что в нем и могло бы с внешней стороны представляться чистым корнем, есть не что иное, как слово или форма слова, отнюдь не корень" [Дельбрюк 1904, с.90].

Вопрос о неразложимости корня так же вызывает споры в лингвистике. Некоторые исследователи предпочитают скорее говорить не о корне, а о символе, входящем в состав более сложного символа и, в свою очередь, разложимого на составляющие символы. Так, Х. Марчанд считает, что "корни - не неделимые единицы, а составные, как например, *fl-ash, fl-ick* с модификацией гласных или согласных" [Marchand, 1959, с.153]. В самом деле, считать ли форму **образ** корнем в словообразовательном ряду: *образец, образный, безобразный, своеобразный, разнообразный* и т.д. или возможно вычленение из нее корня **-раз-**, исходя из парадигмы: *разить, поразить, отразить, выразить*, а также производные с альтернативным -ж-: *подражать, сражаться, заражать* и т.д.? Считать ли этот последний сегмент омонимичным префиксу *раз-/рас-* или оба они представляют одну морфему?

Для того, чтобы ответить на эти вопросы, необходимо обратиться к значениям слов в каждом ряду и выяснить, какое общее значение (семема) объединяет члены ряда под общим формальным элементом. Само слово *образ*, которое в первом приближении можно соотнести с корнем, будучи абстрактным термином, широко полисемично:

- 1) внешний вид, облик;
- 2) то, что рисуется, представляется внутреннему взору, воображению;
- 3) результат отражательной (познавательной) деятельности субъекта, отражение в сознании предметов, явлений объективной действительности;

- 4) обобщенное художественное отражение действительности, облеченное в форму конкретного индивидуального явления;
- 5) то же, что поэтический образ;
- 6) характер, склад, направление чего-либо;
- 7) способ, средство".

Очень обобщенно можно описать этот круг значений через архисемему "совокупность характерных особенностей, черт". Каждая из лексем словообразовательного гнезда той или иной стороной своего значения будет, таким образом, соотноситься с выделенным инвариантом.

Во втором предложенном нами ряду с корнем **-раз-** наблюдается более широкий разброс значений:

Разить1 - Поразить - "Наносить удар".

Разить2 - "Резко, сильно пахнуть".

Отразить - "1) Отбить ответным ударом; отбросить;
2) Отбросить в обратном направлении;
3) Воспроизвести чье-либо изображение, чей-л. образ;
4) Передать, воспроизвести в художественных образах".

Выразить - "1) Показать, обнаружить каким-либо внешним проявлением; передать, отразить;
2) Обозначить, исчислить в каких-либо единицах, мерах".

Заразить - "1) Передать заразу кому-либо;
2) Передать, внушить кому-либо свое чувство, склонность".

Подражать - "1) Повторять, воспроизводить с возможной точностью какие-либо звуки, чьи-либо действия и т.п.;
2) Следовать примеру, чужому образцу".

Бросается в глаза появление в дефинициях слов *Отразить*, *Выразить*, *Заразить* и *Подражать* общих компонентов значения (по Караулову: отдельное слово в толковой рубрике [Караулов, 1976, с.183-184]) - "образ", "воспроизвести", "передать". Несомненно связанные между собой по кругу значений, эти лексемы проявляют семантическое родство и с группой "Образ". Однако, их связь с центральным словом гнезда *Разить1* прослеживается только через сопоставление с глаголом *Отразить* в его первом значении "отбить". При этом

кажущиеся омонимами *Разить1* и *Разить2* по сути представляют собой значения одного слова, где второе - метафорический перенос первого. Учитывая наибольшую формальную "чистоту" этого слова, мы вынуждены интерпретировать его значение как базовое, а его префиксальные производные - как модификации (в зависимости от индивидуальной семантической ориентации префиксов *от-*, *вы-*, *за-*, *под-*) базового "наносить удар".

Следовательно, корень **-образ-** является новой ступенью развития более раннего (судя по протяженности) корня **-раз-**. Осталось только объяснить переход от исходного значения "наносить удар" к архисемеме "совокупность характерных особенностей". Исходное значение явно конкретнее и поэтому способно к большей семантической мобильности, чем второе, т.е. к переходам от чисто физической природы к различным видам нематериальной сферы. В нашем случае "наносить удар" как физическое действие переосмысливается как любое внешнее воздействие на ментальную область, вызывающее впечатление. Впечатление, или отпечаток, - результат этого действия, сохранившийся в памяти. Но основное свойство представления, или вызывания образа, заключается в воспроизведении совокупности характерных особенностей объекта воздействия. Так, через средства языка передается схема механизма восприятия и формирования образа: воздействие внешнего стимула - запечатление характерных свойств стимула -, отражение совокупности свойств в сознании.

Наконец, вопрос об отношении корня к идентичному по форме префиксу. Как уже сказано, прерогативой служебных морфем является их более широкая сочетаемость, что прекрасно иллюстрируется количеством образований с префиксом *раз-/рас-* (список слов занимает 96 страниц в 4-томном академическом издании Словаря русского языка). Вот перечень его значений (семем):

- "А) 1. Раздробление, разделение на части (*разбить, разгрызть, разломать*).
2. Разведение (в противоположность соединению - *развести, развязать*).
3. Распределение (*раздать, разлить, разложить*).
4. Распространение действия в разные стороны (*разбросать, разбрызгивать*).
5. Движение (многих) из какой-нибудь точки в разные стороны (*разбежаться, разбрестись, разлететься*).
6. Распространение действия на всю поверхность, на весь предмет или на многие предметы (*разлиновать, зарисовать*).
7. Уничтожение результата ранее произведенного действия, обратное действие (*раздумать, разлюбить, размагнитить*).
8. Интенсивность, полнота действия (*разглядеть, разобидеть, разодеть, разукрасить*).

9. Постепенное нарастание начатого действия и доведение его до высокой степени или чрезмерности (*разбаловаться, разлакомиться, разыгаться*).

10. Длительное, лишённое какой-либо поспешности действие (*разгуливать, раздумывать*).

- Б) I. Образует форму совершенного вида некоторых глаголов (*разбогатеть, разубедить, развеселить, разгромить*).
 II. Высшая степень проявления какого-либо качества, свойства (*развеселый, разлюбезный, разудалый*).
 III. Место какого-либо разъединения, расхождения (*развилка, разводье*) (см. упомянутый Словарь, II т., сс. 582-583).

Можно свести все разнообразие выделенных значений префикса *раз-/рас-* к следующим семантическим рубрикам (гиперсемам):

- "1. Разделение (1, 2, III).
 2. Распространение (3-6, 10).
 3. Нарастание интенсивности (9).
 4. Высшая степень (8, 11).
 5. Уничтожение (7).
 6. Результативность (Б)."

Комментарии:

№ 1 вряд ли вызывает сомнение. К №2 мы относим значение "длительность" (10) на основании переосмысления пространственных координат "распространение" во времени (распространение во времени = длительность). В №4 "интенсивность, полнота действия (8) объединена с "высшей степенью проявления качества (11), абстрагируя от различия "действие/качество".

С построением этой новой, более обобщенной таблицы значений префикса *раз-/рас-* мы обращаем внимание на новые точки пересечения полученных гиперсемем. Так, "нарастание интенсивности" ведет к "высшей степени" и, следовательно, к "результативности" (причинно-следственные отношения). С другой стороны, "разделение" соотносится с "распространением" на основе переосмысленного перехода "от единичного (целого) к множественности (частям)" и сближается с "уничтожением" по другому аспекту своего значения - "ликвидация целого". Обобщив полученные данные, приходим к двум архисемам с условным обозначением "разделение" и "увеличение".

Нетрудно сделать логический вывод о смежном характере отношений между этими двумя архисемами. Он проистекает из все той же модели перехода "от единичного к множественности", где "множественность" может быть сформулирована и как количественный аспект, и как качественный. Поскольку обе архисемы находятся друг с другом в причинно-следственных отношениях, то, целесообразно нашему анализу, можно свести их к метасеме, которая будет здесь одноименной с причинной стороной как с первичностью: "РАЗДЕЛЕНИЕ".

Сопоставим теперь три рассмотренных вида морфем: знаменательную **-образ-**, знаменательную, входящую в нее **-раз-** и служебную **раз-**.

Во-первых, мы убедились в разложимости корня на более мелкие и так же значимые составляющие (*об-раз*).

Во-вторых, методом семантического синтезирования мы обнаружили преимущество составного корня от входящего в него более простого.

В-третьих, очевидно, что корень **-раз-** выступает и в качестве служебной префиксальной морфемы **раз-**, где обретает большую сочетаемость и больший спектр значений. Возможно, однако, синтезировать семантическую сферу последней, восходя от семы (значение префикса в конкретном сочетании с какой-либо основой) к метасеме (значение высшего абстрактного порядка, порождающее остальные). Метасемы корня **-раз-** (удар) и префикса **раз-** (разделение) находятся все в тех же причинно-следственных отношениях: первый является причиной второго, что не противоречит тенденции перехода знаменательных единиц в служебные (ср. грамматическую функцию глаголов *avoir* и *être* во фр. языке, *to have, to be* в английском, *быть* в русском и т.д.).

2.2. Морфема в синхроническом и диахроническом аспектах.

Как любое языковое явление, морфема рассматривается в двух своих ипостасях: синхронической и диахронической. Первая обычно изучается морфологией, вторая - этимологией. С точки зрения семантики, едва ли можно ограничиться одной из них. Зачастую трудность интерпретации некоторого множества языковых фактов, воспринимаемых интуитивно как однородные, снимается при обращении к эволюционной стороне языка.

В самом деле, приведенный выше синхронический анализ корня **-раз-** и полученные выводы подтверждаются этимологическими данными. Согласно "Этимологическому словарю русского языка" М. Фасмера, первоначально *газь* означало "удар" и связывалось чередованием гласных с *Резать*, а слово *Образ* происходит от *об-* и *газь*, получив значение "лицо, щека; изображение, картина, икона". Зная исторические истоки формы и ее содержания, с одной стороны, и состояние обоих планов на определенном хронологическом срезе, с другой, можно проследить развитие означаемого и означающего и восстановить момент тождественности в семантической и морфологической структуре слова.

В проведенном нами анализе трудно провести грань между синхроническим и диахроническим планами. С точки зрения единства формы и общности содержания, вполне правомерно говорить не о трех различных языковых знаках (**-образ-**, **-раз-**, **раз-**), а об одном **-раз-**, модифицирующем свою семантику на разных уровнях

морфологии (собственно корень, часть нового корня, префикс), что соответствует синхроническому описанию. В то же время синтезирование означаемых этого знака и воссоздание определенной семантической системы неизбежно сталкивается с отношениями причинно-следственного характера, что подразумевает факт первичности одних значений по отношению к другим, следовательно, диахронический аспект.

2.2.1. Структура корневой морфемы в отношении к ее означаемому.

Этимологи давно заметили тот факт, что согласные - самые стабильные элементы в реконструированных корнях. Мобильность гласных, их чередование, прослеживается как в диахронии, так и в синхронном состоянии языка (ср. англ. *foot* - *feet*, нем. *finden* - *fand* - *gefunden*, рус. *дети* - *дети*). Яркой иллюстрацией этого явления обычно служат семитские языки, в которых согласные - базовые корнеобразующие элементы, несущие лексическое значение, а гласные выполняют служебную грамматическую функцию, участвуя в словообразовании и словоизменении.

В предыдущей главе мы столкнулись с этимологическим родством двух корневых морфем **-раз-**, означавшее "удар" и **-рез-** со значением "резать". В процессе своего развития каждая из них приобрела свою специфическую смысловую ориентацию. Однако следы родства можно обнаружить уже в значениях самой лексемы *Резать*:

1. Действуя чем-либо острым, разделять на части.
3. Действовать при разделении на части (об острых инструментах).
4. Убивать чем-либо острым (ср. "Уничтожение").
8. Ставить неудовлетворительную оценку на экзамене; проваливать ("Уничтожение").
9. Ставить в безвыходное положение, губить ("Уничтожение").
10. Говорить прямо, без обиняков, не стесняясь (ср. "Нанести удар").
11. Употребляется вместо многих глаголов для выражения быстрого, энергичного действия ("Нанести удар" предполагает такие же свойства действия).

Наконец, идиоматические выражения *"Резать глаза"*, *"Резать ухо"* аналогичны по переосмыслению с *Разить*₂ (о запахе).

То же можно сказать и о другом гласном внутри этой морфемы. Префиксы *роз-/рос-*, например, выступают как варианты *раз-/рас-*, означая "разделение" или "распространение".

Следует, однако, заметить, что стабильность согласных тоже относительна, и это видно уже в чередовании конечных *-з/-с-*. Вариативность подобного типа может, например, естественно привести к выводу о том, что в лексеме *расти* корень не **-раст-** с

альтернативным **-рост-**, а **-рас-/рос-** с инфинитивным окончанием древнерусского языка *-ти*. (ср. *ид-ти*, *тряс-ти*, *плес-ти*, *полз-ти*). В пользу подобной интерпретации выступает и само значение лексемы, которое подпадает под семантическую систему морфемы **-раз-/рас-**, в частности, по семеме "Нарастание" или "Увеличение".

Приняв предположение о вариативности конечного согласного, можно рассматривать лексему *рисовать* в парадигме морфемы **-раз-** с замещением гласного *-а-* на *-и-*. В этом случае значение лексемы соотносится со значением "резать" как результат семантической эволюции последнего: "резать" --> "царапать" --> "чертить" --> "рисовать" (подобный семантический переход хорошо известен этимологам в различных языках).

Таким же естественным чередованием, как *-з/-с-*, оказывается и *-з/-ж* (ср. *вязать* - *вяжу*, *сказать* - *скажу*, *скользить* - *скольжу* и т.п.), которое не выводит получившуюся форму за пределы анализируемой системы. В словаре В.Далю находим слово *ружь* (в современном языке остались только производные *наружу*, *снаружи*, *наружность*) со значениями "внешность", "образ", "вид", "облик", "лицо". Семантическая связь с морфемой **-раз-** и тем более с **-образ-** очевидна. Следуя этой логике, *рожа* должна быть этимологически связана с *ружь*, хотя М.Фасмер и отвергает подобное предположение, выдвинутое Миклошичем.

В свою очередь, *-с* способно чередоваться с *-ш* (ср. *весна* - *вешний*, *красить* - *крашенный*, *квасить* - *квашеный*, *висеть* - *вешать* и т.п.), а *-ш* с *-х*, что запечатлено в лексемах *рушать* ("делить, кроить, резать"), *Рушить*, *Рухнуть* и их производных *Рухлый/Рухлый* ("неплотный, несвязный, рассыпчатый", т.е. "в разьединенном состоянии"). Глагол *решать*, прежде, чем устояться в своем современном значении, обозначал (по Далю) "кончать, вершить; разбирать дело и присуждать", а с одушевленным объектом - "убивать" (ср. фр. *résoudre* -- 1. "Превращать в составные части или уничтожать" (Rob.)).

Итак, можно сделать вывод о том, что структура корневой морфемы достаточно вариативна как вследствие вокалических чередований, так и по причине мобильности второго консонантного элемента корня. Приходится признать, что понятие корня в языке - условное, т.к. "речь идет об ограниченной фоно-семантической комбинации, не представляющей собой дискретную языковую сущность, а являющейся одним из вариантов ряда других фоно-семантических комбинаций, традиционно признаваемых (но на самом деле таковыми не являющимися) отдельными корнями" [Маковский, 1988, с.65].

Следовательно, в целях более адекватного описания всех возможных вариантов морфемы как фоносемантического единства необходимо построение обобщающей модели или морфемотипа, учитывающего различные формальные манифестации его составляющих.

* По поводу происхождения этого слова у этимологов нет однозначного мнения.

Рассмотренные выше разновидности, например, сведутся к следующему морфемотипу:

R - V - Spir

где R - константный согласный "P", V - переменный гласный, Spir - спиранты (-з/-с/-ж/-ш/-х).

2.2.2. Семантическое моделирование морфемы.

Означаемое построенной модели носит, как мы убедились, сложный системный характер. Значения, реализуемые каждым вариантом модели, связаны друг с другом либо отношениями сходства, либо смежностью. Система значений характеризуется многоуровневой структурой, где генетически исходное служит импульсом для образования новых, которые, в свою очередь, так же получают развитие, продолжая семантическую цепочку. Вместе с тем каждая из выделенных семем или синтезированных гипер- и архисемем может найти то или иное свое выражение как в отдельной конкретной лексеме, включающей морфемотип в свою формальную структуру, так и в ряде гомоморфных лексем. Поэтому адекватной и наглядной будет такая модель, которая отразит как само развитие исходного значения (первопричины системы), так и результат этого развития в виде взаимопересекающихся гиперсемем. Таким образом, открывается возможность совмещения двух основных планов языка: синхронии и диахронии.

Общая семантическая модель морфемотипа R - V - Spir будет, соответственно иметь следующий вид:

Комментарии:

В качестве исходного выступает амальгамированное значение "Удар/Резать" (см. этимологич. толкование). Это значение порождает ряд других значений - "Разделение", "Уничтожение", "Воздействие", "Чертить" - выступающих как аспекты первого и, соответственно, связанных между собой. В свою очередь, "Разделение" как действие, превращающее целое в части, вэдет к "Увеличению" и "Распространению". Последнее представляется как разновидность "Увеличения" в пространственном отношении, т.е. в количественном. С другой стороны, качественное "Увеличение" предполагает понятие роста интенсивности, что приводит к "Высшей степени" и, наконец, к "Результативности".

Значение "Резать" предполагает сходные "Царапать" (не проявившиеся в системе морфемотипа) и "Чертить" (более совершенный вариант - "Рисовать"), которые перерастают в "Изображение", или "Формирование" целостности из отдельных черт. Этот этап семантического перехода запечатлен уже в лексике с выделяемым традиционно корнем **-образ-** (образовать, образование, преобразование).

На примере построенной модели видно, как различные аспекты одного и того же феномена развиваются в совершенно противоположные значения, как "Уничтожение" и "Формирование" (т.е. "Создание"). Подобная антиномия, как мы увидим далее, отнюдь не противоречит логике номинации, а является одним из средств, реализующих принцип экономии в языке.

2.3. Консонантный бифон - минимальная значимая единица в синхроническом и диахроническом аспектах.

2.3.1. История изучения бифона.

Анализируя знаковые свойства звуков, лингвисты часто обращали внимание на такое явление, как начальное сочетание двух (реже трех) согласных. Так же, как и отдельным звукам им приписывались различные символические значения.

Первую попытку описания "значений" таких звукокомплексов относят к Дж. Уолису (1653г.; см.: [Genette, 1976, сс. 49 и сл.]). Его выводы были основаны на статистическом анализе английской лексики с начальными сочетаниями STR-, ST-, THR-, BR-, CR-, GR- и т.д. В частности, Дж. Уолис определяет следующие соответствия:

- STR - Сила, усилие (strong, struggle);
- ST - Сила меньшей интенсивности, которая затрачивается на сохранение того, что имеется (stand, stop);
- THR - Мощное движение, порыв (throw);
- BR - Сильное ломание, шум (break, brook);
- CR - Ломание с треском (crack, cry, crash);
- GR - Что-либо грубое, твердое (grate, grind);
- CL - Примыкать или сдерживать (cleave, clay, climb);
- SP - Распространение или распыление (spread, spit);
- SL - Бесшумное скольжение (slide);
- SK-, SKR - Сильное сжатие.

Однако, корреляция между звукокомплексами и значениями оказываются у автора слишком обобщенными и далеко не всегда реализуются в ряде лексем. Например, сочетание CR-, по Уолису, представляет значение "ломания с треском", что, безусловно, верно отражает первоначальную звукоподражательную сущность комплекса. Но в словаре английского языка содержится значительное количество лексем, не подпадающих под эту семантическую рубрику: *creak, crime, crowd, create, etc.* Являются ли описанные сочетания частными случаями звукоимитации или образуют какую-то особую систему - ответа на эти вопросы в "Грамматике..." Дж.Уолиса мы не находим.

Более широкий спектр значений консонантных комплексов представлен у Ш. де Бросса (см. упом. работу), выводящего экспрессивные качества согласных из типа артикуляторного движения или из расположения голосовых органов при произнесении звука. Таким комплексам, как, например, FR-, TR-, GR-, приписываются значения "усилие для разрыва; пересекать, восходить, взбираться", а сочетаниям CL-, GL- - "полировка; скользкий спуск". Как видно, автор подразумевает возможность синонимических отношений между определенными комплексами (в особенности содержащими форманты R или L). Среди целого ряда положительных моментов работы следует особо отметить привлечение, помимо французского, других языков (латынь, английский), обращение внимания не только на начальные звукокомплексы, но и на конечные (*flamme, souffle*), а также не только на контактные, но и на дистантные сочетания (*couler*).

В XIX в. появляется "Словарь корней и производных слов французского языка" Ф.Шаррасена [Charrassin, 1842]. Словарь примечателен тем, что большая часть слов рассматривается автором как производные от двухфонемных корней (консонантных звукокомплексов), имеющих определенное инвариантное значение. Принимается во внимание также формальная вариативность корневых фонем. Лексика словаря организована по формально-семантическим группам, а значение слова выводится из суммы (почти арифметической) значений его морфологических компонентов. Чисто прикладная, учебно-методическая ориентация словаря, к сожалению, не подкрепляется теоретическими обоснованиями в области этимологии и вариативности морфем (особенно одно- и двухфонемных).

Современный этап звукоимитационного направления характеризуется всевозрастающим интересом к звуко сочетаниям. В своем "Фонетическом трактате" М.Граммон уделяет внимание "комбинациям импрессивных значений" [Grammont, 1950, сс. 391-398], в особенности с фонемами R и L, и приходит к следующим выводам: "1) Нет различия между C и T по производимому эффекту, когда единственное проявляемое ими качество - взрыв; 2) В зависимости от контактного или дистантного положения R со смычным, впечатление будет различным...; 3) Значение звукоподражательного слова всего

лишь проявляет значение, которое звуки имеют потенциально..." (с.392). М. Граммон рассматривает комбинацию двух согласных фонем как объединение звукоподражательных или звуко-символических свойств каждой из них. Так, звукокомплекс FR- семантически "расшифровывается" как "дуновение" (значение F) и "царапание" (значение R); сочетать F с L значит объединить "дуновение" с "жидким состоянием" и т.д.

Ф.В. Хаусхолдер употребляет по отношению к консонантному звукокомплексу термин "фонестема", определяющийся как "фонема или комплекс фонем, общий для группы слов и имеющий общий элемент значения или функцию" [Hauseholder, 1946, сс. 83-84]. При этом оговаривается, что слова могут быть этимологически не связаны. Э. Найда, описывая иерархию семантических элементов, говорит о части морфемы (например, sl- в slip) как об одной из единиц языка, наделенных значением [Nida, 1951, с. 6]. Дж.Р.Ферт, не будучи ярким приверженцем звукоимитационизма как ингерентного свойства звуков, тем не менее не отрицает наличия определенной фонестетической функции у различных консонантных групп (ST-, GR-, SQU-, STR-, SN-, SM- и др.), хотя "семантическая" функция, считает он, может быть понята только по отношению к общему ситуативному контексту в каждом конкретном случае [Firth, 1957, с. 44]. Пересматривая традиционное понятие "морфемы", Д. Болинджер отводит консонантным группам (начальным и конечным) роль "аффективных морфем", или "фонестем" [Bolinger, 1950, с. 130]. Автор все же не столь категоричен в определении границы между общепринятым понятием морфемы и "субморфемным дифференциалом" (т.е. значимыми единицами, составляющими морфему), т.к. язык сам не показывает таких разграничений (с.134). В связи с этимологическими исследованиями звукоизобразительных слов (идеофонов) английского языка Дж.В.Смизерс выделяет отдельные начальные фонемы и консонантные группы, выполняющие некоторые семантические функции [Smithers, 1954, с.86]. Х.Марчанд рассматривает начальные фонемы или комплексы фонем как "символы", способные порождать новые наименования [Marchand, 1959, сс.153-154]. Однако, в своем исследовании автор не пытался выйти за пределы звукоподражания, поэтому серия производных оказывается очень ограниченной. Мысль о разложимости корня на более мелкие единицы, помимо Х.Марчанда, была высказана такими видными теоретиками, как Б.Л.Уорф, который называл начальный звукокомплекс "корневым ядром" [Whorf, 1956, с.133], и Л.Блумфилдом, применявшим термин "корнеобразующая морфема" [Блумфилд, 1968, с.267]. Последний, правда, скептически относится к возможности полного и определенного анализа этой единицы из-за расплывчатости ее значения.

Интересную трактовку начального консонантного комплекса предлагает Р.Вескотт в статье о лабио-велярности и ее уничижительной функции [Wescott, 1971b]. В отличие от лабио-велярных

фонем, которые он называет иконическими сигналами, консонантные сегменты интерпретируются как символические сигналы и имеют статус морфем. В доказательство приводятся этимологические примеры конечных сегментов *-rd* в слове *lord* и *-ld* в *world*, первый из которых является вариантом самостоятельной и полной формы *ward*, а второй - вариантом лексических форм *old* и *eld*. Вексфорд проводит аналогию между *sn-* и *sl-*, с одной стороны, и *bl-* и *gl-*, с другой. Последние встречаются в английском языке в качестве синлабических морфем (*bald* с прежним значением "светящийся") и *gold* (с первоначальным значением "блестящий металл"). Выступая в контактном положении, эти сегменты сохраняют значения, передаваемые синлабическими основами. Таким же образом, *sn-* и *sl-*, являющиеся в основном инициалами уничижительной лексики, соотносятся с восстанавливаемыми в протоиндоевропейском языке морфемами *-san-* и *-sal-*, означая "нос" и "ползти", что имеет в развитии отрицательное оценочное значение.

В отечественном языкознании на необходимость экспериментального исследования единиц больше фонемы (сочетаний фонем) и изучения их символических свойств указывает В.В.Левицкий [Левицкий, 1973, с.69]. Им же осуществлено статистическое исследование начальных звукокомплексов и их значений в английском [Левицкий, 1983] и в немецком [Левицкий, 1986; Жерновой, Левицкий, 1988] языках. Качественно новым шагом в области описания значений звукокомбинаций явилась предложенная в этих работах статистическая методика выявления семантико-фонетических связей. Результаты исследования позволили автору утверждать, что "почти все двух- или трехфонемные сочетания в начале корня в английском языке связаны с определенным значением или определенным кругом значений" [1983, с.14]. Такой же вывод относится и к немецкому языку. В отличие от перечисленных выше авторов, В.В.Левицкий выделяет, помимо звукоподражания, еще два типа фонетико-семантической связи: звуковой символизм и "связи, не относящиеся ни к первой, ни ко второй группе, статистической значимостью которых обусловлена "случайной" распространенностью того или иного корня в данном языке" (с.16). Благодаря такому расширению план содержания каждого звукокомплекса рассматривается как ряд значений, представленных лексико-семантическими группами. Например, сочетанию *BR-* в английском языке соответствуют такие ЛСГ, как 1) "ломать, хрупкий"; 2) "ссора, грубый"; 3) "веселый, живой, храбрый".

Вспомним, что аналогичные способы обозначения понятий звуками выделяли еще Ш. де Бросс и В. фон Гумбольдт. С нашей точки зрения, которая близка к де Броссовской и Гумбольдтовской трактовке, то, что В.В. Левицкий называет "случайной распространенностью...", на самом деле - действие деривационного принципа формального и семантического развития словаря.

2.3.2. Метод синхронического исследования бифонов.

Относительная константность согласных в формальной и семантической структуре корня (в традиционном понимании) и возможность разложения корня до двухслогового значимого сегмента заставляют нас обратиться к двухслоговым начальным сочетаниям - консонантным бифонам - с целью более детального и системного изучения их семантики. Возможны два подхода исследования: диахронический, с большим упором на этимологию и историю языка, и синхронический, с преимущественным анализом лексической семантики выбранного периода языка. Первый проявляет "вертикальную" взаимосвязь семантического разнообразия бифона с более древними значениями и нахождение первичных семантических элементов, конгруэнтных его форме. Синхронический аспект предполагает выяснение "горизонтальных" пересечений различных семантических разрядов бифона и его звуко-символических потенциалов.

Аналогично исследованиям В.В.Левицкого, мы предприняли метод сплошного анализа списка лексем французского языка, с начальным консонантным бифоном *BR-*. В результате было выделено несколько лексико-семантических полей. Доминирующим по количеству лексем оказалось поле "Рука (прямое - метафорическое значение) - Действие рукой - Инструмент", например, *bras* - "рука", *branche* - ветвь (ассоциация по сходству), *brandir* - "размахивать", *branler* - "трясти", *brasser* - "мешать", *bricoler* - "мастерить всякую работу", *briser* - "разбивать, ломать", *branc (brand)* - "двуручная шпала", *braquemart* - "кинжал", *bride* - "узда, повод" (инструмент управления), *broche* - "вертел, спица, шило, стержень".

В сознании говорящего субъекта первичное значение "Действие рукой" неизбежно ведет к обобщению "Действие - Деятельность". В списке *BR-* лексем представлены слова, значения которых отражают три вида деятельности: Борьба (Нападение), Разрушение, Связывание (Скрепление), напр.: *branquer* - "наводить (обычно оружие)", *brigade* - "военное подразделение", *brigand* - "разбойник", *briser* - "разбивать", *broyer* - "дробить, толочь", *brèche* - "пролом, прорыв", *brider* - "взнуздывать, крепко завязывать", *brimer* - "притеснять (перенос от "связывать", "сковывать")".

Связь *BR-* лексем с понятиями именно этих трех видов деятельности не случайна. Она обусловлена референтным потенциалом самого значения "Рука", имплицитно семантику "Силы", "Борьбы", "Агрессии" в языковом сознании субъекта (ср. значения фразеологизмов с ключевым *bras*: *bras de fer* - "перетягивание на руках (состояние в силе)", *avoir les gros bras* - "быть сильным и опасным", *un gros bras* - "драчливый, грубый", *huile de bras* "физическое усилие руками", *à bout de bras* - "прикладывать большое усилие", *à bras le corps* - "обхватив (соперника) руками", *à bras raccourcis* - "нанося

сильные удары" (с глаголами *бить, ударять, набрасываться*), *à tour de bras* - "изо всех сил, сильно" (с глаголом *бить*). Признак "грубость, резкость", сопровождающий эти значения, представлен эксплицитно лексемами *brutal* - "грубый, зверский, внезапный", *brute* - "зверь, грубый человек".

Значения видов деятельности "Борьба (Нападение), "Разрушение", "Связывание" ("Скрепление") предполагают смежные ассоциации с инструментами, способствующими реализации действия. Так, первые два сопряжены с семантическим полем "Оружие/Орудие": *braille* - *brailleur* - *broyer* "лопатка для мешания сельди", *brette* - "длинная и узкая шпала", (см. выше *branc, braquemart, broche*), а третий - с полем "Средство связывания или скрепления" (см. выше *bride*, а также *braye* - "строп, петля", *brette* - "ляжка, перевязь", *bricole* - "ремень, ляжка", *brigue* "происки, интрига" (метафора от значения "связывать", ср.: "плести интриги")). Кроме того, значения "Связывание" соседствует с понятиями, обозначающими "Объект связывания" и "Место связывания (скрепления)": *breloque* - "брелок, украшение, подвешенное к часовой цепочке или браслету", *brechet* - "гребень грудной кости, к которому крепятся двигательные мышцы крыльев (у птиц)".

В свою очередь, значение "Оружие/Орудие" коннотирует признак "Острый", который проявляется в целой серии BR-лексем: *brochet* - "щука" (ассоциация с остротой и количеством зубов), *brème* - "лещ" (определяющий признак - "костистость"), *broquette* - "маленький гвоздь", *brocard* - "самец косули возрастом не менее года (срок появления рогов)", *brocard*₂ - "язвительная шутка" (т.е. "колющая"). Понятие "острый" синестетически переплетается с понятием "резкий", которое передается такими словами, как *brusque* - "резкий, внезапный", *brailleur* - "кричать, горланить" (резкий, неприятный шум), *braire* - "реветь (об осле)", "кричать, орать", *bramer* - "кричать (об олене)". Слово *bruit* - "шум" с его производными логично вписывается в круг вышеперечисленных слов как родовое понятие.

Из числа BR-лексем выделяется небольшая группа, коннотирующая понятие "Огонь": *brûler* - "сжигать", *braise* - "жар, горящие угли", *brandon* - "соломенный факел, головня", *braser* - "сваривать, паять", *brasiller* - "жарить на углях", *brasier* - "горящие угля, пылающий костер" (три последних - производные от *braise*). Общим для них является признак "Жар". Ожидаемый признак "Свечение", ассоциируемый с огнем, проявляется в словах: *brasiller*₂ - "светиться (о море)" и *briller* - "светиться, блестеть". В эту же группу по непосредственной связи с "Огнем" войдут и единицы со значением "Сгораемые материалы": *brande* - "вереск и остальная лесная поросль" (этимология этого слова связана с "Огнем": ст. фр. *brander* - "зажигать" от *brand* - "головня" - ср. лат. *branda* - "вереск"), *brésil* - "красное дерево", *brai* - "смола, деготь", *bruyère* - "вереск". Помимо

жара и свечения, существует третий компонент огня - дым, который ассоциируется с паром. Опосредованная связь ведет к словам *brouillard* - "туман", *brume* - "густой туман", *bruine* - "мелкий морозящий дождь".

Семантическую связь понятия "Огонь" с вышерассмотренным полем "Рука - Действие - Инструмент" можно трактовать двояко. С одной стороны, оно смыкается со значением "Разрушение" (ср. дефиницию слова *brûler* - "сжигать" - "разрушать, уничтожать, нанести ущерб огнем"). Другую ассоциативную линию, более сложную, можно провести от понятия "Инструмент": "Инструмент" - "Оружие/Орудие" - "Железо" - "Огонь". Под этим углом огонь рассматривается как необходимое условие для производства железа.

В списке BR-лексем "Разрушение" смыкается с еще одним семантическим полем - "Малость". В основном это единицы, имеющие в первом слоге гласный *i*. Вспомнив знаменитую работу О.Есперсена [Jespersen, 1929], можно предположить, что значение этих слов подвержено влиянию символики "малости", столь характерной для *i*. По нашему мнению, будет более объективным говорить о взаимном дополнении звуко-символической функции гласного и аналогичного значения консонантного бифона. О метонимическом отношении "действие - результат" между "Разрушением" и "Малостью" свидетельствует дефиниция слова *briser* - "разбивать, разрушать" - букв. "свести к частям резким ударом или давлением", т.е. *размельчить*. Понятие "Малость" обозначают или коннотируют, например, такие слова, как *bribe* - "маленький кусочек, малое количество", во мн.числе - "обрывки", *bricole*₂ - "мелкая работа", *перенос*. "пустяк", "безделица", *brigantin* - "маленькое двухмачтовое судно", *brin* - "былинка, чуточка", *brioche* - "маленькая сдобная булочка", *brique* - "кирпич" (= "кусочек, часть"), *brise* - "легкий ветерок", *bref* - "короткий".

Как известно, значение физической малости соседствует с уничижительным значением, представленным в списке BR-лексем словами: *bric-à-brac* - "старый хлам, подержанные вещи", *brimborion* - "безделушка", *bringue* - "кутеж, дебош", *bringue*₂ - "кляча", *brangue* - "глупец, дурак", *branquignol* - "чокнутый" и др.

Разумеется, не все BR-лексемы списка обнаруживают при синхроническом рассмотрении связь с тем или иным выделенным полем. Это объясняется сложностью ассоциативной линии и синкретичностью значений лексем. Так, возникает вопрос о положении в системе слов *bricheton*, *brif*, *brignolet* - простореч. и арг. "хлеб, еда". Для осмысления этих слов можно обратиться к экстралингвистическому контексту понятия. Производство хлеба - это деятельность, включающая операции "молотить", "месить", а также условие, или средство "Огонь". Как видно, сочетание этих значений позволяет вписать их в поле "Рука - Действие - Инструмент". Слово *braise*-арг. "деньги" представляет собой метафорическое переосмысление

80) Проблема минимальной значимой единицы

braise - "горящие угли", по-видимому, на основе их общих признаков "давать тепло (жизнь)" и "превращаться в пепел (исчезать)". Технический термин *brason* - "несущая балка" - ассоциация по сходной функции с "Рукой" ("нести", "держат"). Различные оценочные коннотации слов *brave* - "смелый" и *braconier* (от *bracopner*) - "браконьер" не мешают отнести их к одному полю: оба они по сути связаны со значениями "Рука/Сила", "Оружие".

Таким образом, в отличие от работ предыдущих исследователей, где, либо выводится какое-то очень общее значение звукокомплекса на основании наиболее ярких (звукосимволических) примеров, либо приводится перечень основных семантем без какого-нибудь обобщения, наш анализ показывает достаточно полноценную систему означаемого начального консонантного бифона BR-. Из 160 BR-лексем (исключены только образования от имен собственных и терминологические заимствования) 154 образуют семантическое пространство, составленное взаимосвязанными семантическими полями. В качестве центра можно условно выделить значение "Рука", имеющее наибольшее количество связей - прямых и опосредованных - с различными полями данного семантического пространства: "Рука" - "Действие рукой/Деятельность", "Борьба", "Разрушение", "Шум/Крик", "Связывание"; "Рука" - "Инструмент" - "Острый/Резкий"; "Разрушение" - "Огонь", "Малость/Уничижительность"; "Огонь" - "Сгораемые материалы", "Свечение", "Пар"; "Шум/Крик" - "Борьба", "Разрушение"; "Огонь" - "Сгораемые материалы", "Свечение", "Пар"; "Свечение" - "Пар"; "Пар" - "Свечение"; "Малость/Уничижит." - "Острый/Резкий"; "Острый/Резкий" - "Инструмент"; "Инструмент" - "Связывание"; "Связывание" - "Действие/Деятельность"; "Действие/Деятельность" - "Борьба", "Разрушение"; "Борьба" - "Разрушение"; "Разрушение" - "Действие/Деятельность", "Инструмент", "Связывание", "Огонь", "Сгораемые материалы", "Свечение", "Пар", "Малость/Уничижит.", "Острый/Резкий".

Аналогичным образом строится семантическое пространство начального консонантного бифона BL- в современном французском языке. С синхронической точки зрения центром системы явятся понятие "Белый, светлый", сосредоточившее в своем референтном потенциале ("Лишенный окрашенности") основание пересечения с

гиперполем "Лишенный нормативного содержания". Последнее охватывает поля: "Пустой", "Оболочка" (отношение смежности с предыдущим), "Очерченность пространства/Замкнутость", "Круглый", "Отрицательная оценка" (аффективное переосмысление "Пустой"):

2.3.3. Экспериментальная проверка гипотетических моделей семантического пространства бифонов.

Методика эксперимента схожа с предложенной Д.Н. Узнадзе (см. выше). Материалом для эксперимента послужили 6 художественных репродукций, пронумерованных римскими цифрами (I - III - былинные сюжеты, IV, V - средневековые западно-европейские сюжеты, VI - "Герника" Пикассо). В каждой репродукции указаны стрелками и пронумерованы цифрами 10 реалий. Испытуемые (84 француза возрастом от 7 до 50 лет) получили по 6 карточек, каждая с соответствующим номером репродукции и с двумя искусственными словами. Слова были сконструированы таким образом, что инвариантными оставались начальные консонантные бифоны BR- и BL-. Гласные, образующие первый слог, варьировались: [a], [o], [u], [y], [e], [i]. Количество слогов в словах - один или два. В соответствии с установкой (см. Задание), слова к I, II, III картинам имеют непривычное для носителей французского языка звучание и написание (во избежание нежелательной интерференции с родным языком). Так, к картине I предлагались слова Brafa и Bloukha, ко II-й - Broudan и Blart'in, к III-й - Broik и Blenouch, к IV-й - Bresle и Bloste, к V-й - Bruine и Blialt, к VI-й - Britteau и Blups.

Выбранные репродукции носят так же непривычный характер. Большинство пронумерованных реалий либо свойственны другой культурной общности (как в I - III) или эпохе (как в IV - V), либо искажены (как в VI). I-я и III-я репродукции - одинаковы (в III-й одна выделенная реалия заменена другой).

Список пронумерованных предметов:

- I. 1) Облако. 2) Шлем. 3) Кольчуга. 4) Щит. 5) Сапог. 6) Плащ. 7) Топор. 8) Ветка. 9) Копье. 10) Ладья (сосуд).
- II. 1) Головной убор. 2) Уздечка. 3) Стремя. 4) Сбруя. 5) Плащ. 6) Кольчуга. 7) Меч (в ножнах). 8) Шлем. 9) Кафтан. 10) Сапог.
- III. Так же, как в I-й с 1 по 7. 8) Ладья. 9) Копье. 10) Гусли.
- IV. 1) Колесо (пушки). 2) Плащ. 3) Ядро. 4) Дубина. 5) Головной убор. 6) Наковальня. 7) Молоток. 8) Пряжка-брошь (на головном уборе). 9) Щит (в виде маски). 10) Щипцы.
- V. 1) Щит-герб. 2) Одежда. 3) Забрало. 4) Меч. 5) Латы. 6) Локтевая часть лат. 7) Деревья. 8) Скала. 9) Башня. 10) Часть неба.
- VI. 1) Рог (быка). 2) Волосы. 3) Глаза. 4) Хвост (лошади). 5) зуб (лошади). 6) Электрическая лампочка (свет). 7) Керосиновая лампа. 8) Рука. 9) Обломок кинжала. 10) Окно.

Французский перевод слов, обозначающих все эти реалии, как правило, не напоминает предложенные искусственные слова.

ЗАДАНИЕ: Каждому испытуемому предлагалось найти в репродукции два предмета из десяти, соответствующие двум написанным на карточке словам и поставить номера этих предметов напротив слов (в зависимости от характера картины, сообщалось, что слова взяты из древнемонгольского - для I - III, из галльского - для IV и V, из вымышленного языка - для VI). Таким образом, каждый испытуемый проанализировал 6 картин и приписал денотаты 12-ти словам. Время анализа каждой картины ограничивалось двумя минутами.

По нашему предположению, в каждой десятке реалий есть такие, которые по своему "коннотативному профилю" входят либо в семантическое пространство бифона BR-, либо в сферу BL-. Например, в I-й и III-й картинах Облако по признакам "светлый, округлый" скорее относится к семантическому пространству BL-; Кольчуга, Сапог, Плащ по признаку "оболочка" - так же к BL-; с другой стороны, Шлем ("заостренный"), Топор ("острый"), Ветка (сходство с рукой, фр. Branche) должны скорее попасть в область BR- лексики.

Таким образом, если предположение верно, то должна наблюдаться тенденция к предпочтению слов Bloukha и Blenouch для реалий первого ряда и Brafa, Broik - для второго.

Результаты эксперимента.

Проведя признаковый анализ двух противопоставленных списков денотатов, мы можем заключить, что предпочтение, отдаваемое той или иной номинативной форме, в целом, соответствует нашим теоретическим ожиданиям. Так, Сбруя (средство связывания), Кинжал ("острый" + "борьба" + "разрушение"), Гусли (звукоподражание щипковому инструменту), Ветка (метафорическое сходство с рукой), Рог ("острый" + "борьба"), Щипцы (сходство с рукой), Шлем ("острый"), Копье ("острый"), Пряжка-брошь (средство скрепления),

Топор ("острый" + "борьба" + "разрушение"), Деревья (см. Ветка), Башня ("заостренная"), Рука по своим коннотативным профилям соответствуют семантическому пространству бифона BR-.

Вызывает, однако, вопрос появление в этом ряду таких "несоответствующих", на наш взгляд, реалий, как Небо, Колесо, Кольчуга II, Головной убор IV, Щит, Волосы, Скала, Кафтан, Сапог. Думается, что в каждом отдельном случае нужно искать этому свои причины.

Небо, например, вопреки ожиданиям (предполагалась его связь с BL-формой: Bleu - "голубой"), получило большой перевес у сторонников BR-лексемы, по-видимому, из-за его темно-лазурного цвета на репродукции, во-вторых, под влиянием современного французского слова Bruine - "мелкий морозящий дождь" (ассоциация по смежности). Колесо ("круглый"), возможно вызвало звуковой образ (скрип), связываемый с бифоном BR-. Кольчуга II ("оболочка") могла попасть в список из-за неточности указания на денотат: стрелка захватывает вместе с кольчужой частью руки (Кольчуга I и III попали, как и ожидалось, в BL- ряд). Щит III мог получить предпочтительную BR-номинацию либо по цвету (красный - rouge), либо по смежности с "борьбой, сражением" (см. также ниже о влиянии символики гласных). Щит IV так же красно-коричневого цвета (brun-rouge). Номинация Волос BR- лексемой скорее всего обязана интерференции со словом Brosse - "щетка" (эта реалья была введена как случайная). На предпочтение BR-формы для Скалы повлияло, по-видимому, начальное R- в слове rocher - "скала", а также устойчивое представление о скале как об "остром". При именовании Головного убора IV словом Bresle испытуемые, видимо, исходили от противного: Bloste имеет ярко выраженную звукоподражательную специфику (ср. предпочтительную номинацию этим словом Молотка, Наковальни и Дубины на этой картине), поэтому выбор разрешался в пользу Bresle. Кафтан и Сапог получили преимущественно наименования Broudan - сказалось влияние созвучных в современном французском языке слов Broder - "вышивать ткань" (связь с признаком "острый") и Brodequin - "высокая, прочная обувь" (ср. присутствие тех же реалий в BL- ряду).

В ряду предметов, получивших преимущественно BL-наименования, оказалось большее количество, подтвердивших наши ожидания. Это объясняется, возможно, большей численностью предположительных BL-денотатов в картинах. В теоретически построенную семантическую сферу бифона BL- попали: Облако I, III ("светлый"), Сапог I, III ("оболочка"), Стремя ("замкнутое, полукруглое пространство"), Щит-герб ("часть оболочки" (ср. фр. blason - "герб")), Глаза ("полукруглый"), Плащ I - IV ("оболочка"), Ядро ("круглый"), Молоток (звукоподражательный аспект: "удар"), Кольчуга I, III ("оболочка"), Одежда ("оболочка"), Электрическая лампочка ("замкнутое полукруглое пространство"), Локтевая часть лат (см. Латы), Латы ("оболочка"), Дубина, Наковальня (звукоподражательный аспект; см.

Молоток), Головной убор II ("вид оболочки"), Щит I ("см. Щит-герб), Керосиновая лампа (см. Электрическая лампочка), Ладья ("полукруглый реципиент").

Неожиданным для нас явилось присутствие здесь с самым высоким коррелятивным значением реалии Меч II и с несколько меньшим на картине V: как острый предмет, оружие, он должен был бы присутствовать в BR-ряду, наравне с Кинжалом. Этот факт можно объяснить двояко. И на II-й и на V-й картинах меч находится в ножнах, и внимание испытуемых переключается с одного признака ("острый") на другой ("оболочка"). Возможна также интерференция с французским наименованием меча *glaive*, где начальный звукокомплекс напоминает BL-. Большинство испытуемых, связавших Зуб со словом *blups* (вопреки нашим ожиданиям), мотивировались либо цветом (белый), либо конечным -s, воспринятым как показатель множественного числа (ср. также Глаза). Хвост (*blups*), по-видимому, назван так по звукоподражательному аспекту (реалия входила в число "случайных"). То же можно предположить и в отношении реалии Топор I.

Несколько слов о влиянии символики гласных на выбор имени для денотата. Мы нарочито использовали две одинаковые картины I и III, поменяв варьирующую часть предлагаемых слов (*Brafa* - *Bloukha*; *Broik* - *Bloupouch*). И хотя по большей части тенденции номинации остались прежними, обнаружилось и некоторые изменения. Так, Облако I (*Bloukha*), получившее перевес всего в 1 %, значительно увеличивает свое коррелятивное значение (14 %) в связи со словом *Bloupouch*. Сказалось символическое значение сопряженных с BL-гласных: [u] воспринимается "тяжелее", чем [e], а значит труднее связывается с легким облаком. Аналогичное изменение происходит с именованнием Шлема (I - 1,1 %; III - 4,8 %). Из двух слов *Brafa* и *Broik*, второе больше подходит для этого денотата, т.к. содержит лабиальный [o], символизирующий "округлость" и [i], подчеркивающей "остроту". То же можно сказать и в отношении Щита. Слова *Bloukha* и *Broik*, которым отдавалось предпочтение при номинации, содержат "круглые" гласные [u] и [o], характеризующие форму денотата. По-видимому, реалия Топор, получившая противоположные коррелятивные значения, именовалась так же: с определяющей ролью гласных. Из двух пар гласных [a] - [u] и [o] - [e] выбор пал на [u] и [o], в большей степени символизирующих "тяжесть" денотата.

Выводы

Проведенное исследование позволило убедиться в содержании таких форм, как начальные консонантные бифоны. Теоретически

* Такой же эксперимент для сравнения был проведен с русскими испытуемыми, изучающими французский язык (80 человек возрастом от 17 до 30 лет). Полученные результаты свидетельствуют о сходном с франкоязычным восприятии бифонов BR- и BL-. Только в 20-ти случаях из 60-ти наблюдаются расхождения в коррелятивных

выведенные на основе французского вокабуляра взаимосвязанные поля, составляющие семантическое пространство бифона, в своем большинстве верифицируются при выборе информантами соответствующих форм для номинации объекта. В своем выборе носители языка руководствуются:

- 1) звукоизобразительными свойствами бифона, если денотат обладает звуковыми потенциями (звукоподражательная мотивация);
- 2) приближенным формальным сходством с известным словом или парадигмой слов, если они хоть отдаленно ассоциируются с означаемым денотата (лексико-семантическая мотивация);
- 3) символикой сопряженных с начальным бифоном гласных, которые могут усиливать или ослаблять "семантический вес" бифонов (особенно по отношению к таким параметрам денотата, как "вес", "высота", "освещенность" и т.п.) - (звукосимволическая мотивация);
- 4) интуитивным знанием семантических возможностей, или семантического пространства начального консонантного бифона (фоносемантическая мотивация).

2.3.4. Диахроническое описание семантики консонантного бифона.

Говоря об эволюционном развитии содержательного плана начального консонантного бифона, следует отталкиваться от факта генетической конгруэнтности формы и значения. Как указано выше, первоначальные значения были звукоизобразительными, т.е. звукоподражательными и звукосимволическими (последние включают звукожестовые и синестетические образования). Следовательно, при описании семантического пространства бифона прежде всего нужно обратить внимание на слова, обозначающие или коннотирующие звуковые проявления и/или отражающие синестемические соответствия. Именно эти лексемы, объединенные в лексико-семантическое поле, будут составлять генетическое ядро семантической системы. Остальные выделенные ЛСП, как мы покажем, окажутся связанными с ядром и друг с другом.

Для анализа удобнее взять более молодой период языка, во-первых, потому, что, по нашему наблюдению, чем ближе к языковым истокам, тем богаче звукоизобразительность, и, во-вторых, представляется возможность проследить динамику формально-семанти-

значениях с французскими испытуемыми (противоположный знак или нулевая корреляция). При этом русская BR- и BL-номинации даже в большей степени соответствуют гипотетическому семантическому пространству этих бифонов.

ческих преобразований от праязыка через промежуточный этап к современному состоянию. Предлагаемое описание касается материала старо-французского языка и лексем с начальным консонантным бифоном BR- (для сравнения с произведенным синхроническим анализом).

Ядерная лексико-семантическая группа представлена "шумовыми" терминами: *bruire* - "распространять шум, шуметь", его производными *bruit* - "шум; признание, слава; рев", *bruior* - "шум; шелест, шорох", *bruidif* - "шумный", *bruant* - "ураган", а также *braidir* - "ржать; кричать", *brailler* - "кричать", *braire* - "издавать крики; шуметь; петь", *bret (brait)* - "крик", *brie, brige* - "шум, сумятица, суматоха; спор, ссора с дракой", *brin, bri* - "шум, крик; сила; гордость, надменность", *brain* - "шум".

Обращает на себя внимание присутствие в словаре двух пар омонимов: *broin₁* - "шум" / *broin₂* - "туман" и *bruin₁* - "1) усилие в битве; 2) борьба, сражение, ссора; 3) беспорядок, замешательство" / *bruin₂* - "туман". Очевидно, что *bruin₂* это результат фонетического преобразования *broin₂* (ср. *broillas, bruillas* - "туман") и, соответственно, *bruin₁* таким же образом соотносится с *broin₁*, значение которого получает дальнейшее развитие. Другими словами, можно свести эти две пары к одной:

bruin₁ - "1) шум; 2) усилие в битве; 3) борьба, сражение, ссора; 4) беспорядок, замешательство" и

bruin₂ - "туман". Ассоциативная связь понятия "шум" с "усилием", "борьбой, ссорой" и "беспорядком" иллюстрируется, например, лексемами *brin, bri* - "шум, крик; сила" и *brie, brige* - "шум, сумятица; спор, ссора". Однако, аналогичную связь демонстрирует и понятие "туман" (ср. *bruiloz* - "туман; беспорядок; ссора"). Логично отсюда предположить родство понятий "шум" и "туман", сходных по признаку "беспорядочность" (ср. например, толкование "шума" как "беспорядочные звуковые колебания разной физической природы" [СЭС, с. 1520]; ср. также толкование лексем *bruin₁* и *bruiloz* через слово *trouble* - "беспорядок", имеющем в адъективной форме значение "мутный, пасмурный").

Очевидно, появление и существование на определенном этапе языка двух омонимов *bruin₁* - "шум" и *bruin₂* - "туман" можно объяснить актом синестезии, обеспечившей перенос из области слуховых ощущений в зрительные. В дальнейшем их сосуществова-

* Ассоциирование "тумана" с "беспорядочностью" свойственно для многих языков; ср. англ. *fog* - "туман; замешательство", др.евр. *gevel* - "пар; суета".

** Этимологию этих слов выяснить не удалось. Можно предположить, что оба они восходят к и.-в. корню *-bher-*, образовывавшему, в частности, звукоизобразительные слова со значениями "рычать, грохотать, гудеть, трещать" и "кипеть, бурлить". По всей вероятности, "туман" связывается этимологически с последним через промежуточное сближение с "паром".

ние станет невозможным, что приведет к отмиранию *bruin₁* и некоторому видоизменению значения *bruin₂* (совр. фр. *bruine* - "моросающий дождь"). Но проявление синестезии останется зафиксированным в языке через сохранение начального консонантного бифона BR- в лексемах со значением "шум" (*bruit*) и "туман" (*brouillard*).

Предполагается, что современное *brouillard* - "туман" берет свое начало от ст. фр. *brou* - "бульон", точнее, от второго его значения - "грязь" [Pic., с. 86]. Переход от одного значения к другому осуществляется через *broillier* - "мешать; пачкать". Родственные понятия "перемешанность" и "беспорядочность" воплощены в группе BR- лексем, сопровождаемая зачастую коннотацией отрицательной оценки: *broillas* - "беспорядок, возмущение; ссора", *brelle mesle (melle et brelle)* - "мешанина, беспорядок", *broi, brau, bray* - "грязь, тина, топь, распутище, мерзость", *broie* - "грязь", *brue* - "ручей; топь".

Бифон BR-, ассоциативно связываемый с признаком "беспорядочность", оказывается продуктивным в образовании перекликающихся понятий. Многозначность таких слов, как *brueil* - "1) лесосека, лес; 2) теснящаяся толпа", *brueille* - "внутренности", *brueille₂* - "лес", *broce, broisse* - "1) кусты; 2) густое растение; 3) пучок деревьев; 4) щетка; 5) олени рога; 6) компактное войско с теснящимися рядами", интегрируется значением "скопление", которое явно находится в одном ассоциативном ряду с "беспорядочностью". Кажется не случайным поэтому столь близкое фонетическое сходство между словами, означающими "лес" и "туман": *breuille (bruille, brulle, brule, broeil, broal, bruel)* - "лес"; *breuillas (brouillas, broillas, bruillas, breuillaz, brullaz)* - "туман".

Зафиксирован еще ряд слов, подпадающих под рубрику "лес", "лесная поросль, дерево": *bracon* - "ветвь; ветви", *branche* - "ветвь", *bronche* - "1) ствол, пень; 2) ветвь; 3) куст", *bruis, broiz* - "1) побеги клена; 2) узловатость", *bru₂* - "1) ствол дерева", *bru₃ (brui)* - "вереск". Их генетические истоки лежат в разных семантических областях. Группа *bronche, broce, broisse, bruis, broiz, bru₃, branche₂* восходит предположительно к и.е. *bher-* со значениями "резать; острый" [Pok; Bl, W; Gr; Макаев, с.82]. Слова *bru₂, broce₂, bruster (broster)* скорее всего берут начало от *bher₁* - "бурлить, кипеть", развившееся в *bhreus-* "вздуться, набухать" [Pok; Макаев, с.85]. Происхождение *bracon* и *branche* остается до конца не выясненным (только последнее получает определенную этимологическую интерпретацию, смыкаясь по значению с "рукой": *branche* < нар.лат. *branca* - "лапа" [Pic; Bl; W]; лат. *brachium* - "рука" > 1) *bras* - "рука"; 2) *branche* - "ветвь" [Grand., с. 25]).

* *Bruz*, по Греймасу, имеет неопределенное происхождение. Однако второе и третье значения этого слова ("бюст; женская грудь") позволяют предположить его родство с и.-е. *bhreus₃*.

Более подробное и точное этимологизирование перечисленной лексики требует, конечно, специального исследования. Для нас же существенным является тот факт, что разные по происхождению слова, эволюционируя в своем значении и модифицируясь формально, объединяются на определенной стадии языка в семантические группы, ассоциативно переплетающиеся друг с другом. В данном случае различные уровни представления объекта "лес" - как множества ("скопление") и как элементов этого множества ("лесная поросль, лес, дерево") - служат основанием пересечения с другими группами. Так, природная смежность реалий "дерево" и "огонь" отражена в формальной общности BR-слов, входящих в эти рубрики.

Этимологически слова с общим значением "жар, пламя" (*braise* - "жар, горящие угли", *brande* - "пламя, поlyphание", *brésil* - "жаровня", *bruir* - "сжигать, жарить", *brugner* - "сжигать; грабить", *brusler* - "сжигать") родственны и.е. *bhrug* - "жарить, варить" < *bher*₂ - "кипеть, бурлить" [Pok]. В этом свете они представляют собой формально и семантически устойчивую группу, и говорить об их смежности с лексикой класса "лесная поросль, дерево" казалось бы необоснованным. Тем не менее эта связь вскрывается на примере омонимов *brande*, "пламя, поlyphание" (от герм. *brand* - "головня") и *brande*₂ - "вереск" (от лат. *branda* - "вереск"; *brason* - "пламя, искра" и *brason*₂ (вариант *bracon*) - "ветка" [God, с. 724]. Примечательно также близкое сходство слов *brulance*, *brullee* - "горение" и *brulle* (*breuille*) - "лес", *bruliau* - "кустарник, хворост" [God, с. 746].

Устойчивость ассоциирования значений "жар" с бифоном BR-хорошо иллюстрируется на примере истории слова *brusler*. Наряду с ним в старо-французском языке существовал дублет *usler*, близкий по форме к латинскому этимону *ustulare* - "сжигать". Словари не дают однозначного толкования эволюции форм *brusler* от его латинского прародителя: одни авторы усматривают влияние глагола *bruire* "распространять шум" [Lex, с.238], другие восстанавливают форму **brustulare* в народной латыни, сложившуюся под влиянием франкского *brojan* - "обваривать кипятком" [Pic, с. 87]. Не претендуя на решение этой сложной проблемы, отметим только, что именно форма *brusler*, проделавшая витиеватый путь от своих истоков, сумела выжить (совр. фр. *brûler*), а *usler* кануло в Лету. Рассмотренный факт наводит на мысль о зависимости "жизнеспособности" слова от адекватности его формального выра-

* Ср. у Гиро: "Основным старинным значением *bruier* "сжигать" было "сжигать дерн, т.е. траву, кустарники". Такое же семантическое связывание "вереска" и "сжигания" скрыто в ст.фр. *brande* - "вереск" и *brandir* - "сжигать" [Guiraud, 1982, сс.164-165].

** Интересен также факт вытеснения глаголом *brusler* аналогичного по значению глагола *ardre* (в совр. языке сохранилась его причастная и субстантивная формы *ardent*, *ardeur*, употребляемые чаще в метафорическом значении) [Huguet, 1935, с.55].

жения своему значению* (ср. по этому поводу: [Kronasser, 1952, с.165; Ullmann, 1959, с. 81; Левицкий, 1973 сс.47-48]).

Приведенные выше слова группы "шум" в подавляющем большинстве характеризуются признаком "резкий, неприятный", что создает возможность появления созвучных слов с включенным в значение признаком "острый". В пределах BR-лексики это слова: *bran*₂ - "лезвие шпаги; большая шпага", *braquemart* - "короткая и широкая шпага", *broc*, *broche* - "1) острый предмет; 2) острое оружие; 3) игла ежа", *brocet* - "пика". Совмещение понятий "резкий шум" и "острый" происходит на основе аудио-тактильной синестезии и зафиксировано, например, в таких словосочетаниях, как *voix aigre* - "резкий, неприятный голос", *voix aiguë* - "пронзительный голос". Внутренняя форма слов "резкий", "пронзительный" отсылает к качеству "острый" (оба прилагательных *aigre*, *aigu* восходят к и.-е. *ak- "быть острым").

Для полноты картины следует добавить, что, судя по другим значениям слова *aigu* - "2) очень сильный; 3) активный, живой, храбрый", признак "острый" ассоциативно связывается с признаком "сильный" (тактильно-мускулаторная синестезия). Видимо, только этим можно объяснить у слов *brin*, *bri* - "1) шум, крик" второго и третьего значений "сила", "гордость, надменность", а у *bruin*₂ (омоним "туман") - "1) усилие в битве; 2) борьба, сражение".

На синестетическое сближение качеств "острота" и "малость" уже указывалось в экспериментальных психологических исследованиях [Peterfalvi, 1970]. Можно прокомментировать этот факт и с лингвистических позиций. Слова *pointe* - "острие" и *point* - "точка" происходят оба от лат. *pungere* - "уколоть". Помимо основного, *pointe* приобретает значение "малое количество" (*une pointe de qch*), зафиксированное в 1654 году. Второе же слово уже с XI века имеет в числе прочих также значение "малости", которое сопровождает его по сей день (совр. дефиниция: "определенное местоположение, имеющее очень маленькую поверхность или поверхность, не принимаемую во внимание"; ср. XVII-XVIII вв.: "несущественная, незаметная вещь; определенный момент, миг"). Следовательно, присутствие среди единиц слов, обозначающих "малость" (*bracole* - "маленький хлеб", *brahon* - "кусочек мяса", *briche*₂ - "1) форма хлеба; маленький кусочек", *brief*, - "1) короткий, краткий; 2) ближайший") нельзя считать

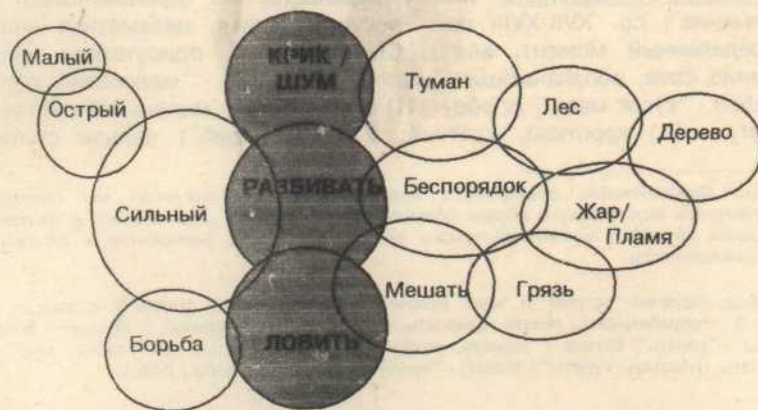
* Под адекватностью формального выражения своему значению мы понимаем соответствие акустического образа обозначаемому понятию, сложившееся в языковом сознании данного лингво-культурного ареала в процессе восприятия и отражения действительности.

** Связь значений "острый" и "шум" можно проследить уже на стадии и.-е. языка: ср. *bher* 3 - "обрабатывать, резать, царапать, колоть острым орудием" > *bheredh* - *bhrei* - *bhreue* - "резать"; *bhreus* - "ломать, разбить"; *bhreug* - "пасть, зев, глотка"; *bher* 4 - "рычать, грохотать, гудеть" > *bhered* - "ломать, трещать" (зв.подр.) [Pok].

случайным. Оно мотивировано тактильно-визуальной синестезией в психологическом плане и переносом формы (начального бифона) с переосмыслением значения в лингвистическом. Об устойчивости связи признаков "острый" и "малый" с формой BR- во французской языковой традиции красноречиво свидетельствует значительное пополнение этих фоносемантических групп за период с XIV века до современного этапа языка (группа "острый" - 16 BR- лексем против 4 в ст. фр.; группа "малый" - 19 против 4 в ст. фр.).

Тесно связанными с ядром, представленным шумовыми проявлениями, являются значения действия, сопровождаемые определенным звучанием. К таким действиям можно отнести: "разбивать, рвать" (*briser, bruiser*), "толочь, дробить, месить" (*broier₁*), "мешать, пачкать" (*broillier*). В основном все они сопричастны человеческой деятельности и особенно функциям руки. Так, глаголы, образованные от *broc, bras* - "рука", отражают различные аспекты этой деятельности: "1) махать руками; 2) отмеривать руками; 3) сжимать; 4) ткать; 5) обрабатывать" (*bracoier*); "1) двигать руками; 2) бороться; 3) пахать; 4) обнимать" (*bracier₁*). Сюда же можно отнести и значение "ловить", которое находит свое отражение в лексемах *breil, bril, brueil, bret₂, briche₁* - "1) ловушка для птиц; 2) ловушка" и переосмысливается по смежности со значениями "охотничья собака" (*brache, braque*) и "добыча" (*bruhier, brehier*). Таким образом, понятие "рука" так же, как и в синхроническом рассмотрении (см. выше), выступает как объединяющее начало всех этих значений, но генетически именно они являются первичными по отношению к "Руке", будучи звукоизобразительными по природе.

Итак, диахроническая модель семантического пространства начального консонантного бифона BR- характеризуется богатым звукоподражательным ядром с тесно взаимосвязанными производными значениями, что иллюстрируется следующей схемой:

Сравнив построенные семантические модели начального консонантного бифона BR- в синхроническом и диахроническом аспектах, мы обнаруживаем следующие закономерности:

1) Обе модели представляют собой семантическое пространство, образованное взаимосвязанными семантическими полями.

2) Структура семантического пространства современного французского бифона BR- претерпела в принципе небольшие изменения, по сравнению с семантической структурой старо-французского. То, что в первом определялось как ядро системы ("Рука" и семантические производные, извлекаемые из ее референтного потенциала - "Действия рукой/Деятельность"), в последней оказывается вторичным по отношению к звукоизобразительным значениям различных действий.

3) В современном французском языке бифон BR- не утратил своих исконных звукоизобразительных свойств, образуя лексико-семантическое поле "Шум/Крик" (10 лексем).

4) Современное состояние системы отличается тремя новыми полями: "Связывание", "Инструмент", смежные с "Рукой" и "Свечение" как свойство "Огня". В свою очередь, в процессе эволюции утерялось поле "Грязь" и значительно снизился лексический состав полей "Лес" и "Дерево", слившихся в общее "Сгораемые материалы".

5) По экспериментальным данным, бифон воспринимается подсознательно как знак. Означаемое, с которым он предположительно ассоциируется, является частью его семантического пространства и относится к звукоизобразительной сфере (т.е. мотивировано фонетической формой).

3. Механизм семиогенеза.

3.1. Звукоизобразительное значение - генетическое ядро языковой семантики.

Вся сумма знаний, достигнутых философией, психологией, семиотикой и лингвистикой, неизбежно приводит к выводу о первичности звукоизобразительности в процессе номинации. Артикулируемый звук, являясь отражением чувственно воспринимаемых явлений, представляет собой потенциальную знаковую единицу. От Платона до М. Граммона не прекращались попытки уловить определенные параллели между свойствами речевого звука и символизируемыми им понятиями. Для сравнения приведем толкования Платона, Ш. де Бросса, К. де Жеблена и М. Граммона.

Платон:

I	-	"Легкость; движение";
A, E	-	"Величина (большая)";
O	-	"Округлость";
T, D	-	"Твердость, стабильность (устойчивость)";
R	-	"Движение; дрожание; пролом (битье, ломание)";
S, PS, F, Z	-	"Дуновение, движение";
L	-	"Полирование; скольжение";
λ	-	"Липкость";
N	-	"То, что внутри".

Ш. де Бросс:

T	-	"Устойчивость";
K	-	"Пустота или полость";
N	-	"Жидкость";
R	-	"Грубость; движение";
S	-	"Шип, свист".

К. де Жеблен:

Лабиальные (P/B/M)	-	Исключительно детская артикуляция, "мягкость";
Дентальные (T/D)	-	"Твердость; шумность";
Лингвальные (R/L)	-	"Грубые и резкие движения"(R);
	-	"Мягкие и плавные движения" (L);
Гуттуральные (K/G)	-	"Глубокие и полные объекты";
Шипящие (S/Z)	-	"Свист, шип".

М. Граммон:

выделяет звукоподражательные ("импрессивная" фонетика) и синестетические ("экспрессивная" фонетика) функции:

ФОНЕМЫ	ИМПРЕССИВНАЯ ФОНЕТИКА	ЭКСПРЕССИВНАЯ ФОНЕТИКА
I, Y, E	Резкие(высокие), светлые, серебристые, жалобные звуки	Острота, угловатость, освещенность малость, легкость, быстрота, резвость, веселость, близость, направленность вверх, острота ума.
A, O, U	Звонкие, низкие, глубокие звуки	Округлость, большая величина, тяжесть, темнота, медлительность, удаленность, сила, низость
P/B/T/D/K/G	Сухие, твердые звуки	Твердость, плотность, агрессивность
M/N	Носовые, смягченные, грохочущие, продолжительные звуки	Вялость, мягкость, нежность
L	Водно-воздушные звуки	Жидкость, полирование, вялость
R	Звуки скрипа, кашля, бурления	Шероховатость, горечь, грубость, дрожание
F/V/W	Почти бесшумное дуновение	Вялость, мягкость
S/Z/Š/J	Звуки дуновения шипа жужжания	Бархатистость, полированность

Из иллюстрации видно, что далеко не все фонемы получают сходные толкования. Объединение фонем в артикуляторные типы также происходит на разных основаниях (ср. [S, PS, F, Z] у Платона, [S/Z] у Жеблена, [S/Z/Š/J] у Граммона, ср. также широкое объединение [P/B/T/D/K/G] у последнего). Среди общего числа фонем только дентальные [T/D] и лингвальные (R/L) получают более или менее близкую интерпретацию, не охватывая, однако, всех возможных аспектов их значений. Остальные же характеризуются по различным замеченным свойствам.

Попытаемся синтезировать имеющиеся наблюдения и добавить свои.

Гласные реализуют свои значения через оппозиции в традиционном вокалическом треугольнике: передний/задний ряд, верхний/нижний подъем, лабиальность/нелабиальность. Способ артикуляции [I], например, символизирует понятия: "высокий" (жестовый аспект: верхний подъем), "ближний" (жестовый аспект: передний ряд, т.е. близко от выхода звука), "малый" (жестовый аспект: узкий (малый)

"легкости", "веселости" - открываются через синестезию с "высоким", а "остроты", "угловатости" и "быстроты" - с "малым".

Гласный [а]: нижний подъем символизирует понятие "низкого"; средний или задний ряд как противоположные переднему - понятие "дальнего"; нижний подъем, большое расстояние между спинкой языка и небом - "большой". Понятия "тяжесть", "медлительность" синестетически связаны с "большим".

Фонемы [u], [o]: лабиальные - "округлость"; заднего ряда, далеко (глубоко) от выхода звука - "глубокий". Понятия "тяжелый" и "темный" - следствие синестезии с "глубоким".

Согласные.

Лабиальные взрывные [B/P]: лабиальность указывает на понятие "округлости" (особенно в сочетании с лабиальными гласными); взрывной характер согласных прекрасно передает звукоподражательное значение "взрыв", а сильное отталкивание губ друг от друга изображает "удар"; разновидностью взрыва может представляться "бульканье", или "кипение", в то время как раздувание щек перед выбросом воздуха способно символизировать нечто "объемное, раздутое". Кроме того, лабиальность осмысливается как аспект речевой деятельности и закрепляет за собой возможность изображения различных ее проявлений.

Щелевые зубно-губные [V/F]: благодаря щелевому способу выхода воздуха, создают звукоподражательный эффект "воздушной струи", который может развиваться в понятие "течения, протекания", "выхода" или "входа". Частичная лабиальность этих согласных дает им возможность замещать вышеописанные по некоторым изобразительным функциям, например, "речевая деятельность".

Лабиальный сонант [M]: свойство лабиальности снова способно к изображению "речевой и, шире, ротовой деятельности" и "удара" (см. [B/P]). С другой стороны, большая плавность и мягкость выведения воздуха фиксируют признак "мягкий" и его оценочного коррелята "приятный".

Дентальные [D/T]: образуемые отталкиванием языка от зубов, символически указывают на "твердость"; сами зубы представляются как "преграда", а последующий энергичный выход воздуха как "протыкание" преграды; звукоподражание коротким глухим шумам ("инстантам"); сильное напряжение, с которым произносятся эти звуки устанавливает ассоциацию с понятиями "напряжение" и "давление".

Фрикативные шумные [S/Z/Š/J]: звукоподражание длительным свистящим и шипящим шумам; от конкретного звукоподражания переходят к обозначению звука вообще; будучи по способу образования щелевыми, символизируют, соответственно, аспекты: "щель", или "проход, вход, выход", "узкий" (по величине прохода воздуха), "сильный" (по силе выхода), "быстрый" (по скорости выхода).

Латеральный сонант ("лингвальный", в терминологии Жеблена) [L]: справедливо связывается с "жидкостью" на основании характерного жеста языка как органа лизания и лакания; в свою очередь, "жидкость" создает возможность символизирования по таким свойствам, как "льющийся", "плавный, ровный, гладкий", "липкий", "скользящий", "легкий" и т.п.

Вибрант [R] ("лингвальный", по Жеблену): чрезвычайно широкие звукоподражательные возможности в изображении длительных дрожащих шумов ("континуантов"); колебательные движения языка изображают различные виды "дрожания, колебания"; одна из основных черт процесса колебания - многократное возвращение в первоначальное положение, т.е. "повторяемость, возвращение назад", что явилось одной из символических функций [R]; с другой стороны, дрожание очень напоминает катание языка по небу (ср. во фр. яз. R - roulant - "катающееся, раскатистое R) - отсюда возможность обозначать через него "вращательное, круговое движение" (что также смыкается с "повторяемостью") и далее "круглое" и "движение вообще"; энергичная артикуляция звука связывается со свойством "напряженность".

Заднеязычные [G/K]: образуясь соприкосновением задней части языка с мягким небом, т.е. у самой гортани, изображают "горловую деятельность" - глотание, голосовое звукоизвлечение, собственно гортань - и, абстрагируя, "звук вообще"; негативный аспект горловой деятельности - рвотный рефлекс - перерабатывается синестемически в презрительно-уничтожительное значение (как хорошо показано в цитируемой выше статье Р. Векотта).

Щелевой заднеязычный [H]: уже по названию совмещает в себе черты двух рассмотренных типов: [S/Z/Š/J] и [G/K]; соответственно, плодотворен в звукоподражаниях различных видов; так же может обозначать "щель", "проход, вход, выход", вместе с этим копируя "вдох-выдох", запечатлевать "дыхание".

Назальный [N]: звукоподражание протяжным "стонущим" звукам; собственно нос; по специфическим сокращениям мышц носа при выражении эмоции отворачивания развивается в символ отрицания; сонорность, или длительность тонового звучания в области носа переосмысливается как внутреннее звучание и приводит, соответственно, к символизации "внутреннего местонахождения".

Сводная таблица потенциальных значений фонем будет выглядеть следующим образом:

ФОНЕМЫ	ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ	АРТИКУЛЯЦИОННО-СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ	СИНЕСТЕТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
[I]	Высокие, резкие, тонкие, протяжные звуки	"Высокий", "ближний", "малый"	"Светлый", "легкий", "веселый", "острый", "угловатый", "быстрый"
[A]	Низкие, густые, протяжные звуки	"Низкий", "дальний", "большой"	"Тяжелый", "медлительный"
[O/U]	Завывающие звуки	"Округлый", "глубокий"	"Тяжелый", "темный"
[B/P]	Взрывные, быющие, булькающие звуки	"Удар", "объемное", "раздутое", "речевая деятельность"	"Круглое", "полное", "большое" и т.д.
[V/F]	Звук воздушной струи	"Речевая деятельность"	"Течение", "протекание", "выход", "вход"
[D/T]	Короткие глухие шумы (инстанты)	"Твердость", "преграда", "протыкание", "напряжение", "давление"	"Плотный", "густой"
[G/K]	Голосовые звуки, глотание, глухие низкие шумы	"Гортань", "горловая деятельность"	Презрительно-уничтожительное значение
[S/Z/Š/J]	Длительные свистящие шумы, звук вообще	"Щель", "проход", "вход", "выход", "узкий", "сильный", "быстрый"	"Диффузность", "дисперсность"
[R]	Длительные дрожащие шумы (континуанты)	"Дрожание", "колебание", "повторяемость", "вращение, круговое движение", "напряженность"	"Круглый", "движение вообще"
[L]		"Лакание", "лизание", "жидкость"	"Льющийся", "главный", "ровный", "гладкий", "липкий", "скользкий", "легкий"
[M]		"Речевая деятельность",	"Приятный"

		"ротовая деятельность", "удар", "мягкий"	
[N]	Протяжные "стонущие" звуки	"Носовая деятельность", "собственно нос", "внутреннее местонахождение"	"Отрицание"
[H]	Различные виды шумов	"Щель", "проход", "вход", "выход", "вдох-выдох"	"Дыхание"

Как видим, все членораздельные звуки участвуют в "закладке" семантической системы языка. При этом наблюдаются как индивидуальные, отличные от других, аспекты значения, так и пересекающиеся семантические функции. Первичные звукоизобразительные элементы смысла находятся в начальной стадии в тесном синкретичном единстве и, поэтому, не имеют четких ограничительных контуров. Однако, подобная синкретичность предоставляет широкие возможности для "перетекания" значений из одного в другое и создания новых понятийных структур.

Аналогичная тенденция замечена и у звукоизобразительных корней. Мы уже проследили за развитием одного из них (-раз-). Подобные же свидетельства представляет исследователь-семиолог А.М. Газов-Гинзберг в своей книге "Был ли язык изобразителен в своих истоках?" [Газов-Гинзберг, 1965]. Изучив запас прасемитских корней, автор приходит к выводу об их изначальной звукоизобразительной природе и выясняет пути их семантической эволюции. Примечательно сходство семантических функций семитских согласных в звукоизобразительных корнях с выделенными нами значениями индоевропейских согласных. Например, корень PWH/H - "дуть" - по своему консонантному составу соответствует общей идее "воздушного потока", потенциально присутствующей у рассмотренных нами лабиальных и щелевых (ср. также синонимичные семитские корни: FWH/FJH/NFH (H/H), имеющие, кроме того, значение "пахнуть"). Близкие по фонетической структуре корни проявляют развитие понятия "дуть" в такие значения, как "надуваться", "увеличиваться, возрастать", "становиться широким", "возвышаться". Арабский корень LBLB (подражание слизыванию) сравнивается автором с русским "хлепать" (ср. функцию [L] как символизирующую "лакание, лизание" и [B] как "губную деятельность" (= "жевание")), что иллюстрирует его параллельное семантическое расширение "жидкая пища" (ср. рус. "похлебка", "хлеб") (стр. 125).

К идее объединения звукоподражательных слов в группы, подобные этимологическим гнездам, приходит В.Скаличка, подчеркивая необходимость выделения "типа", т.е. обобщающего

морфологического инварианта возможных вокалических и консонантных чередований и индуцирующего своим базисным звукоизобразительным значением новые [Скаличка, 1967]. Автор рассматривает наиболее распространенный в венгерском языке тип *CAF*, в котором начальный звук *C*- может чередоваться с *CS*-, а последний согласный чередуется со всеми губными, кроме *M*. В свою очередь, гласный *A* способен чередоваться с *E*. Общность значения, которое определяется Скаличкой как "идти по грязи", показывают формы *caf*-, *cef*-, *csaf*-, *cap*-, *sapp*-, *cav*-, *cab*-. От этого исходного значения произрастают такие, как "крепкий шест" и "нравственная нечистоплотность". По мнению ученого, выделенное звукоподражательное значение типа *CAF* не является единственным, т.к. наряду с ним обнаруживается значение, присутствующее в целом ряде слов сходной формы - "звуки, производимые ртом". Однако эта многозначность базисной формы не смущает исследователя, который усматривает родственные отношения между всеми звукоподражательными словами.

Существует аналогичный опыт исследования семантического развития русского ономотопа *хлоп*, его вариантами *хлип*, *хлюп* и, шире, целой словообразовательной парадигмы с корневой консонантной структурой [Л-П/Б], описанный И.Н. Гореловым [Горелов, 1987, сс 106-119]. Обобщение материала привело автора к следующим выводам:

"Семантически все основы являются в основном (исходном) значении инстантами, имитирующими звук различной природы (*хлоп* - *хлоп* - *клеп*, *клеп* - *хлябь* - *хлеб* - *лоп* - *ляб* - *хлип* - *хлюп* - *ляп* - *люп*). В незвукоизобразительной функции группы обнаруживают производные со значением "ударить", "избивать" (*хлопнуть*, *наклепать*, *хлюбаснуть*, *ляпнуть*), "пустой болтовни, оговорки, ошибки" (*ляпнуть*, *наклепать*, *хлопоты*), "умственной неполноценности" (*клепок у него не хватает, как прихлопнутый*) и "падения" (*шленуться*)" (стр. 109).

Следует, однако, обратить внимание на то, что значения "ударить", "избивать", "пустая болтовня" и "падение" относятся ко все той же звукоизобразительной сфере, т.к. представляют собой действия, непременно сопровождаемые теми или иными звуками. Кроме того, объединение автором всех единиц под общим значением "изменение состояния" (стр. 110) кажется нам нецелесообразным, т.к. за столь объемным абстрактным понятием ускользают специфические взаимосвязи между семантическими микрополями и, следовательно, "стирается" сама структура макрополя как индивидуальное проявление. Безусловно интересным, тем не менее, представляется обращение И.Н. Горелова к сравнительному анализу аналогичных фонетических структур в немецком, английском и латинском языках. Результаты сравнения привели автора к выводу о почти тождественных фонетико-семантических образованиях на основе

ономатопа-инстанта и о "чрезвычайной продуктивности звукоподражательных основ в процессе словообразования и развития значений от "простейшего" сенсорного ощущения и представления к единицам, обозначающим абстрактные понятия, и к терминам научно-технической сферы" (стр. 115).

Вывод о фоносемантическом сходстве в различных языках подтверждается уже на анализе индоевропейских корней, среди которых большая часть составлена звукоизобразительными (хотя далеко не все авторы словарей это признают). Вот некоторые из них:

* **bha₁** - "говорить". Как видно из таблицы потенциальных значений звуков, лабиальный [b] может иметь символику "речевая деятельность", которая развивается в разных языках индоевропейской семьи в значения: "репутация" (гр. *phēmē* лат. *fama*), "ребенок" (лат. *infans*, букв. "не говорящий", фр. *enfant*), "отвратительный" (лат. *infandus, nefandus* букв. "неописуемый"), "судьба" (лат. *fatum*, фр. *fatal*, англ. *fate*, ит. *fato*, исп. *hado*), "признавать" (лат. *fateri, fassus*, откуда *profiteri* "учить" и *professio* "обещание; профессия"), "плохой" (фр. *mauvais* <- нар. лат. **malifatius*), "ложь" (англ. *fable*), "злой" (исп. *malvado*, ит. *malvagio*), наконец, "голос, речь" (гр. *phō-nē* откуда *симфония* и лингвистическая *фонема*);

* **bheid** - "рубить" (ср. "удар" как еще одна функция [b]): "кусок" (санскр. *bhittam*, гр. *phitros*), "щель, дыра" (лат. *fissura*, фр. *fissure*, англ. *vent*, исп. *fesso*), "кусать" (гот. *beitan*, англ. *bite*, нем. *beissen*), "змея" (ст. фр. *bisse*, ит. *biscia*), "горький" (англ. *bitter*, нем. *bitter*, синестезия с "острый"), "лодка, судно" (англ. *boat*, фр. *bateau*, исп. *batel*, ит. *batello*, нем. *Boot* <- "выдолбленное дерево").

* **sek** - "резать" ([s] - звукоподражание резкому тонкому звуку, ср. также значения "щель", "проход", "узкий", "сильный"); [k] - символизирует "остроту", ср. **ak* - "острый"); "делить" (лат. *secare*), откуда "насекомое" (лат. *insectum*, фр. *insecte*, исп. *insecto*, ит. *insetto*), "убирать (букв. срезать) урожай" (ст. фр. *seer, soier*, исп. *siega*), "серб" (англ. *sickle*, нем. *Sichel*), "ложный" (по-видимому, от "испортить" <- "резать") (англ. *scythe*, нем. *Sense*); другая семантическая линия идет от результативного аспекта "резать": "знак" (лат. *signum* - вначале метка, сделанная нарезкой; фр. *signe*, англ. *sign*, исп. *signo*, ит. *segno*); далее развитие идет уже от расширенного значения "знака": "печать" (фр. *sceau*, англ. *seal*, исп. *sello*, ит. *sigillo*, нем. *Siegel*), "указывать" (лат. *designare*, фр. *désigner*, исп. *designar*, ит. *designare*), "означать" (лат. *significare*, фр. *signifier*, англ. *signify*, исп. *significar*, ит. *significare*) и др. значения словообразовательного гнезда.

* **ten-** "натягивать, напрягать" (см. таблицу: дентальные - "напряжение"): лат. производные значения: "внимание", "бороться", "растягивать", "иметь намерение", "показывать", "предзнаменование", "чудовищность"; аналогичные значения в других языках. Вторая семантическая линия идет от "вытянутости" как результата натяжения:

"тонкий" (санскр. *tanuh*, лат. *tenuis* ст. фр. *tenve* фр. *tenu*, исп., ит. *tenuе*, англ. *thin*, нем *dunn*), "нежный" (лат. *tener*, фр. *tendre*, исп. *tierno*, ит. *tenero*, англ. *tender*). Третье направление исходит от значения "держат" как напряженного действия (лат. *tenere*, фр. *tenir*, исп. *tener*, ит. *tenere*). Отсюда производные значения: "поддерживать", "вязкий, цепкий, стойкий", "воздержанный", "содержать", "продолжительный", "занимать", "принадлежать".

Итак, звукоизобразительность дает неисчерпаемые возможности для образования любого типа значений, и это можно проследить на этимологическом материале. Единственное, что останавливает еще многих лингвистов сделать подобные выводы, это сохранившееся предубеждение против принципиальной мотивированности языкового знака.

3.2. Полисемия слова и поливалентность значения.

Диахроническое исследование эволюции значений указывает на то, что существует определенная система их взаимосвязей в историческом процессе познания. Слово, как биологический организм, проходит все канонические стадии развития внешней и внутренней структур: от рождения до смерти. Его форма, образованная на первичной стадии минимальной комбинацией двух "одухотворенных" единиц - звуков -, "нарабатывает" свое содержание через новые комбинации со звуками или такими же "новорожденными" словами и на "зрелом" этапе способно дать жизнь новому организму (см. **-раз- > образ-**), теряя постепенно свой автономный статус. Каждое новое значение при этом связывается отношениями родства с предыдущими, расширяя семантическую семью, и порождает, в свою очередь, все новые значения и семьи. Таким образом, складывается семантическая система языка, которую можно исследовать не только в диахронических позициях, но и в синхронии.

Одну из таких возможностей представляет полисемия, рассматриваемая как запечатленный в слове результат семантических преобразований. Через полисемию вскрываются основные закономерности всей семантической системы. Многозначная содержательная структура слова предстает в качестве фрагмента общей системы, который повторяется в других лексемах данного языка, а также в других языках, и который взаимосвязан с другими фрагментами семантической системы.

Рассмотрим уже известное нам слово БИТЬ и все возможные его значения:

1. Ударять, колотить, стучать;
2. Наносить удары, побои; избивать;

3. Наносить поражение, побеждать; одерживать верх;
4. Поражать, убивать выстрелом или ударом какого-либо оружия;
5. Стрелять //перен. Направлять свои действия против кого-либо; бичевать. //Достигать, поражать на какое-либо расстояние.
6. Дробить на мелкие части, размельчать. //Разбивать, раскалывать, уничтожая или приводя в негодность что-либо бьющееся.
7. Ударами производить звуки (стук, звон и т.п.). //Давать сигнал к чему-либо.
8. Издавать звуки, отбивая удары. //Издавать прерывистые звуки (о пении некоторых птиц).
9. Вытекать стремительной струей; выбиваться с силой.
10. Трясти, вызывать дрожь.
11. Изготавливать, делать что-либо особым образом (в некоторых ремеслах).

В возвратной форме находим еще два производных значения: "прилагать все силы к достижению чего-либо, трудиться через меру, добиваясь чего-либо" и "быть в ритмичном движении; пульсировать". В. Даль отмечает, что "в значении "самоуправщины" едва ли не из каждого слова можно образовать глагол, означающий "бить"; кроме известных ДУТЬ, ВАЛЯТЬ, ТАСКАТЬ, КАТАТЬ, ШЕЛУШИТЬ, УТЮЖИТЬ, например, от сущ. БУТЫЛКА, СТАКАН, КНИГА (отбутыливать, настаканить, накнижить); от гл. ХОДИТЬ, ГУЛЯТЬ, ПИСАТЬ (отходить кому-либо спину, нагулять кому-либо бока, исписать рожу).

Остальные производные демонстрируют дальнейшее расширение значения "бить": "бой, сражение" (*битва*), "клыки животного" (*бивень*), "битое стекло, посуда; бой, лом" (*битыш*), "род хлебного, сдобень, каравай, баба" (*битень*), "бич, кнут, плеть" (*битень*), "битый булыжник, щепень" (*битон*).

Все значения, как в пределах самого слова, так и в его производных взаимосвязаны между собой. Генетически первичным следует считать звукоизобразительные значения NN 7, 8, и 9. Остальные являются развитием первичных, фокусируясь на самом действии, на результате действия, на характере действия, на инструменте действия или на деятеле и на объекте действия. Эвфемистические варианты типа ДУТЬ, ВАЛЯТЬ, ХОДИТЬ, ГУЛЯТЬ, ПИСАТЬ, БУТЫЛКА, СТАКАН, КНИГА и т.д. способны реализовать значение "бить" на основе либо своего референтного потенциала (например, ДУТЬ - "выпускать изо рта сильную струю воздуха" ср. с N 9 у БИТЬ - "вытекать стремительной струей; выбиваться с силой"; ВАЛЯТЬ - "бросать, толкать, бить, ворочая, поворачивая и опрокидывая с боку на бок"), либо звуковой структуры корня, напоминающей слова со значением или коннотацией "бить" (БУТЫЛКА [Б/Т] - БИТЬ, СТАКАН [С/Т] - СТУКНУТЬ, КНИГА [К/Н] - КНУТ).

Будучи центром порождения многозначности одного слова или корня, значение "бить" выступает в качестве звена в полисемических цепочках других слов, пересекаясь с ними отдельными звеньями своей семантической цепи. Для примера можно привести глагол ТРЕСКАТЬ и его производные:

- "1) Жрать, жадно поедать, лопать, уписывать.
2) Бить, колотить."

ТРЕСКАТЬСЯ:

- "3) Лопаться, рваться, давать щели.
4) Удариться, ушибиться; упасть.
5) Щепить, колоть, драть (ТРЕЩЕНИТЬ)"

ТРЕЩАТЬ:

- "6) Издавать треск.
7) Резко болтать, тараторить."

ТРЕСНУТЬ:

- "8) Образовать трещину.
9) Потерпеть полную неудачу, крах; лопнуть."

Заметна звукоизобразительная специфика фонетической структуры корня ТРЕС-/Щ-, которая эксплицитно проявляется в его значениях. Именно шумовая сторона означаемого предоставляет возможность сближения или пересечения двух полисемических цепочек. Таким образом, значение "бить" имеет потенциальную способность образовывать связи с рядом других, относящихся к разнообразным понятийным областям. Мы называем эту способность **поливалентностью значения**, в отличие от полисемии, которая является только одной, центральной, из таких цепочек и определяется как многозначность формы. Термин "поливалентность значения" определенным образом соотносится с "референтным потенциалом" в понимании В.Н.Телия (ср.: "Значение (...) обладает референтным потенциалом, т.е. способностью указания на мир, неся определенную информацию о нем, и способностью приспособления к все новым свойствам, вычленимым сознанием во внеязыковом ряду" [Телия, 1981, с. 105]). Различие заключается в том, что "поливалентность" понимается шире, охватывая *все существующие в словаре данного языка семантические пересечения*, и выводится из зафиксированных в словаре полисемических цепочек.

Методом сплошного сканирования "Толкового живого великорусского языка" В. Даля, "Словаря старофранцузского языка" А.Греймаса и "Китайско-русского словаря" (под ред. Б.Г. Мудрова) нам удалось получить сравнительную картину валентностей значения "бить" в этих языках.

"БИТЬ"

Русский	Старофранцузский	Китайский
1. Колотить, Ударять, Стучать, Разбивать, Паралич, Синяк, Чеканить, Хлестать, Кнут, Хлопать, Щелкать.	Колотить, Ударять, Стучать, Разбивать	Колотить, Ударять, Стучать, Разбивать.
2. Молотить, Молоть, Мельчить Дробить, Зернить, Толочь, Забивать, Молоток, Гвоздь, Ломать, Осколки, Остатки, Брызги, Камень, Кулак, Палка, Дубина, Хлопоты, Суета, Пустое Ничто.	Молотить, Мельница, Молоток, Прикреплять, Ломать, Дубина.	Молотить, Забивать, Дробить.
3. Стрелять, Поражать, Убивать, Метить, Попадать, Опрокидывать, Падать, Погибнуть, Смерть, Конец, Уничтожать, Ранить, Огорчать, Промах, Неудача, Ошибаться, Плохо себя вести, Воин.	Оружие, Вооружать, Целиться, Достигать, Опрокидывать, Зацепить, Ранить, Падать, Конец, Указывать, Направляться, Приписывать, Плохо обращаться, Крюк, Гребень, Край, Гнуть, Костыль, Посох, Поддержка, Доспехи, Украшать.	
4. Толкать, Катать, Бодать, Лоб, Толкаться, Толпа, Драться, Ссориться, Вражда, Битва, Ругать/ся, Шуметь, Метаться, Шататься, Слоняться, Встречать, Найти, Много, Копить, Приобретать.	Толкать, Шум, Суматоха, Ссора, Сражаться, Спорить, Турнир, Толпа, Войско, Количество, Сумма, Много, Собрание, Расти, Пупок, Сталкиваться, Встречать.	Драться, Сражаться, Собирать, Партия (товара), Получать, Покупать, Играть.
5. Колоть, Острый, Дыра, Ткнуть, Совать, Клевать, Клюв, Прятать/ся, Засорять, Учить.	Колоть, Протыкать, Насквозь, Всовывать, Острие, Вершина, Пучок, Ставить, Огораживать, Баррикада.	Изучать.

6. Резать, Ряд, Полоса, Борозда Черта, Порядок, Резня, Пахать, Делить, Рубить, Раз, Тяпать, Чесать, Скрести, Тереть, Царапать, Рвать, Раздирать, Сдирать, Трепать, Грабить, Хватать, Отнимать, Красть, Кусать, Дергать, Таскать, Дразнить, Докучать, Зудеть, Растянуть, Разрозненный, Рожать, Похожий, Стель.

7. Топтать, Тропа, Дорога, Грязь Пачкать, Стопа, Идти, Убегать, Спотыкаться, Мять, Сплющивать, Лепешка, Давить, Трогать Касаться, Жать, Близиться, Жмуриться, Угнетать, Мучить/ся, Стирать, Утюжить, Побеждать, Сильный, Барин, Наказывать, Оскорблять, Обижать, Установить, Ставить, Твердый, Усталый, Лежать, Страдать, Работать, Терять, Приходить в упадок, Тосковать.

8. Бросать/ся, Нападать, Домогаться, Приступать, Прогонять, Мотать, Расточать, Разорять, Опустошать, Смелый, Дерзкий, Решительный, Ловкий, Быстрый, Сорванец.

9. Трясти, Дрожать, Беспокойный, Неровный, Трель, Ухаб, Махать, Качать, Колебать, Шевелить, Перемешивать,

Резать, Резня, Рубить, Раз, Кусок, Делить, Мера, Рвать, Боронить, Дразнить, Щекотать, Тереть, Чистить, Мести, Ловушка, Ловкий, Хитрый, Исправлять, Обольщать, Негодяй, Решать, Способный, Трудная ситуация, Пылкий, Спешить.

Давить, Подавлять, Трамбовать, Массировать, Трогать, Касаться, Пробовать, Пытаться, Посещать, Приближать, Усилие, Тянуть, Тощий, Несчастье, Сила, Могущество, Главный, Важный, Совершенно, Чрезвычайно, Управлять, Слава, Назначать, Снабжать, Платить, Ставить, Клеймить, Обрушиваться, Осуждать, Выражать чувство.

Бросать/ся, Нападать, Вредить, Прыгать, Сопrotивляться, Защищать, Освободить, Вступать, Шок, Порыв, Обстоятельство.

Трясти, Колыхать, Перемешивать, Помешать, Волнение, Развлекать.

Рвать, Срезать, Обломки, Грабить, Пытать, Ловить, Охотиться.

Сила, Могущество, Утвердить, Обвинять, Гнев, Вымогать, Шантажировать, Трогать, Касаться, Держать, Нести, Действовать, Продумывать, Упорядочивать, Изготавливать.

Бросаться, Нападать.

Трясти, Мямлить, Возбуждать, Воодушевлять.

Мутить, Спутать, Испортить, Шелушить, Болтать, Бормотать, Ворчать, Пустословить, Лгать, Говорить, Мямлить, Жевать, Чавкать, Жрать, Лизать, Рот, Губа, Дуть, Свистеть, Лопатся, Пахнуть.

10. Греть, Бренчать, Звонить, Кричать, Тревога, Гром, Шум, Бубен, Решето, Трещать, Трескаться, Щепка, Жарить, Хохотать, Икать, Глупый, Упрямый.	Звонить, Гроза, Ураган.	Гром, Греть, Барабан.
---	-------------------------	-----------------------

Как видим, значение "бить" в русском языке обладает очень богатой валентностью (около 200 значений). Думается, что в старофранцузском и китайском языках, она не меньше: для более полного ее выяснения требуется такой же объемный материал, как 4-томный словарь В. Даля. Однако, уже на проанализированном материале наблюдаются качественные параллели двух последних языков с русским. И это особенно важно для обоснования универсальности путей семантического развития. Общий массив значений очень условно поделен на 10 рубрик по степени семантической близости. Однако, объективным и наглядным было бы составление карты с линиями взаимодействия значений, т.к. многие из них равно смежны с рядом других, будучи сами по себе поливалентными.

Полученные нами в результате синхронического анализа свидетельства семантических валентностей значения "бить" находят свое подтверждение и через сравнительно-этимологическое исследование, осуществленное М.М. Маковским. Так, ученый выводит следующие семантические переходы значений "бить" и "резать" (рассматриваемые нами условно как одно значение "бить" с точки зрения их генетической нерасчлененности): "кожа", "тело", "гореть", "жечь", "движение", "дотрагиваться", "брат", "вытягивать", "пробовать", "ощущать на вкус", "жидкость", "вода", "хороший", "подходящий", "краска", "цвет", "сумма денег", "ценность", "вершина", "макушка", "светить", "греть", "увеличивать", "множить", "широкий", "длинный", "двигаться вперед", "прокладывать путь", "распространяться", "женщина", "рожать", "кричать", "быстрый", "гордый", "сильный", "испытывать влечение к кому-либо", "любить", "палка", "дубина", "одежда", "менять", "комок", "шар", "издавать звуки", "превращать в жидкую массу", "грязь" и др. [Маковский, 1988, сс 73-81]. Подобная схожесть результатов доказывает высказанную М.М. Маковским

мысль: "Непосредственно наблюдаемые в языке элементы, в частности, лексемы (материальные сущности) и их значения, в большинстве своем не являются феноменами *primum datum*, а есть следствие или результат цепочки наслаивавшихся друг на друга процессов взаимодействия этих элементов" (с. 72-73).

Выбрав термин "поливалентность значения" как его потенциальное свойство, мы предлагаем ввести термин "семантическое гнездо", по аналогии со словообразовательным гнездом, как результатом морфосемантической производности от определенной основы. **Семантическое гнездо** - это результат семантической производности от исходных значений (постулируемых как звукоизобразительные), наблюдающейся в различных полисемических цепочках родственных и неродственных лексем и основывающейся на поливалентности значений. В данном конкретном случае, приведенная таблица значений и представляет собой семантическое гнездо значения "бить".

3.3. Омонимия и фоносемантическое родство.

Понятие омонимии - один из наиболее спорных вопросов в лингвистической науке. Существование в языке двух или более идентичных форм с их совершенно различными значениями, вынуждает одних исследователей считать эти формы разными словами, имеющими различные генетические корни и собственные эволюционные пути, которые на определенном этапе языка привели к случайному формальному тождеству. Другие считают, что омонимия представляет собой дальнейшее развитие полисемии, когда производное значение отдаляется от исходного настолько, что теряется из виду их семантическая связь. В этом аспекте развивается тезис об асимметрии языкового знака как о главной закономерности языка: "... Омонимия отнюдь не обязана своим происхождением случайному совпадению в синхронии некогда различных слов, а представляет собой результат процесса своеобразного "выравнивания" формы, направленного на создание особого комбинаторного языкового уклада, т.е. особой таксономии, основной организующий принцип которой - формальная общность входящих в нее элементов при "свободном" значении. Противоположным комбинаторным укладом является синонимия, организующий принцип которой - "свободная" форма при близости значения" [Маковский, 1988, с. 92]. Третьи обращают свое внимание на факты народной этимологии с ее тенденцией к отождествлению двух похожих форм (паронимическая аттракция) и, как следствие, образование омонимов. При этом доминирующим, или оказывающим деформирующее влияние, является более известное слово, поддерживаемое более

мощной семьей слов, а подчиненным оказывается более слабое, изолированное и малоупотребимое слово.

С позиции фоносемантики можно взглянуть на проблему омонимии несколько по-иному. Исходя из тезиса о членораздельном звуке как о двусторонней виртуальной единице, напрашивается следующее рассуждение. Пускай один из звуков (X), составляющий двухфонемный архаичный корень, обладает потенциальными звукоизобразительными значениями A, B, C, а другой звук (Y) - значениями D, E, F. Формальное сочетание X-Y тогда может принимать различные амальгамированные значения, результирующие из той или иной комбинации: A-D, A-E, A-F, B-D, B-E, B-F и т.д. При этом каждое новое полученное значение отнюдь не является арифметической суммой двух слагаемых: сохраняя свойства составляющих его значений, оно приобретает новое качество, отличное от предыдущих (A+D=G; A+E=H и т.д.). Исчерпав свои семантические возможности, форма X-Y присоединяет новые элементы и тем самым продолжает развитие значений G, H, I и т.п. Омонимия может появиться уже на первичных этапах смыслообразования формы X-Y, когда различные комбинации различных звукоизобразительных аспектов дают совершенно отдаленные друг от друга значения. Такое же расщепление значений ядерной формы может произойти и на более поздних этапах в процессе порождения незвукоизобразительных значений.

Так, например, в русском языке *Коса*₁ ("волосы") и *Коса*₂ ("инструмент для срезания травы") восходят предположительно к различным этимонам: первое берет свое семантическое начало от "чесать", "скрести", второе - от "резать". Обе разновидности значений принадлежат к звукоизобразительным аспектам формы [К-С] и получили параллельное фоносемантическое развитие. Если согласиться с гипотезой о происхождении обоих омонимов от *Косой* (что, например, находит частичное косвенное подтверждение в старофранцузском языке: *fors* - 1) "скрученный"; 2) "кривой, косой"; сущ. 3) "коса (женск.)", то следует предположить их семантическое отдаление на более позднем этапе, т.к. понятие "кривой, косой" является само производным от звукоизобразительных значений: < "гнуть" < "резать", "бить". Так или иначе *Коса*₂ представляется более приближенной к исходной звукоизобразительной семантике формы [К-С] (хотя бы по факту существования диал. *Косать* - "бить, наказывать"), а *Коса*₁ находится с предыдущим в фоносемантическом родстве либо по первичным изобразительным свойствам самих составляющих звуков, либо как следствие семантического развития сложившегося фоносемантического единства основы КОС-, либо, наконец, как результат более позднего переосмысления слова *Коса*₂ по сходству формы (ср. также возможную аналогию с песчаной *косой*).

Подавляющее большинство омонимов представляют собой результат семантической разработки формы и действительно могут

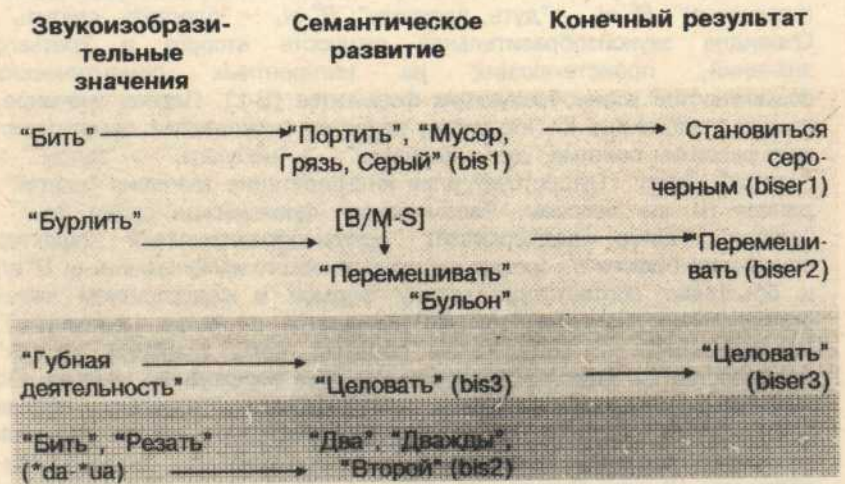
рассматриваться как разновидность полисемии данной формы. Даже на синхроническом уровне очевидна семантическая связь между значениями предполагаемых омонимов. Французские *Balle₁* - "1) Мяч; 2) Пуля", *Balle₂* - "1) Сверток; 2) Лицо"; II фам. франк., *Balle₃* - "Оболочка зерновых культур", имеющие гипотетически различное происхождение, характеризуются тем не менее общим для всех значений семантическим признаком "круглый", который задается самой звукоизобразительной потенцией лабиального [B]. Английские *Chink₁* - "1) Звон; 2) Сильный резкий удар; 3) шотл. разг. Деньги, звонкая монета" и *Chink₂* - "сленг. Тюрьма, камера" демонстрируют развитие звукоподражательного значения в предметно-понятийное: "звон" -> "деньги, монеты", "звон (звук зашелкивающейся двери)" -> "тюрьма". Семантические сдвиги "круглый" -> "полный" и "круглый" -> "оболочка" наблюдаются на примере немецких омонимов *Reif₁* - "обруч, обод", *Reif₂* - "иней" и *reif* - "спелый, зрелый".

Русские омонимы *Икра₁* (рыбная), *Икра₂* (ноги) и *Икра₃* (диал. "льдина"), не получившие однозначной этимологической интерпретации и кажущиеся при первом приближении совершенно несовместимыми семантически, оказываются в фоносемантическом родстве, во-первых, на основании сходства по форме между первым и вторым объектами (имеется в виду характерная миндалевидная, т.е. утолщающаяся форма икринной оболочки и части ноги), во-вторых, как результат семантического развития "набухать, утолщаться" -> "большой", "глыба" (для третьего объекта).

К числу наиболее сложных для интерпретации омонимов относятся слова с "размытой" или недостаточно глубокой этимологией. Таков, например, случай французских глаголомонимов *biser₁* - "становиться серо-черным (о портящемся зерне)", *biser₂* - "перекрашивать", *biser₃* - "поцеловать". Первый образован от прилагательного *bis₁* - "серо-коричневый (в особенности о хлебе)", второй - от *bis₂* - "дважды", третий - диалектальное образование от существительного *bise* - "поцелуй". Последний, по характеру семантики, с одной стороны, и соответствующему инициальному лабиальному, способному изображать губную деятельность, с другой, наиболее прочно связан со звукоизобразительным этапом словообразования. *Bis₂*, заимствованный из латыни, восходит к и.-е. *dwī*, *diwo* - "число два", дальнейшее этимологизирование которого затруднено. Однако нам представляется вполне правдоподобной интерпретация М.М. Маковского, видящего в этом слове амальгаму двух древнейших корней **da*- "делить", "резать" и **ua*- "бить", что логично возводит лексему к звукоизобразительным истокам. Понятие "серо-коричневый" так же, как и "серо-черный", не способно само по себе найти адекватное выражение в звуковой семантике; следовательно, необходимо восстановить семантическую цепочку, связывающую его с каким-либо звукоизобразительным значением. Ключ к разгадке находим уже в самом толковании слова *biser₁*,

содержащем семантический компонент "портящийся". Согласно установленной нами тенденции семантического развития, значение "портить" проистекает из звукоизобразительного "бить" и порождает, в свою очередь, значения "мусор", "грязь", коннотирующие понятие "серого цвета". Тем не менее это не единственная возможная линия. В старофранцузском языке зафиксирована семантическая цепочка: "перемешивать" - "ссориться" - "драться" - "бульон" - "серый" (основа *mesl*). В формальном отношении основа может рассматриваться как вариант *bis*, отличающийся от последнего типом лабиального и чередованием гласного (< лат. *miscere*). Значения "бульон" и "перемешивать", с которыми тесно связано значение "серый", зачастую берут свое начало от звукоподражательного "кипеть, бурлить", передаваемого лабиальными фонемами.

Таким образом, перед нами разворачивается целый комплекс изобразительных аспектов фонемы или фонемотипа, порождающий расходящиеся семантические линии, вплоть до потери очевидной связи между ними:

Различное происхождение отдельных омонимов не мешает им находиться в изначальном фоносемантическом родстве, обязанном общему звукоизобразительному признаку. Французские лексемы *berge₁* (< нар. лат. **barica*, галльск. происх.) "1) Возвышающийся берег; 2) Возвышающийся край дороги, обочины" и *berge₂* арг. "год" (цыганского происх.) можно квалифицировать как родственные на основании семантического анализа их формы. Корневые

составляющие [В-Р] обладают в числе прочих звукоизобразительных свойств признаками "надуваться" (лабиальный) и "вращаться" (дрожящий). Первый получает свое развитие в семантической цепочке "надуваться" -> "возвышаться", второй - "вращаться" -> "круг" -> "год" (семантическая связь "круг" - "год" прослеживается, например, в лат. паронимах *apus - annus*, откуда фр. *anneau* "кольцо" - *année* "год"; в китайском зафиксирована полисемическая цепочка "оборот" - "круг" - "цикл" - "полный" - "год" (*zhou*); ср. также рус. словосочетание *круглый год* (то же в англ. *the year round* и нем. *ein rundes Jahr*). К тому же значение "год" могло образоваться и от базового "надуваться" через звенья "полный" - "круглый", что снова свидетельствует о фоносемантическом родстве омонимов.

Аналогичной интерпретации могут быть подвергнуты и реконструированные омонимичные корни индоевропейского языка, порождающие широкую сеть форм и значений, запечатленных в различных ветвях этой семьи на различных стадиях языкового развития. Среди многочисленных корней омонимичной структуры рассмотрим группу $B^h el$, представленную следующими, на первый взгляд несвязанными значениями:

$B^h el_1$ - "лист", "цветок"; $B^h el_2$ - "идея звука (преимущественно голосового)"; $B^h el_3$ - "дуть, надувать"; $B^h el_4$ - "блестеть, светить". Очевидна звукоизобразительная сущность второго и третьего значений, проистекающих из ингерентных семантических возможностей корнеобразующих формантов [В-Л]. Первое значение, по предположению Ю.Покорного, является результатом семантического развития понятия "дуть, надувать": -> "набухать" -> "бутон" -> "цветок", "лист". Существует иная интерпретация значения "цветок", данная Ш. де Броссом. Рассматривая французское слово *fleur* - "цветок", автор подчеркивает звукоизобразительный характер начального бифона *fl* - (результат фонетического изменения и.е. $B^h el$) и объясняет соответствие между формой и содержанием через описательное значение "то, что колышется от ветра (дуновения)" [Genette, 1972, с. 380]. Таким образом, само значение "цветок" предполагается звукоизобразительным, без переходных звеньев. По нашему мнению, трактовка Ю.Покорного выглядит более реалистичной, т.к. она соответствует характерной линии развития значения "надувать". Кроме того, если согласиться с этимологизированием Ш. де Бросса, то следует продолжить неограниченное количество звукоизобразительных значений, в то время как это противоречит действительности: именно из небольшого круга звукоизобразительных значений образуется бесчисленное множество существующих значений.

Предполагая существование семантической связи между первым и третьим корнем, этимологи, однако, не видят какого-либо родства звукоизобразительных корней с $B^h el_4$ - "блестеть, светить". Тем не менее, такая связь есть. Понятие "шум", выражаемое корнем $B^h el_2$,

имеет способность к различным синестетическим сближениям с незвучащими явлениями (вспомним семантическую связь "шум" - "туман" в старофранцузском языке), среди которых - признак "блестящий". Подтверждение этому факту находим в полисемической цепочке старофранцузского слова *fremir*: "шуметь" - "раздаваться" - "дрожать" - "колыхаться" - "блестящий" - "гибкий" - "глаженный". По всей вероятности, подобное сближение возникает на основании аналогии распространения звукового со световым, или уже на уровне сенсорных анализаторов - восприятие световых колебаний как звуковых.

Итак, все четыре омонимичных корня находятся в отношениях фоносемантического родства, где второе и третье значения являются звукоизобразительными, т.е. исходными, а первое и четвертое - производными от них. Аналогичный анализ может быть приложен к большинству подобных омонимичных индоевропейских корней хотя бы с одним зафиксированным звукоизобразительным значением, и результатом окажется расширение последнего и установление семантических связей со значениями, на первый взгляд несовместимыми с ним. Существование в этимологических словарях корней, не имеющих ни одного вида звукоизобразительности, свидетельствует о неполном "погружении" в их семантические истоки и требует дальнейшего исследования формы и содержания.

3.4. Процесс познания и классифицирование.

Как известно, важнейшим отличием человека от остальных представителей животного мира является сознание, тесно связанное с типичной для человека деятельностью - языком. Разумеется, можно говорить и о языке животных как о передаче определенных сигналов с какой-либо целью, но главная разграничительная черта между этими двумя типами языков заключается не только в различии выразительных средств, но скорее в различии функций, обуславливающих появление и существование характерных способов выражения. Формулируя обобщенно, основная функция животного языка - выражение внутреннего состояния, намерения, потребности и т.п., в то время как человеческого - изображение объектов, явлений, состояний внутреннего и внешнего порядка. Именно изображение является начальной формой осмысления действительности и реализует когнитивную функцию языка. Что касается выражения, то эта функция свойственна любому языку и входит в более широкую коммуникативную функцию.

Осмыслить действительность, значит упорядочить в своем представлении элементы этой действительности, установить отношения, существующие между вещами, явлениями, процессами. Точкой отсчета в этой деятельности является сам человек, использующий в

качестве критерия оценки собственные ощущения и утилитарные функции осваиваемых реалий. Язык в этой связи выполняет уникальную роль посредника между субъектом и объектами внешней данности, с одной стороны, и инструментом категоризации, с другой.

Процесс категоризации основывается на установлении тождественных и различительных сторон сравниваемых предметов и, как следствие, создании некоторого идеального множества элементов, объединенных определенным признаком, который, в свою очередь, отличает данное множество от остальных. В дальнейшем происходит более тонкая филиация элементов полученного множества на основании тождества и различия по новым вычлененным признакам и, соответственно, образование подмножеств, различающихся между собой вторичными признаками, и т.д. Как мы уже отмечали, звукоизобразительные свойства языка послужили мощным толчком для создания первичных иконических знаков, которые и положили основу развития номинации, став генерализирующими именами продуцируемых классов. Реалии окружающей действительности осмысливаются с точки зрения их доминирующих признаков и вводятся в тот или иной идеальный класс, характеризующийся сходными признаками. Вместе с этим реалии получают и имя класса, членами которого они становятся. Для иллюстрации достаточно привести примеры из различных областей научного знания, оперирующего аналогичными процессами: классы млекопитающих, водоплавающих, насекомых в биологии, типы материи (твердые, жидкие, газообразные тела) в физике, социальные классы в социологии, категории вида, залога и т.д. в грамматике, типы фонем в фонологии и т.п.

Тенденция к классифицированию проявляется уже на ранних стадиях онтогенеза и находит свое проявление в феномене сверхгенерализации, когда под одним словом объединяется целый ряд предметов, характеризующихся каким-то общим, самым значимым для ребенка признаком. Так, например, Е.В. Кларк приводит целый перечень примеров сверхгенерализации у англоязычных детей возрастом от одного до двух с половиной лет, в котором слово *moon* "луна", переименованное ребенком на *mooi*, вбирает в себя такие различные значения, как "печенье", "круглые следы на оконном стекле", "надписи на окне или в книге", "тисненый узор на кожаном переплете книг", "круглые почтовые марки", "буква О", т.е. имеет сверхгенерализирующее значение "круглый" (что к тому же соответствует звукоизобразительному свойству лабиальных [m] и [u]). Звукоподражательное детское слово *ticktock*, обозначающее первоначально "часы", распространяется и на "газовый счетчик", и на "пожарный шланг, намотанный на барабан", и на "напольные весы с круглой шкалой". Нетрудно заметить, как от звукоподражания предмету, имеющему признак "круглый" (циферблат), ребенок пользуется уже готовым звуковым символом для обозначения целой серии

круглых предметов, не имеющих уже звукового признака [Кларк, 1984, с.230].

Анализируя специфические признаки, лежащие в основе сверхгенерализации у ребенка, Е.В. Кларк приходит к выводу о преимуществе формальной стороны объектов и, в частности, признаков "круглый", "продолговатый" и "плоский". Этот вывод подтверждается и данными о словах-классификаторах в языках Азии и Америки, и разнообразием звукоизобразительных корней (бифонов), обозначающих понятие "круглый" (BL-, GL-, CL-, GR-, CR-, FR-, TR- и др.), сходного с ним "продолговатый" и несколько меньшей вариантностью - "плоский" (PL-, FL-, T-P). Некоторые сверхгенерализации могут иметь еще и функциональную основу, а также опираться на признаки из других сенсорных модальностей - тактильной, обонятельной, вкусовой -, однако их удельный вес, по сравнению с тремя вышеперечисленными признаками, значительно ниже [Кларк, 1984, с.228].

Традиционно сформулированный принцип категоризации - присутствие общих для всех членов категории характеристик - однако, подвергается критике и не считается обязательным [Лакофф, 1988, с.17]. Вместо него Дж. Лакофф вводит принцип мотивации, позволяющий вскрывать затемненную связь между центральным значением категории и его производными. Изучив функции некоторых слов-классификаторов в японском языке и в языке австралийских аборигенов дьирбал, ученый предлагает описывать процесс категоризации через четыре типа моделей:

1) пропозициональные модели, которые вычленяют элементы, дают их характеристики и указывают связи между ними (что в общем соответствует понятию "фрейма" у Ч. Филлмора [Филлмор, 1988]);

2) схематические модели образов, которые содержат типичные признаки объектов (представление о форме, размерах, качествах объектов);

3) метафорические модели, которые представляют собой переход от пропозициональных моделей или схематических моделей образов одной области к соответствующей структуре другой области;

4) метонимические модели, дополняющие вышеописанные типы указанием функций, выполняемых одним элементом по отношению к другому (например, в структуре "часть - целое" включается указание функции части по отношению к целому, согласно которой часть может замещать целое) [Лакофф, 1988, сс. 31-32].

В качестве одного из примеров автор приводит функции японского классификатора *hon*, который чаще всего используется с обозначениями длинных, тонких, негибких предметов: палок, тросточек, карандашей, свечей, деревьев и т.п. Здесь объединение происходит по схематической модели образа перечисленных реалий. Употребление того же классификатора при слове, обозначающем "состояние в военном искусстве", мотивировано пропозициональной

моделью, которая обращена к сфере опыта и вычленяет из ситуации состязания главные функциональные орудия - шесты и мечи -, характеризующиеся уже зафиксированными признаками "длинный", "тонкий", "негибкий". Бейсбольные биты, так же относящиеся к категории *hop*, переосмысливаются в аспекте траектории полета, образующей как бы длинную тонкую линию, что обязано механизму метафорической модели. При распространении классификатора с бейсбольных бит на удары (исключительно на удачные), работает механизм метонимической модели, осуществляющий перенос с главного функционального объекта на главную цель [Лакофф, 1988, сс. 24-26].

Рассматривая выделенные Дж. Лакоффом типы когнитивных моделей, можно провести черту, отделяющую первые два типа от двух последних. Нетрудно заметить, что и пропозициональные модели, и схематические модели образов относятся к базисному уровню, к существующему в сознании представлению о свойствах объектов и об их функциональном окружении. С другой стороны, метафорические и метонимические модели представляют собой трансформацию базисных моделей, основанную на интегрирующих механизмах установления сходства и смежности. Какое бы расширение ни претерпевал классификатор *hop* - "мотки или клубки ленты", "телефонные разговоры", "программы радио и телевидения", "письма", "кино", "медицинские инъекции" -, оно всегда будет мотивированным либо через метафору, либо через метонимию, либо через обе процедуры одновременно. Ослабление связи с центральным значением категории неизбежно происходит по мере новых шагов переосмысления уже трансформированных значений, но наличие связи тем не менее вполне восстановимо. Интерпретируя подобный процесс с точки зрения символической деятельности, Ц. Тодоров пользуется термином "конверсия" и обнаруживает аналогичную закономерность: "Всякое символизирующее является в свою очередь символизируемым; конверсия разворачивается в цепь, которая может длиться неопределенно, и каждое новое символизирующее приобретает символизируемые из предшествующих символических процессов" [Todorov, 1972, с.307].

Итак, язык служит важным средством механизма категоризации понятий, хотя, как показывают психологические исследования Ж.Пиаже, не первичным: "До того, как ребенок научится объединять или разделять относительно общие и относительно абстрактные классы - такие, как класс Птиц или Животных, - он может классифицировать лишь наборы объектов, представленных в одном перцептивном поле, объединяемых или разделяемых посредством манипуляции, до того, как это делается посредством языка". И далее: "Операции соединения, разделения и т.д. представляют собой, таким образом, координации между действиями, прежде чем они смогут быть преобразованы в вербальную форму, и не язык является

причиной их формирования: язык бесконечно расширяет их власть, придает им "подвижность" и универсальность, которых бы они не имели без него, это очевидно, но он ни в какой степени не является источником этих координаций" [Пиаже, 1984, с.330]. И это совершенно справедливо, если к тому же взглянуть на язык как на систему категорий, подчиняющуюся все тем же законам интеграции и дифференциации.

Принцип аналогии, занимающий ведущее место в номинативной деятельности человека, берет свое начало в ассоциативной форме мышления. Как указывает Е.С. Кубрякова, "творческая деятельность человека начинается (...) со сравнения: вследствие объективной возможности разнообразных ассоциаций между единицами языка (по форме или по содержанию или по тому и другому одновременно) в аналогические сопоставления могут вовлекаться разные единицы" [Кубрякова, 1987, с.48]. Результатом действия этого принципа представляется сам язык как система "в виде обширной сети постоянных мнемонических ассоциаций, весьма сходных между собой у всех говорящих субъектов, - ассоциаций, которые распространяются на все части языка от синтаксиса, стилистики, затем лексики и словообразования до звуков и основных форм произношения" [Балли, 1955, сс. 30-31].

3.4.1. Нейрофизиологические основания ассоциативности мышления.

Доязыковая способность человека к классифицированию, абстрагированию и, шире, к интегрированию объясняется строением и функциями мозговых клеток - нейронов. Согласно исследованиям ведущего американского физиолога Вернона Маунткласла, организационный принцип работы мозга основывается на трех отправных точках:

"1. Кора головного мозга состоит из сложных многоклеточных ансамблей, основная единица которых образована примерно сотней вертикально связанных нейронов всех слоев коры (выделено мною - А.М.). Можно сказать, что в эти мини-колонки входят:

1) нейроны, которые получают входные сигналы в основном от подкорковых структур - например, от специфических сенсорных и двигательных ядер таламуса; 2) нейроны, получающие входные сигналы от других областей коры; 3) все нейроны локальных сетей, образующие вертикальные клеточные колонки; 4) клетки, передающие выходные сигналы от колонки назад к таламусу, другим областям коры, а иногда к клеткам лимбической системы.

2. (...) Несколько таких сходных в своей основе простых вертикальных ансамблей могут объединяться с помощью межколоночных связей в более крупную единицу, перерабатывающую информацию, - модуль, или модулярную колонку. Хотя плотность

клеток в слоях разных частей коры несколько различна, общая структура и функции таких модулярных колонок однотипны. Эти колонки различаются лишь по источнику получаемых ими входных сигналов и по мишеням, которым адресуются их выходные сигналы.

3. (...) Модули не только получают и перерабатывают информацию. Они *совместно функционируют в составе обширных петель*, по которым информация, выходя из колонок, передается другим кортикальным и субкортикальным мишеням, а затем возвращается обратно в кору. Эти петли обеспечивают *упорядоченное повторное поступление информации в кортикальные ансамбли*. По подсчетам Маунт-касла, у человека в такой организационной структуре участвуют миллиарды нейронов, образующих колонки в коре большого мозга" [Блум, Лейзерсон, Хофстедтер, 1988, сс. 193-194].

Выделенные организационные принципы и составляют процессы, именуемые человеческим сознанием с его главным свойством - интегрированием. "Каждый модуль действует как единица, перерабатывающая информацию. Модули *группируются в более крупные совокупности*, которые мы называем первичной зрительной, слуховой или двигательной корой в зависимости от того, откуда в основном получает информацию данная совокупность. Но поскольку переработка информации ведется в *параллельных каналах*, каждая из этих совокупностей, выполняющих одну главную функцию, содержит также более мелкие подгруппы вертикальных единиц, каждая из которых *связана с особыми подгруппами других совокупностей, выполняющих в первую очередь иные функции*. Эти взаимосвязанные подгруппы представляют собой специфическим образом *соединенные части сети, которая может широко разветвляться во всей коре*. (...) Поскольку "распределенные" системы имеют дело не только с первичными, но и с повторными входными и выходными сигналами, кора во всякое время располагает как информацией внутреннего происхождения (повторной), так и текущей информацией о внешнем мире. Этот непрерывный пересмотр воспринимаемых образов *наряду с функциями сравнения или тестирования* реальности позволяет коре объединить образ, сформированный в ближайшем прошлом, с текущим образом внешнего мира. *Сравнение внутренних показаний с текущей информацией об окружающем мире и составляет предполагаемую основу сознания*" (с. 194).

Нетрудно заметить, как внутримозговая клеточная организация повторяет на материальном уровне метафорические древовидные, разветвленные модели различных идеальных классификаций, создаваемых человеком. В этом смысле, идеальные конструкции, порожденные сознанием, можно рассматривать как своего рода естественный организм, характеризующийся теми же принципами, что и любой другой материальный организм, одним из видов которого является, в частности, человеческий мозг.

3.4.2. Сходство и смежность - основные виды интегрирования.

Описанные выше когнитивные процессы, опирающиеся на физиологические основания ментальных свойств, оперируют прежде всего двумя сотрудничающими принципами интегрирования: выявлением сходства и смежности между различными объектами действительности. Сходство и смежность находят свое отражение не только в актах вторичной номинации - в виде метафоры и метонимии - , но, как мы убедились, в самом создании и развитии языка. Отношения интеграции, устанавливаемые между двумя и более ментальными образами объектов, могут иметь различные основания, тем не менее принципиально возможны только два типа операций, охватывающих все разнообразие объединяющих процедур. По своей сущности они соответствуют парадигматическим и синтагматическим отношениям, характеризующим сам язык. Греческое слово *parádeigma*, обозначающее "пример, образец", подчеркивает необходимость существования исходного эталона, с которым сравнивается иной объект, имеющий один или несколько признаков, общих с эталоном. Синтагматические отношения (греч. *syntagma* - "порядок, расположение") предполагают совместную встречаемость объектов и заданную взаимозависимость. Таким образом, первые относятся к отношениям *in absentia*, связывающим разнопорядковые реалии (например, "желчь" - "золото" по общему основанию "желтый"), вторые же - к отношениям *in praesentia*, вытекающим из актуальной последовательности элементов и эмпирического знания этой последовательности (например, "бить" - "ранить" - "смерть").

Рассмотрим основные типы сходства и смежности как механизмов образования полисемии в языке. В отношении к сравниваемым категориям сходство может быть **объектным** (сходство между объектами действительности), **качественным** (сходство между собственно признаками), **процессуальным** (сходство между процессами). Последний тип обладает наибольшей продуктивностью и имплицитностью оснований. Чаще всего здесь сопоставляются понятия психической сферы (понятия-мишени) с понятиями физической реальности (понятия-базисы). Чувственно воспринимаемые признаки конкретных процессов внешней действительности приписываются сенсорным, эмоциональным, ментальным, волевым процессам, составляющим психическую деятельность человека (например, "брать" - "узнавать" - "понимать"; "разрушать" - "ранить" - "унижать"; "зажигать" - "возбуждать"; "укреплять" - "утверждать"; "перевернуть (на спину)" - "забывать"; "колоть (иглой)" - "возбуждать" и т.д.).

Другим видом переноса является пространственно-временное отождествление, характерное также и для качественных сходств (например, "оттягивать" - "удалять" - "продлевать"; "назад" - "когда-

то" - "повторение во времени"). Градуальность пространственных измерений предоставляет, кроме того, возможности для перехода к инопорядковым процессам, обладающими степенями интенсивности ("опускаться" - "утихать" - "затухать"), и оценочным определениям ("сокращать" - "унижать"; у качественных - "дальний" - "противоположный" - "странный" - "необычный" - "враг"; "близкий" - "понятный" - "друг").

Признаки, находящиеся в основании сопоставления понятий, демонстрируют большое разнообразие и зависят от семантических возможностей каждого отдельного понятия-базиса. Тем не менее можно с некоторой степенью обобщенности свести их к ограниченному списку категорий, отражающих основные закономерности в установлении процессуального сходства. Среди наиболее частотных и объемных категориальных признаков-оснований выделяется архипризнак **"изменение состояния"**, включающий в себя такие разновидности, как **"искажение"** (например, "гримасничать" - "обманывать" <- "искажать лицо" - "искажать истину"; "идти криво, косо" - "плутовать" <- "искажение прямой траектории" - "искажение правильного (прямого) поведения"), **"отклонение от нормального состояния"** ("крутить" - "переворачивать" - "портить" - "калечить" - "искажать" <- "менять положение" - "менять качественное состояние"), **"изменение направления"** ("крутить" - "отвратить" <- "развернуть в обратную сторону"), **"гибкость"**, т.е. способность к изменчивости ("гнуть" - "копировать" - "передразнивать"), **"пространственно-градуальное изменение"** ("наполнять" - "выполнять"; "опускаться" - "утихать" - "затухать"); **"пространственно-временное изменение"** ("оттягивать" - "удалять" - "продлевать"), **"позиционно-ментальное изменение"** ("перевернуть" - "забывать"), **"позиционно-волевое изменение"** ("освобождать" - "разрешать"; "гнуть" - "подчинять"), **"структурное изменение"** ("разрушать" - "ранить" - "унижать"; "формировать" - "отделять" - "воспитывать"), **"активизация"**, т.е. переход от пассивного состояния к активному ("зажигать" - "возбуждать"; "колоть (иглой)" - "возбуждать"; "жечь" - "волноваться" - "быть в ярости").

Другим так же часто встречающимся признаком-основанием является **"направленность"** действия, трансформирующаяся в психической сфере в "устремленность": "управлять" - "вести" (= "задавать направление"); "жаждать" - "мечтать" (= "устремляться"); "тянуться" - "надеяться"; "целиться" - "указывать" - "направляться"; "атаковать" - "обвинять"; "желать" - "завидовать" - "ревновать".

Сближение процессов может происходить, кроме того, и по архипризнаку **"форма действия"**, включающего различные пространственно-временные характеристики действий: "связывать" - "окружать" - "обшивать" (основание - "круговое движение"); "крутить" - "грести" ("вращательное движение"); "падать" - "случаться" - "происходить" ("быстрое, неожиданное действие"), "удивлять" -

"пугать" ("неожиданное событие"); "ржать" - "кричать" - "петь" ("громкое голосовое действие") и т.д.

Некоторые виды действий не мыслятся вне контекста субъектно-объектных отношений, вследствие чего в основании сходства может лежать и архипризнак **"реляционность"** с такими типами отношений, как "обладание" ("брать" - "узнавать" - "понимать" - "учить"), "смежности" ("соединять" - "собирать" - "жениться"), "взаимности" ("игра" - "любовные игры" - "сражение") и проч.

Сходство, устанавливаемое между объектами действительности, так же создает почву для типологизации признаков-оснований. Как уже отмечалось, наиболее распространенным признаком, лежащим в основании сходства, является **"форма"** объектов: "горб" - "бубон" ("выпуклость"); "рана" - "язва" - "кнопка" - "гвоздь" - "узловатость" ("округлость"); "пень" - "ствол" - "палка" - "кол" - "шпага" ("удлиненность"); "горсть" - "крюк" ("кривизна"); "ремень" - "возжа" - "коса (жен.)" ("удлиненность" + "узость"). Образ определенной формы конкретного объекта может переноситься и на совокупность объектов, образующих вместе аналогичную конфигурацию: "нить" - "ряд" - "последовательность" - "порядок" ("прямая линия").

Менее распространено сходство по признаку **"субстанциональности"** или **"материалу"**, анализируемому осязанием: "шифер" - "раковина" ("твердость"); "голова" - "черепок" ("твердость"; "лед" - "зеркало" ("гладкость"); "глина" - "грязь" - "сляна" - "гной" ("скользкость") и т.д. Следует отметить, что в этом типе сходства признак субстанциональности почти всегда сопровождается дополнительными синкретичными основаниями: например, в первых двух случаях усматривается также "округлость", в третьем - "блеск", воспринимаемый зрительным анализатором, в последнем - отрицательная оценка, обусловленная характером субстанции.

В сфере зрительного восприятия выделяется признак-основание **"размер"**, представленный оппозицией "большой"/"малый". Признак "большой" часто соседствует с дополнительными признаками "сосредоточенность" ("толпа" - "масса" - "куча"), "возвышенность" ("толпа" - "высота" - "холм" - "пик"), а "малый" - с уничижительной оценкой ("колос" - "малое количество" - "ничтожное качество").

Одним из специфических признаков-оснований объектного сходства выступает **"частичность"**, нередко коннотирующая значение "малости": "щепка" - "осколок" - "обломок"; "кусочек" - "часть" - "сторона" - "бок"; "порция" - "доля" - "добыча" и т.п.

Функциональные свойства объектов, так же, как и форма, представляют собой важнейший аспект, запечатленный в представлении о предмете или явлении. Сходство по **"функции"** затрагивает самые различные стороны деятельности объекта:

"копье" - "меч" ("орудие убийства" + "колющий предмет");
"солдат" - "мальчик" - "слуга" (функция "подчинения");
"учитель" - "хозяин" - "колдун" (функция "руководителя");

"кожа" - "кожица" - "кора" - "мех" (функция "оболочки");
 "шаг" - "способ" - "манера" ("шаг" как способ передвижения
 получает функциональное расширение в способ любого действия);
 "судьба" - "цель" (функция "ведущего начала");
 "символ" - "лицо" - "характер" (функция "выражения внутренней
 сущности через внешность");
 "барьер" - "ограда" - "дверь" (функция "препятствия");
 "бассейн" - "корыто" - "корзина" - "морское дно" (функция
 "реципиента" + "округлость").

Помимо интеллектуальных сторон закрепления образа объекта, в процесс формирования представления вступает и эмоциональная реакция, оценка, результирующая из восприятия различных вышеописанных признаков. В этом случае *"оценка"* и становится признаком-основанием сходства: "пропасть" - "ад" (признаки "глубокий" и "темный" на подсознательном уровне соединяются с оценочными "страшный", "безобразный"); "дыра" - "трещина" - "бордель" - "дебаш" (то же); "мусор" - "пыль" - "дебаш" - "шлюха" (соединение физического свойства "грязный" с моральным); "кусок" - "часть" - "пустяк" (синкретизм значений "малость" и "незначительность").

Если процессуальный и объектный типы сходства имплицитно определяют признак, по которому проводится сопоставление, то качественное сходство устанавливается между самими эксплицитно выраженными признаками и подразумевает еще более глубинное основание сравнения. Данные полисемии представляют интереснейший материал, позволяющий выяснить закономерности и способы картирования качественной действительности человеческим мышлением. Конкретные сближаемые качества принадлежат, как правило, к различным сенсорным модальностям, и, следовательно, их совместимость возможна благодаря действию механизма синестезии. Зачастую в качественном сходстве бывает трудно установить понятие-базис и понятие-мишень. Более того, стирается граница между сходством и смежностью, т.к. сближению подвергаются отвлеченные от объектов чистые качества, а не разно- или однопорядковые объекты или процессы. Следует ли рассматривать полисемантическое единство "высокий" - "сильный" - "важный" - "благородный" - "гордый" - "высокомерный" как результат установления отношений сходства между этими признаками или как пример смежных отношений между ними?

В представленном виде пространственно-временная и функциональная соотнесенность, характеризующая смежность, не может быть установлена между абстрактными качествами. Будучи приложенными к идеальному одушевленному объекту, например, "мужчина", эти признаки образуют, однако, определенный качественный фрейм из взаимодополняющих характеристик: "высокий" значит и "сильный"; "сильный" значит и "важный"; "важный" значит и "высокомерный" и т.д. С другой стороны, при более пристальном рассмотрении можно

заметить нечто общее, определенный архипризнак, связывающий данную группу качеств. Для сравнения приведем еще две полисемические цепочки:

1) "полный" - "изобильный" - "плодородный" - "богатый" - "множество" - "достаточный" - "целый" - "абсолютный" - "большой" - "широкий" - "важный" - "сильный" - "храбрый" - "ожесточенный";
 2) "бедный" - "слабый" - "несчастный" - "плохой" - "злой". Взятые в совокупности, эти два ряда имплицитно антонимические отношения, тем более, что отдельные члены рядов прямо указывают на противоположность качественных полюсов: "богатый" - "бедный", "сильный" - "слабый". В подобной оппозиции более отчетливо проглядывают архипризнаки, объединяющие члены каждого из рядов: для первого - "высокая степень", для второго - "низкая степень" определенного качества. Семантический анализ каждого отдельного признака позволяет обнаружить сходство по выделенным архипризнакам при различии качественных аспектов: "полный" - "высокая степень"/"объем"; "изобильный", "плодородный", "богатый", "множество", "достаточный" - "высокая степень"/"количество"; "целый", "абсолютный" - "высокая степень"/"объем"; "большой", "широкий" - "высокая степень"/"размер"; "важный" - "высокая степень"/"значимость"; "сильный" - "высокая степень"/"сила"; "храбрый" - "высокая степень"/"смелость"; "ожесточенный" - "высокая степень"/"активность". Соответственно, второй ряд демонстрирует соединение архипризнака "низкая степень" с "количеством", "силой" и "оценкой".

Достаточно одного взгляда, чтобы уловить общие для каждого ряда оценочные полюса на шкале "хороший" - "плохой". Однако не следует утверждать об обязательной связи архипризнаков "высокая степень" - "хороший" и "низкая степень" - "плохой". Признаки "сильный", "смелый", "живой" появляются и в соединении с отрицательными оценочными понятиями: "злой" - "грубый" - "жесткий". С другой стороны, "низкая степень" может коннотировать и положительную оценку: "спокойный" - "молчаливый" - "мирный" - "ленивый" - "медленный" - "свободный". Иногда в одной и той же полисемической цепочке обнаруживаются совершенно противоположные оценочные признаки: "кислый" - "сильный" - "активный" - "живой" - "храбрый" - "грустный" - "мучительный". Кажущееся противоречие в такой последовательности снимается при реорганизации ее членов. Понятие "кислый", взятое в аспекте "высокой степени вкусовой активности", соотносится с такими же "активными" признаками, как "сильный", "активный", "живой", "храбрый", которые обладают обычно положительным оценочным зарядом. Это же вкусовое ощущение с точки зрения ответной физиологической реакции характеризуется отрицательной оценкой, что соотносимо с понятиями "грустный" и "мучительный".

Общий анализ полисемических цепочек приводит к выводу о двух абстрактных архипризнаках, являющихся основанием сходства между

различными качествами: "степень" и "оценка". Оба эти аспекта представляют собой критерии измерения качественного пространства и служат базисом для семантических переходов между разнопорядковыми признаками.

Следует оговориться, что понятие "степень", приложимое к градуируемым признакам, может условно применяться и к таким признакам, как "заостренность" (с противоположным полюсом "округлость"/"сглаженность") и "искривленность" (с оппозицией "прямота"). Подсознательно эти качества воспринимаются как активные и сопровождающиеся отрицательной оценкой: "сила" - "мощь" - "острый" - "глупость" - "неприятный"; "скрученный" - "искривленный" - "злой". В противовес им "округлость"/"сглаженность" и "прямота" устанавливают связи с "пассивными" положительными качествами: "овальный" - "изящный" - "мягкий" - "приятный" - "правильный"; "прямой" - "правый" - "подходящий" - "истинный" - "справедливый".

Полученные данные иллюстрируются в сводной таблице, отражающей типы сходства и архипризнаки, лежащие в основании сравнения процессов, объектов и качеств:

Типы сходства	Архипризнаки-основания сходства
Процессуальное сходство	"Изменение состояния" "Направленность" "Форма действия" "Реляционность"
Объектное сходство	"Форма" "Субстанциональность" "Размер" "Частичность" "Функция" "Оценка"
Качественное сходство	"Степень" "Оценка"

Отношения смежности являются другим важнейшим средством полисемического объединения и семантического развития. Схематически можно представить участников операции сближения по смежности как часть, ассоциируемую с целым. В качестве "целого" выступают объекты и процессы, хотя более детальный анализ вынуждает различать в классе объектов активные (агенса, субъекта) и пассивные (пациенса, объекта) объекты.

Роль "части", в зависимости от характера "целого", могут играть признаки, функции (для объектов и процессов), средства, условия, результаты, цели (для процессов). Таким образом, как и в вышерассмотренных отношениях сходства, можно говорить об объектной и

процессуальной смежности. Как указывалось выше, сближение качеств тяготеет, по нашему мнению, к зоне отношений сходства.

Объектная смежность.

Одним из видов этого типа смежности является объединение характерного признака объекта с самим объектом, т.е. отношение "признак - объект":

"белый - рассвет",	"серый - пепел",
"гибкий - дерево",	"заключенный - бедный -
"колебание - весы",	слабый - несчастный - раб",
"сила - рука",	"кривой - свод",
"темный - сумерки",	"плоский - поле",
"квадратный - камень",	"узкий - край" и т.п.

Другой вид смежности устанавливает отношения "субъект - функция" или "объект - функция", где первое предполагает семантическую роль агенса, активно реализующего одну или несколько характерных для него функций, а второе указывает на пациенс, или объект, претерпевающий то или иное воздействие, что так же можно условно считать его функцией. "Субъект - функция":

"судорога - гнуть",
"знак - предзнаменование - рассказывать - объявлять",
"власть - вести - управлять - защищать - охранять",
"весы - взвешивать",
"власть - разрешать - осуждать",
"рука - бороться - трудиться - обнимать - измерять - сжимать - ткать",
"ветвь - подпора - виселица" ("подпирать", "вешать" - функции ветви дерева),
"шпага - размахивать - трясти",
"патруль - искать - расследовать - контролировать - окружать",
"решетка - прекращать" (переезм. "препятствовать") и т.п.

"Объект - функция":

"дерево - сажать",
"шар - катать - надувать",
"росток - щипать, обрывать",
"стручок - лущить - раздирать",
"чешуя - сдирать",
"свая, опора - сажать - прикреплять",
"дорога - идти",
"лед - скользить",
"факел - зажигать",
"удила - кусать" и т.п.

Соположенность объектов в пространстве, их естественная связь находит свое отражение в полисемической связи типа "субъект - контактирующий объект":

"рука - повязка - доспехи",
"факел - пламя",
"губы - борода",

Выделенные типы процессуальной смежности условны, и вхождение конкретных полисемических цепочек в тот или иной класс зависит от их интерпретации. Отношения "процесс - признак", "процесс - результат", "процесс - цель" и процесс - условия процесса" могут не иметь четкого разграничения. Так, например, связь "оскорблять / раздражать - ссора", отнесенная нами к типу "процесс - результат", может толковаться и как "процесс - признак" (раздражение и оскорбление как признаки ссоры), и как "процесс - условия процесса" (раздражение и оскорбление как одни из элементов ситуации ссоры). Незыблемыми при этой размытости границ остаются только более абстрактные отношения, охватывающие все разнообразие установленных типов: "причина - следствие" и "часть - целое".

Общая картина типов смежности и характерных элементов этой объединяющей операции отражена в следующей таблице:

Типы смежности	Сближаемые категории
Объектная смежность	Объект - Признак Субъект - Функция Объект - Функция Субъект - Контактирующий объект Субъект (часть) - Объект (целое)
Процессуальная смежность	Процесс - Признак Процесс - Результат Процесс - Цель Процесс - Условия процесса

4. Фоносемантическое поле: ядро, элементы, система.

4.1. Звукоизобразительные значения - базисные порождающие ядра фоносемантических полей.

4.1.1. Типы звукоизобразительной референции.

Звукоизобразительность, лежащая в основе процесса номинации, как уже указывалось, рассматривается в двух своих разновидностях: звукоподражании (имитации звуковой стороны объекта, явления или действия) и звукоимовизме (символизации означаемого звуковым жестом, или способом артикуляции). Антропоцентричность классифицирования объективной действительности обуславливает значительный количественный перевес референтов, связанных с деятельностью человека, над звуковыми проявлениями внешней реальности, передаваемых в языке преимущественно посредством звукоподражания. Этот вывод мог бы послужить ценным аргументом для обоснования "трудовой" теории происхождения языка, хотя сам по себе он ни в коей мере не утверждает, что "внутренней связи между словом и понятием в смысле сходства их друг с другом или биологической (психофизиологической) зависимости их друг от друга (...) нет и быть не может" [Якубинский, 1986, с. 112]. Напротив, именно антропоцентричность дает ключ к пониманию мотивированности связи между языковой (субъективной) и внешней (объективной) действительностью.

Рот и рука - важнейшие человеческие органы, обеспечивающие жизнеспособность организма. Вполне естественно поэтому предположить, что именно их деятельность нуждалась в языковом изображении в первую очередь. Не возвращаясь к уже описанному механизму языкотворчества (гл. 3.1), приведем основные типы референтов, относящихся к буккальной (ротовой) и к мануальной (ручной) сферам деятельности.

Буккальная: "глотать", "кусать", "грызть", "пить", "есть", "дышать", "шипеть", "свистеть", "кашлять", "плевать", "храпеть", "хрипеть", "жевать", "чавкать", "хлепать", "лизать", "сосать", "лязгать", "выть", "шептать", "молчать". Приведенные здесь процессуальные референты характеризуются взаимным пересечением функций (например, "кусать" - "грызть", "шипеть" - "шептать") или различным объемом понятий (например, "есть" = "грызть" + "жевать" + "чавкать" + "лязгать" + "глотать"). Список мог бы быть дополнен и другими частными буккальными функциями, которые представляются

* Здесь мы не выделяем особо деятельность ног, являющуюся, безусловно, необходимым составляющим телесной звукоизобразительности (см.: [Скаличка, 1967]), но служащую основой преимущественно для звукоподражания и в этой области смыкающуюся с мануальной деятельностью.

разновидностями уже перечисленных (например, "рвать", "раздирать" - "кусать", "грызть"; "шептать" - "бормотать", "болтать", "брюзжать" и т.д. Сюда же войдут и любые виды голосового звукоизвлечения, например, "кричать", "петь", "реветь", "плакать" и т.д.

В меньшей степени буквальная сфера представлена объектной и качественной референцией. Первая касается самих внутренних органов речевого аппарата - "губы", "язык", "глотка", "нос" -, расширяющаяся в понятия типа "отверстие", "проход" и т.п., последняя относится к признакам, характеризующим эти органы: "губы" - "округлый"; "язык" - "гибкий", "подвижный", "гладкий", "скользкий"; "глотка" - "узкий", "острый"; "зубы" - "твердый", "крепкий", "острый", "напряженный"; "нос" - "выступающий", "внутренний". Как уже упоминалось, назальный и лабиальный способы артикуляции зачастую реализуют пейоративную оценочную функцию (см. сс. 50-51).

Мануальная сфера охватывает преимущественно действия, сопровождающиеся звуковыми эффектами, и, следовательно, представляет возможности для звукоподражания: "бить", "резать", "рвать", "разбивать", "рыть", "мять", "толкать", "бросать", "тереть", "толочь", "колоть", "чесать", "сыпать", "сеять", "тащить" и т.п. Беззвучные процессы типа "гнуть", "хватать", "сжимать", "качать", "дрожать" символизируются на основании качественной референции, т.е. по характерному для этих действий признаку, например, "напряженный". Нетрудно заметить, что буккальные и мануальные функции могут пересекаться: "рвать" (руками или зубами), "мять", "тереть" (руками или зубами), "толкать"/"выталкивать" (руками) или "выплювывать" (языком, губами), "вталкивать" (руками) или "проглатывать" (глоткой) и т.п.

Наконец, к третьему типу референции, составляющему звукоизобразительное ядро, относятся звучащие процессы внешней действительности: "шелестеть", "грохотать", "греметь", "звенеть", "рычать", "ржать", "разбрызгивать", "течь" и т.п. Ведущим способом наименования подобных процессов является звукоподражание.

4.1.2. Сравнительная межъязыковая типология звукоизобразительных значений.

В предыдущих главах (2.2.2; 2.3.2; 2.3.4) мы установили полевой характер семантики морфемотипа и консонантного бифона. В обоих случаях генетическое ядро образовано звукоизобразительными значениями, предоставляемыми семантическим потенциалом составляющих звуков. Проведенные исследования отдельных бифонов и морфемотипов в отдельных языках приводят к закономерному вопросу о сравнительном анализе минимальных значимых структур в языках различной степени родства. Как и следовало ожидать, все изученные

структуры в четырех языках - французском, английском, русском и арабском - проявляют аналогичную тенденцию к полемому конструированию семантики (см. Приложение 1).

Ниже представлена таблица ядерных значений морфемотипов с переменным первым элементом и постоянным вторым для последующего выяснения удельного веса позиции в формировании семантики морфемотипа.

№ 1

Структура морфемотипа	Ядерные звукоизобразительные значения			
	Французский	Английский	Русский	Арабский
[B/P-Spir]	Толкать, Вбивать, Обрубать, Тесать, Разбрызгивать, Округлый, Течь, Хватать, Сжимать, Рыть, Скользкий, Качаться, Отрицат. оценка	Толкать, Бить, Разбивать, Речевая деят., Разбрызгивать, Округлый, Жужжать, Гудеть, Звонить, Отрицат. оценка	Толкать, Толочь, Резать, Грызть, Округлый, Зв/подр.: Шуметь	Бить, Печатать, Лопаться, Тереть, Плевать, Округлый, Мочить, Сдирать, Сеять, Отрицат. оценка
[M-Spir]	Рвать, Бить, Резать, Округлый, Буккальная деятельность, Отрицат. оценка	Разбивать, Дробить, Округлый, Буккальная деят.	Рвать, Мять, Тереть, Округлый, Отрицат. оценка	Рвать, Бить, Мять, Тереть, Чесать, Буккальная деятельность
[N-Spir]	Назальная деятельность, Отрицат. оценка, Внутренний	Назальная деят. Отрицат. оценка, Внутренний	Назальная деят., Отрицат. оценка, Пронзать, Резать, Острый	Буккальная деятельность, Колоть, Резать, Чистить, Чесать, Течь, Толочь, Дробить, Рассыпать, Трясти

[G/K-Spir]	Бить, Резать, Острый, Ломать, Разбивать, Проход, Отверстие, Крепкий	Бить, Резать, Острый, Долбить, Толкать, Отверстие, Извергать, Очищать, Бросать, Буккальн. деят., Зв/подр.: Шипеть, Свистеть	Бить, Резать, Острый, Буккальн. деят.	Бить, Резать, Ломать, Острый, Сдирать, Сжимать, Трясти, Буккальн. деят., Зв/подр.: Звенеть, Шелестеть
[D/T-Spir]	Набивать, Разбивать, Колоть, Мять, Тереть, Чистить, Буккальн. деят.	Бить, Разрушать, Острый, Твердый, Бросать, Буккальн. деят.	Бить, Сдирать, Колоть, Давить, Сжимать, Тащить, Напряженный	Толкать, Дробить, Тереть
[V/F-Spir]	Резать, Бить, Хватать, Гнуть, Бросать, Буккальн. деят.	Резать, Бить, Хватать, Гнуть, Связывать, Зв/подр.: Шум, Голос	Резкий, Хватать, Связывать	Резать, Раскалывать, Сжимать, Давить, Течь, Разрывать, Зв/подр.: Шипеть, Храпеть
[L-Spir]	Гибкий, Гладкий, Буккальн. деят.: Лизать, Хлепать, Рвать, Сверлить, Легкий, Быстрый	Гибкий, Буккальн. деят.: Речь, Рвать, Разрывать, Жидкость	Гибкий, Гладкий, Буккальн. деят.: Лизать, Лязгать, Ползти	Гибкий, Буккальн. деят.: Лизать, Кусать, Бить, Липнуть
[R-Spir]	Резать, Зв/подр.	Резать, Бросаться, Зв/подр.	Резать, Разрушать, Зв/подр.	Резать, Бить, Толкать, Давить, Трясти, Дрожать, Течь, Зв/подр.

Общий обзор сходных морфемотипов в четырех языках убедительно показывает соответствие между их ядерными

значениями. Бросается в глаза присутствие почти во всех ядрах значений "Бить" и "Резать". Вспомним описанную выше (гл. 3.2) богатую поливалентность этого значения и заметим, что в данной таблице встречаются почти без исключения все те же составляющие его семантического гнезда.

Очевидно, что во всех четырех языках наблюдается соответствие между значениями ядра и потенциальными семантическими возможностями компонентов морфемотипа. Так, например, лабиальность взрывные В/Р, как уже отмечено, способны изображать "Удар", "Взрыв", "Губную деятельность", "Округлость", что проявляется через присутствующие значения "Бить", "Толкать", "Толочь", "Лопаться", "Плевать", "Мочить", "Хватать", "Сжимать", "Округлый". Так же, как и назальность, лабиальность обладает синестемическим значением "Отрицательная оценка" (пейоративность). С другой стороны, спиранты по своим специфическим звуковым характеристикам могут символизировать такие шумовые действия, как "Тесать", "Рыть", "Сдирать", "Тереть", "Сыпать", по артикуляционно-символическим возможностям - "Течь", "Скользкий - Скользить", а по своему синестетическому развитию - "Разбрызгивать".

Пожалуй, единственное существенное расхождение в ядерных значениях между индоевропейскими языками и арабским обнаруживается по морфемотипу [N - Spir.]. Относительно бедному его звукоизобразительному составу во французском, английском и русском языках противостоит широкое разветвление значений в арабском (ср. количественный и качественный состав семантических полей этого морфемотипа в данных языках см. Приложение 2). Объяснение этого несоответствия лежит, по-видимому, в существовании иного звукообраза фонемы [N] в семито-хамитской семье языков. Сравнив ядерные значения морфемотипа с начальным [N] и значения морфемотипа с начальным [M] в арабском языке, можно обнаружить их качественное сходство друг с другом, с одной стороны, и параллелизм с семантикой морфемотипа [V/P - Spir.], с другой. Возможно, в арабском языке лабиальность и назальность не находятся в столь четкой оппозиции друг к другу, как в индоевропейских языках. Кроме того, заметное влияние на семантическую структуру морфемотипа оказывает второй спирант с характерными для него значениями: "Тереть", "Чесать", "Течь", "Рассыпать", "Трясти".

4.1.3. Роль позиции фонемы в морфемотипе.

На материале предыдущей таблицы мы убедились, что ядерные звукоизобразительные значения происходят из семантических возможностей обоих консонантных компонентов морфемотипа. В этой связи интересно выяснить значимость позиции того или иного

элемента в формировании семантического ядра. С этой целью мы исследовали значения морфемотипов, в которых спирант является по-прежнему постоянной величиной, но занимает начальную позицию. В результате получена следующая картина, иллюстрирующая семантический состав ядер в четырех взятых языках:

N 2

Структура морфемотипа	Ядерные звукоизобразительные значения			
	Французский	Английский	Русский	Арабский
[Spir-B/P]	Просеивать, Распылять, Рыть, Хватать, Округлый, Бить	Сыпать, Брызгать, Течь, Рыть, Раскалывать, Резать, Буккальн. деят.: Пить, Есть, Вкус, Дышать, Шипеть, Рыдать Зв/подр.: Шлепать	Хватать, Стягивать, Бить, Дробить, Резать, Колоть, Сыпать, Зв/подр.: Сипеть, Сопеть, Шипеть	Хватать, Рвать, Лить, Буккальн. деят.: Бормотать; Зв/подр.: Голос
[Spir-M]	Сеять, Острый, Округлый, Зв/подр.: Шуметь	Мазать, Гладить, Бить, Разбивать, Резать, Душить, Буккальн. деят.: Улыбаться, Чмокать, Глотать, Щелкать; Назальная деят. Нюхать; Зв/подр.: Кипеть	Сжимать, Назально-буккальная деят.: Вкус, Запах; Зв/подр.: Шуметь	Сжимать, Стягивать, Назальн. деят.: Нюхать, Отвращение; Буккальн. деят.: Бормотать, Рычать

[Spir-N]	Назальн. деят.: Нюхать, Рыдать; Внутренний, Резать, Связывать, Окружать, Зв/подр.: Петь, Звучать	Назальн. деят.: Нюхать, Нос, Сопеть, Хихикать; Резать, Хватать, Кусать, Рвать, Чистить, Зв/подр.: Щелкать, Звучать	Назальн. деят.: Плакать; Резать, Бить, Связывать, Плести, Внутренний	Гнуть, Сжимать, Чистить, Точить, Лить, Назальн. деят.: Нос, Нюхать; Отвращение, Зв/подр.
[Spir-G/K]	Резать, Трясти, Толкать, Бить; Зв/подр.: Шуметь	Резать, Тесать, Скрести, Чистить, Сдирать, Копать, Царапать, Скользить, Скручивать, Буккальн. деят.: Глотать, Ворчать, Насмехаться Зв/подр.: Шуметь	Скрести, Резать, Рубить, Скользить, Бить, Стегать, Прыгать, Зв/подр.	Бить, Пробивать, Пронзать, Вталкивать, Давить, Толочь, Резать, Скрести, Тащить, Течь/Лить, Падать, Зв/подр.: Шуметь; Зв/извлечение
[Spir-D/T]	Резать, Бить, Окружать, Тереть, Твердый, Сжимать, Прыгать, Зв/подр.	Бить, Разбивать, Разбрасывать, Резать, Вбивать, Топтать, Напряженный, Течь, Сдирать, Зв/подр.: Заикаться, Спотыкаться	Резать, Бить, Колоть, Сжимать, Ставить, Твердый, Зв/подр.	Резать, Затыкать, Бить, Раскладывать, Расбрасывать, Исходить, Крутить, Зв/подр., Зв/извл.
[Spir-V/F]	Дышать, Задыхаться, Зв/подр.: Шипеть, Хрипеть; Мять, Острый,	Резать, Разбивать, Острый, Толкать, Надувать, Душить, Дрожать,	Хватать, Вставляя, Буккальн. деят.: Жевать; Рассеивать, Излучать,	Бить, Вбивать, Буккальн. деят.: Дуть, Свистеть, Губы; Лить

[Spir-V/F]	Буккальн. деят.: Вкус	Просеивать, Буккальн. деят.: Есть; Крутить; [S-W]: Глотать, Колебаться, Бить, Кру- тить, Тащить, Надувать, Сеять, Течь, Колоть	Зв/подр., Зв/извл.	
[Spir-L]	Брызгать, Резать, Округлый	Скользить, Лощить, Шелушить, Бить, Бросать, Разбивать, Течь, Резать, Буккальн. деят.: Глотать, Чавкать, Бормотать	Скользить, Колоть, Бить, Хлестать, Зв/подр., Зв/извл., Буккальн. деят.: Хлепать, Целовать	Скользить, Скрести, Сдирать, Резать, Стегать, Разрывать, Сцеплять, Зв/подр.: Шуметь; Буккальн. деят.: Речь
[Spir-R]	Резать, Сжимать, Крутить, Гладить, Зв/подр.: Шуметь	Резать, Колоть, Сжимать, Просеивать	Резать, Бить, Ломать, Скрести, Рыть, Шерохова- тый, Светить, Буккальн. деят.: Есть, Хрипеть; Зв/подр.	Резать, Раскалывать, Сжимать, Брызгать, Сыпать, Течь, Тянуть, Толочь, Зв/подр.: Трещать, Скрипеть; Буккальн. деят.: Глотать, Всасывать, Болтать
[Spir-Spir]	Просеивать, Сжимать, Хватать, Сухой, Буккальн. деят.: Сосать	Скользить, Тесать, Брызгать, Бить, Зв/подр.: Кипеть, Шипеть; Острый	Тереть, Чистить, Всовывать, Ставить, Бить, Резать, Жечь, Су- шить, Течь, Зв/подр.	Резать, Тащить, Толкать, Бросать, Давить, Дробить, Лить/Течь, Зв/подр.: Хрипеть

Сопоставив данные двух таблиц, можно прийти к выводу, что список ядерных звукоизобразительных значений в обеих практически идентичен. Изменился лишь количественный состав лексики, отображающей то или иное значение. Этот факт иллюстрируется последовательностью значений в каждом морфемотипе, представленных в порядке убывания лексической насыщенности. Очевидно, что перемещение таких значений, как "Просеивать", "Распылять", "Брызгать", "Течь", "Резать", "Скользить", "Тереть", "Скрести" и т.п. на первые места свидетельствует о доминирующей роли спиранта в образовании лексики преимущественно подобной семантической ориентации.

Вместе с тем, не исчезают и значения, заданные вторыми элементами морфемотипов, хотя количество образующей их лексики, как правило, существенно ниже, в отличие от значений, обусловленных этими же элементами, но в начальной позиции. Исключение составляет, пожалуй, только назальный компонент со своими доминирующими значениями, независимо от позиции.

Полученный вывод о большей семантической значимости начальной позиции звука в слове совпадает с результатами предыдущих экспериментальных исследований (см.: [Van den Berghe, 1976, сс. 44, 526; Журавлев, 1974, с. 117]).

4.1.4. Звукоизобразительная специфика начального консонантного бифона.

Термины "консонантный бифон" и "морфемотип", введенные нами, требуют четкого истолкования. Как уже упоминалось, в плане выражения консонантный бифон - это контактное сочетание двух звуков, которое обладает в содержательном плане определенной системой значений со звукоизобразительным ядром и развивающейся из него периферией. В отличие от бифона, формально конкретной (актуальной) единицы, морфемотип представляет собой абстрактную (виртуальную) категорию с формальной структурой C_1VC_2 получающей определенную семантическую интерпретацию в зависимости от фонематического заполнения позиций C_1 и C_2 . План содержания морфемотипа, так же, как и консонантного бифона, имеет вид поля, составленного ядром звукоизобразительных значений и сетью связанных с ними периферийных значений.

Коль скоро семантика морфемотипа определяется согласными элементами, нетрудно догадаться, что незаполненная позиция гласного "срачивает" их до бифона C_1C_2 , не внося при этом каких-либо существенных семантических изменений, по сравнению со структурой C_1VC_2 . Наше исследование подтвердило это теоретическое предположение (см. Приложение): консонантный бифон является одной из актуализаций морфемотипа (разумеется, если это позволяют

комбинаторные возможности каждого конкретного языка). Однако, в отличие от структуры C_1VC_2 , контактное консонантное сочетание обладает большей звукоизобразительностью. Об этом можно судить, сравнив количественный и качественный состав лексики с начальными структурами C_1C_2 и C_1VC_2 (например, в английском SP- // SAP-, SEP-, SIP-, ShAP-, ShEP-, ShIP-; SM- // SAM-, SEM-, SIM-, ShAM-, ShEM- и т.п.). Процент звукоизобразительных значений в лексике с начальным консонантным бифоном значительно выше, чем с аналогичным дистантным сочетанием. Заметно это и по таблице 2, где количество ядерных значений в целом ряде морфемотипов английского языка значительно перекрывает таковые во французском за счет разнообразной звукоизобразительной семантики специфических для английского языка начальных бифонов SP-, SM-, SN-, SK-, SW-, SL-, отсутствующих или слабо развитых во французском языке.

Тот факт, что начальный консонантный бифон проявляет ярко выраженный звукоизобразительный характер, с одной стороны, а морфемотип аналогичной консонантной структуры способен реализовать сходные с бифоном звукоизобразительные значения, с другой, - наводит на предположение о генетической первичности консонантного бифона, по отношению к которому морфемотип выступает как дальнейшее развитие формы и значения.

4.2. Периферийное расширение звукоизобразительного ядра.

4.2.1. Канонические модели семантических переходов.

"Ни один язык не был бы в состоянии выражать каждую конкретную идею самостоятельным словом или корневым элементом. Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены. Язык оказывается вынужденным разносить бесчисленное множество понятий по тем или другим рубрикам основных понятий, используя иные конкретные или полуконкретные идеи в качестве посредствующих функциональных связей" [Сэпир, 1934, сс. 65-66]. В таком виде Э.Сэпир очертил суть механизма семантического развития языка, подчеркнув далее необходимость выделения "деривационных", или "квалифицирующих" идей, служащих основой этого развития. Мы уже выяснили, что в эволюционном процессе в качестве таких "деривационных" идей выступают звукоизобразительные значения. На примерах полисемии, омонимии и поливалентности значения показаны отдельные случаи семантических сдвигов. Сравнительное исследование различных языков помогает выявить как специфические для отдельного языка, так и общие типы семантических цепочек, исходящих от звукоизобразительного ядра. Следует напомнить, что здесь будут рассматриваться не отдельные конкретные лексические значения, а

архисемемы, объединяющие частные значения определенных лексико-семантических полей.

Несмотря на огромное разнообразие потенциальных возможностей ядерного значения "Толкать", вытекающих из функциональных связей самого действия, можно заметить (см. Приложение 2), что связь "Толкать" - "Отверстие"/"Проход" проявлена во всех четырех языках. В основе подобного переноса лежит процессуальная смежность, описанная выше (см. сс. 86-88). Благодаря спецификации значения "Толкать", конкретизирующей один из его функциональных аспектов - "Вталкивать" / "Всовывать" - возникает семантический переход к смежным значениям "Основание"/"Низ", зафиксированных во французском, английском и русском языках.

Почти всегда присутствие в ядре значений "Бить"/"Толкать" соседствует со значениями "Кусок" / "Часть" / "Малый" / "Мелкий" / "Ничтожный", представляющих собой понятие результата по отношению к процессу. С другой стороны, преимущественно разрушительный эффект действий "Бить" / "Мять" сопровождается оценочным значением "Портить" или более узким "Пачкать". Кульминационная фаза подобного эффекта обычно выражена значениями "Опустошать" / "Поражать" / "Бедствие" / "Прекращать" / "Конец".

Мы уже отмечали, что различные аспекты осмысления явлений и процессов могут привести к появлению даже прямо противоположных понятий в пределах одного семантического пространства. Таков пример семантики морфемотипа [M - Spir.], в которой наряду со значением "Малый" в четырех языках отмечено значение "Большой". Последнее может исходить из развития семантической цепочки "Бить" / "Дробить" -> "Множество".

Иной функциональный аспект действия "Бить" - "Забивать" / "Закрывать" и, шире, "Скрывать" / "Прятать" / "Заключать". Эту связь можно наблюдать в семантике морфемотипа [Guttur. - Spir.] так же в анализируемых языках, хотя присутствие этих последних значений не обязательно продиктовано только значением "Бить" (подробнее см. след. гл.).

Ядерное звукоизобразительное значение "Резать" с различными модификациями (например, "Разрывать"/"Раскалывать") способно порождать производные значения по уже рассмотренной модели "Бить" - "Множество", что подтверждается появлением в четырех языках аналогичных семантических цепочек у морфемотипа [V/F - Spir.]: "Резать" - "Изобилие"/"Расти"/"Увеличивать"/"Объемный" / "Большой".

Понятие "Объединения" объектов формируется на основе семантического развития значения "Хватать" / "Сжимать", которое переосмысливается в производные "Связывать" / "Скручивать". Последние, в свою очередь, могут получать последующее расширение по различным направлениям: "Связь" (в абстрактном смысле, например, родственная), "Обездвиживать" / "Останавливать", "Укреплять" и т.д.

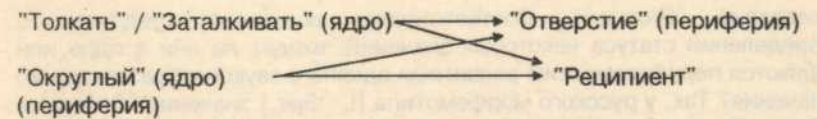
Характерное для звука [L] звукоизобразительное значение "Лизать" естественно перетекает в сходные "Гладить" / "Полировать", которые связываются со смежными "Гладкий" / "Блестящий". Подобная семантическая цепочка замечена у морфемотипа [L - Spir.] во французском, английском и русском языках.

Приведенные выше семантические цепочки-модели, соответствующие определенным морфемотипам четырех языков, могут появляться и у других не рассмотренных здесь морфемотипов и в других языках. Это еще раз подтверждает дуалистический закон взаимосвязи формы и содержания: "комбинаторная схема может допускать соотношение одного и того же набора фонеморфологических элементов с различными (сменяющимися) звеньями семантического спектра и, с другой стороны, соотношение одних и тех же элементов семантического спектра со сменяющимися звеньями фонеморфологического спектра" [Маковский, 1988, с.36].

4.2.2. Амбивалентные связи в пределах фоносемантического пространства.

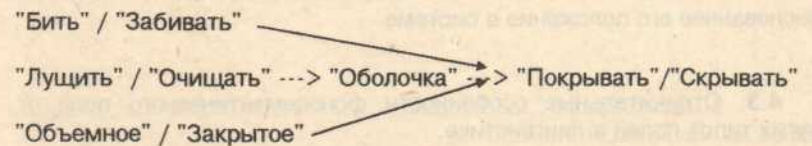
Установление семантического перехода от какого-либо одного деривационного значения к производному зачастую не отражает всего разнообразия связей, что, разумеется, сказывается на объективности описания языковой реальности. Вместе с тем, в исследованных фоносемантических пространствах нередко встречаются значения (как полевые, так и лексические), связанные с двумя и даже более выделенными у морфемотипа семантическими полями. Подобные пересечения возможны и между ядерными звукоизобразительными, и между периферийными и ядерными, и между самими периферийными значениями. Поэтому направленность перехода оказывается более обоснованной только в отношении типа связи "ядро - периферия". Что же касается типов "ядро - ядро" или "периферия - периферия", то здесь направленность может формулироваться лишь условно с большей или меньшей степенью вероятности.

Приведем некоторые примеры такой амбивалентности. Рассматривая фоносемантическое пространство морфемотипа [B/P - Spir.], можно заметить, что полевое значение "Реципиент" может быть развитием периферийного "Отверстие", как уже было сказано. Однако, с другой стороны, это же значение тесно связано с ядерным понятием "Округлый", которое может оказаться деривационным и для "Отверстия". Таким образом, схема связи этих значений приобретает следующий вид:

Значение "Большой" может быть результатом семантического развития "Дробить" - "Множество" - "Большой". Однако присутствие в том же семантическом пространстве значения "Сильный" дает возможность для новой мотивированности: "Бить" - "Сильный" - "Большой".

Аналогичным образом выстраиваются взаимосвязанные семантические цепочки с периферийным значением "Покрывать" / "Скрывать", которое может исходить с одной стороны от звукоизобразительного "Бить" / "Забивать", а с другой - от периферийного "Оболочка", так же присутствующего в этом семантическом пространстве. Можно предположить и еще одну связь рассматриваемого значения, тесно соприкасающегося со специфическим звуко-символическим значением гуттурального [K] в морфемотипе [K/G - Spir.], а именно "Объемное" / "Закрытое", которое само по себе имплицитно семантику "Покрывать" / "Скрывать". Обобщенная схема связей представляется следующим образом:

В таком же тесном соседстве, как и периферийные значения, находятся и звукоизобразительные, образующие ядро фоносемантического пространства. Их общее единство обусловлено, как мы отмечали, отношением к определенной формальной структуре (морфемотипу), элементы которой способны реализовать некоторый первичный набор звукоподражательных и звуко-символических понятий. Однако внутри ядра следует выделять однопорядковые и разнопорядковые значения. К последним относятся такие, которые являются реализацией различных аспектов символизации звуковой формы: например, I) "Резать"; II) "Кусать"; III) "Кашлять"; IV) "Бить" и т.д. - для морфемотипа [K/G - Spir.]. Однопорядковые значения отражают вариации какой-либо одной семантической сферы: например, "Бить" / "Толкать" / "Бросать" / "Падать" / "Качаться" / "Трясти" и т.п. Семантический континуум, создаваемый этими значениями, довольно трудно поддается четкому структурированию, т.к. связи между ними могут толковаться и через отношения сходства ("Бить" = "Падать" на основании сходства звукового эффекта действия), и через отношения смежности ("Бить" является причиной, вызывающей

следствие "Падать"). Соответственно возникает трудность в определении статуса некоторых значений: входят ли они в ядро или являются периферическим развитием ядерного звукоизобразительного значения? Так, у русского морфемотипа [L - Spir.] значения "Лизать" и "Ползти" могут рассматриваться как:

1) ядерные разнопорядковые ("Лизать": лингвальная деятельность, символизируемая соответствующей фонемой; "Ползти": звукоподражание длящимся шумам или звукоименическое значение "Прохода", свойственные спиранту);

2) ядерные однопорядковые (оба значения сходны по признаку "Трение", т.е. характерного для обоих звукового эффекта);

3) ядерное "Лизать" и производное периферийное "Ползти" (как расширение первичного значения "Проводить языком по поверхности" до "Продвигаться по поверхности". Однако, учитывая сопутствующий звуковой эффект действия "Ползти", вероятнее всего все же его звукоизобразительный, т.е. ядерный статус.

Множественность толкований семантических переходов в пределах фоносемантического пространства ни в коей мере не наносят ущерб истинности существования взаимосвязей между полями. Напротив, они утверждают многосторонний и разнонаправленный характер зависимости между составляющими этого пространства. Чем большее количество связей-мотиваций имеет значение, тем обоснованнее его положение в системе.

4.3. Отличительные особенности фоносемантического поля от других типов полей в лингвистике.

Полевой подход получил широкое распространение при описании системных закономерностей языка. Принцип поля предполагает группирование некоторого множества объектов на основании общего для них признака, что, как мы рассмотрели выше, относится и к принципу классифицирования. Поле представляет собой результат классифицирования, отражая понятийное, предметное или функциональное сходство рассматриваемых явлений. Объединение элементов (например, лексик) по общему семантическому признаку образует семантическое поле, которое включает в себя формально различающиеся единицы, реализующие в той или иной степени сходное содержание.

В отличие от семантического поля, строящегося на парадигматических отношениях, а следовательно, на отношениях сходства, синтагматическое поле описывает взаимосвязь элементов на основе их семантической совместимости или смежности (например, "хватать" - "рука", "нюхать" - "нос", "рыть" - "яма" и т.д.). При этом формальная сторона объединяемых единиц также обходится вниманием.

Фоносемантическое поле построено на принципе единства как содержательного, так и формального. В этом смысле оно является развитием и углублением концепции морфосемантического поля П.Гиро [Guiraud, 1967], которое характеризуется объединением слов, имеющих общий этимон (с.125). Соответственно, сохраняется тождество корневой морфемы при взаимосвязанных означаемых ее производных. Более того, проведя детальное и системное исследование вокалических чередований в морфемах-этимонах, автор устанавливает явные семантические параллели между полями морфем сходного консонантного состава (Chik - Chok, Tik - Tok, Crik - Crok и т.д.), а также предполагает первичность их звукоподражательной семантики по отношению к другим значениям, входящим в морфосемантические поля.

Основываясь на положении об изначальной звукоизобразительной мотивированности языка и изучив вариативные возможности вокалических и консонантных компонентов морфем в отношении к их семантическим реализациям, мы встали перед необходимостью более широкого обобщения сравниваемых морфологических структур. В формальном аспекте фоносемантическое поле, в отличие от морфосемантического, характеризуется общностью морфемотипа, т.е. инварианта, допускающего вариативность консонантных элементов в пределах фонемотипа и практически свободную вокалическую вариативность. Такая модель существенно раздвигает диапазон вовлекаемых в поле лексических единиц и к тому же, как нам кажется, позволяет опуститься до глубины протокорней в этимологии. При этом достаточно высокий уровень абстрагирования, к которому относится морфемотип, отнюдь не допускает открытости его семантической системы или произвола в ее толковании. Напротив, складывающиеся в процессе исследования лексические агломерации с определенным общим семантическим признаком "притягивают" все новые и новые лексемы, значения которых невозможно было бы интерпретировать изолированно вследствие затемненности их внутренней формы. Подобному явлению аттракции уделяется внимание и самим П.Гиро, и в работах Г.С.Щура, М.М.Маковского, В.В.Левицкого, которые усматривают в нем механизм стабилизации формально-семантического единства в языке.

На наш взгляд, процесс этот можно интерпретировать и другим образом. Если традиционно считается, что существующие на определенном языковом этапе группировки слов, объединенных общностью формальной структуры и семантического содержания, "притягивают" лексемы со сходной содержательной или формальной стороной, "выравнивая" отличающуюся сторону в соответствии с доминантной моделью, то, исходя из положения о потенциальных семантических возможностях фонемотипов, можно предположить, что образовавшиеся из них комбинации сами "прилагаются" к определенным участкам семантического континуума, в рамках которых они

прогрессивно наращивают количество и качество производных единиц. Представляется, что последняя интерпретация касается генетического механизма образования лексических аггломераций, или полей, характеризующихся формально-семантическим единством; первая же относится к механизму коррекции формы или содержания, искаженных под действием различного рода интра- и экстралингвистических факторов.

С точки зрения содержания, фоносемантическое поле отличается от всех вышеперечисленных типов полей сложностью и динамичностью своей структуры. Если лексико-семантическое поле объединяет значения на основе их сходства между собой, разрабатывая микроструктуру определенного семантического фрагмента языка, а синтагматическое - сосредоточивается на отношениях смежности, сосуществовании значений, то фоносемантическое поле строится на тех и других, равно участвующих в становлении и развитии языковой семантики.

Для иллюстрации этого положения рассмотрим микроструктуру одного из фоносемантических полей морфемотипа [L-Spir.] в английском языке.

1) Lace -	N 1) кружево; 2) шнурок, тесьма; V 1) шнуровать; 2) отделять, украшать кружевом; 3) бить, хлестать, стегать.
2) Lash ₂ -	V 1) связывать; привязывать, закреплять.
3) Lasso -	N лассо, аркан; V ловить арканом.
4) Leash -	N 1) свора, привязь; 2) охот. трое, тройка; 3) силос, западня, ловушка; V 1) соединять, связывать; 2) держать на привязи; 3) диал. хлестать, стегать.
5) Legend -	1) легенда; 2) надпись (на монете, медали); 3) объяснение условных знаков; 4) уст. житие.
6) Legible -	1) разборчивый, четкий; удобочитаемый; 2) понятный.
7) Legion -	легион
8) Lesson -	1) урок, занятие; 2) урок предостережение; 3) публичное чтение, лекция; 4) церк. отрывок из священного писания.
9) List -	список, перечень.
10) Lodge -	1) домик; сторожка; будка; 2) охотничий домик; 3) палатка индейцев, вигвам; 4) хатка (бобра).
11) Logic -	логика, логичность.

Лексические значения лексем 1) - 4) явно объединяются архисемемой "связывать". При этом, естественно, каждая характеризуется своими дифференциальными семантическими признаками. *Lace* обозначает субъект связывания и само действие связывания или

плетения. Помимо этого, присутствует и звукоизобразительное значение "бить, хлестать, стегать", индуцируемое консонантной структурой морфемы ([L] - "гибкий"; [S] - "свистящий звук"). Аналогично, на субъект связывания указывает и *Lasso*. Наконец, лексема *Leash* группирует в своем значении и лексико-семантический вариант "соединять, связывать", и "результат связывания", и звукоизобразительную специфику.

Лексеммы 5) - 11) представляют по своей семантике в основном метафорическое переосмысление инварианта "связывать" (за исключением *Lodge*, обозначающего результат связывания). Так, родственные NN 5), 6), 8) содержат идею чтения, которое в свою очередь предполагает связывание букв в слоги и последних - в слова. *Legion* имплицитно семантический перенос "связанность" - "единство", а *List* - "связанность" - "последовательность", что так же относится и к значению *Logic*.

Таким образом, очевидно, что все перечисленные лексеммы, так или иначе различаясь своими дифференциальными семантическими признаками, подпадают под архисемему "связывать". Само же значение "связывать", как мы увидели, находится в тесных взаимоотношениях со звукоизобразительным "бить, хлестать, стегать".

Для межъязыкового сопоставления микроструктур одноименных фоносемантических полей можно привести лексемную группировку с архисемемой "связывать" в арабском языке:

1) Lajja -	1) проявлять настойчивость, упорство; настаивать; 2) быть назойливым; надоедать; 3) давить, тяготить, мучить;
2) Lajama -	1) шить, тачать; 2) взнудывать, обуздывать.
3) Lahha -	быть близким (о родстве); alahha - настаивать; проявлять настойчивость, упорство.
4) Lahaza -	1) смотреть, глядеть; замечать; 2) блюсти, соблюдать.
5) Lahafa -	1) покрывать одеялом; 2) приставать; проявлять настойчивость.
6) Lahiqā -	1) догонять, настигать; 2) заставить, захватывать; 3) выпадать на долю; 4) постигать, поражать, охватывать; 5) примыкать, присоединяться; 6) держаться, следовать; 7) быть присущим, принадлежать; 8) сделать раньше.
7) Lahama -	1) чинить, латать; соединять, скреплять; 2) спаивать, сваривать (металл); 3) заживать, (о ране); 4) снестать (о ненависти); 5) быть убитым.
8) Ladi'a -	1) приставать, привязываться; 2) твердо держаться.
9) Lazza -	1) соединять, связывать, скреплять; 2) сжимать, уплотнять; 3) вынуждать, принуждать.

- 10) Lazima - 1) быть нужным, необходимым; 2) надлежать, следовать; требоваться; 3) быть неразлучным; 4) логически вытекать.
- 11) Lassama - 1) чинить на скорую руку, подправлять; 2) делать кое-как.
- 12) Ladama - 1) нанизывать на нитку; 2) вдевать нитку.

Значение "связывать"/"соединять" эксплицитно присутствует в NN 2, 6, 7, 8, 9, 12. Следует отметить, что оно скорее всего происходит из ядерного звукоизобразительного "липнуть", представленного в арабском морфемотипе [L Spir.] 7-ю лексемами. Поэтому NN 1, 3, 5, 11 являются метафорическим переносом "липнуть" - "приставать"/"привязываться". Отсюда же перенос в N 4 "смотреть, глядеть, замечать" (привязываться взглядом) и "блюсти, соблюдать" (быть привязанным к обязательствам, закону и т.д.). Аналогичное метафорическое переосмысление находим и в N 10.

Итак, можно констатировать, что морфемотип [L Spir.] в английском и арабском языках (а также по результатам исследования и во французском) имеет в своей семантической системе фоносемантическое поле "Связывать". Различаясь по источнику его возникновения (в английском предположительно от "Гибкий", а в арабском - от "Липнуть", сопоставленные одноименные поля характеризуются единством лексики в формальной и семантической структурах.

Важнейшая особенность фоносемантического поля, отличающая его от всех вышеперечисленных типов полей, - это его взаимосвязь с другими фоносемантическими полями, входящими в семантику того же морфемотила, и формирование фоносемантического пространства с центробежной полевой структурой. Образующие ядро звукоизобразительные значения, ингерентные фонической структуре морфемотила, индуцируют появление периферийных полей, последние, в свою очередь, порождают поля следующей периферийной зоны и т.д. Замечено, однако, что число периферийных зон в фоносемантических пространствах, рассмотренных нами морфемотипов, в четырех языках не превышает пяти. Если вспомнить о "правиле шести шагов" Ю.Н. Караулова, согласно которому "расстояние между двумя произвольно выбранными словами [...] не превышает шести шагов, т.е. пяти промежуточных слов, через которые и устанавливается связь двух исходных" [Караулов, 1981, с.231], то напрашивается аналогия между уровнем словарных значений и уровнем архисемем. Похоже, что в фоносемантическом пространстве действует то же правило, но только примененное уже к периферийным полевым зонам, т.е. к ступеням отдаленности от ядра. Присутствие этой закономерности красноречиво свидетельствует о тесной и неразрывной связи семантических элементов периферии с ядром, а, следовательно, и

всего фоносемантического пространства с формальной структурой морфемотила.

Макроструктура фоносемантического пространства, так же, как и микроструктура составляющих его фоносемантических полей, варьирует в своем объеме (количественном составе входящих архисемем или семем) и во внутрисистемных связях своих семантических элементов. В разных языках один и тот же морфемотип проявляет одноименные фоносемантические поля различной лексемной наполняемости. Как ядерные, так и периферийные значения могут присутствовать в одном языке и отсутствовать в другом. Некоторые значения ядерного комплекса могут не получать своего периферийного развития, так же, как периферийные поля могут не породить связей с последующей зоной. Тем не менее, вариации, демонстрирующие разнообразие типологических структур фоносемантических пространств в различных языках, не отвергают универсальности самого принципа моделирования семантики морфемотила.

5. Теория фоносемантического поля и философские проблемы языка.

5.1. Философская концепция имени у А.Ф. Лосева.

До сих пор мы рассматривали фоносемантическое поле, основываясь на семиотических, психологических и лингвистических позициях. Представляется, однако, что данные, полученные нами эмпирическим путем, и сложившаяся концепция фоносемантического поля позволяют пролить свет на извечные философские проблемы природы и сущности языка, его отношения к мышлению, его системы и структуры. Все эти и многие другие проблемы философии, как в фокусе, пересекаются на основополагающем вопросе о соотношении материального и идеального, что применительно к языку разрабатывается в плане категорий имени и значения, а также их отношения к действительности.

На наш взгляд, положения, выведенные для теории фоносемантического поля, могут быть сопоставимы с философскими основаниями А.Ф. Лосева, которые содержатся в его работах "Философия имени" [1993, сс. 613-801; далее ФИ] и "Вещь и Имя" [1993, сс. 802-880; далее - ВИ]. С помощью диалектического метода, призванного быть "системой закономерно и необходимо выводимых антиномий и синтетических сопряжений всех антиномических конструкций смысла" [ФИ, с.616], ученый детально анализирует составляющие имени как фонематической оболочки и как смысловой единицы. Было бы излишним в нашем исследовании заниматься интерпретацией всего последовательного изложения концепции А.Ф. Лосева. Поэтому мы ограничимся лишь необходимыми моментами его теории, перекликающимися с логикой и выводами нашей работы.

* Смысл, вкладываемый А.Ф. Лосевым в сам термин "имя", необычайно широк и не всегда привычен для языковедов. В большинстве случаев "имя" выступает как емкая философская категория, подразумевающая "энергию сущности предмета [ФИ, с. 743]. В свою очередь, "энергия" мыслится как воплощение сущности в инобытии и рассматривается как движущая сила многоступенчатого процесса: "имя есть та смысловая стихия, которая мощно движет неразличимую Бездну к Числу, Число к Эйдосу, Эйдос к Символу и Мифу" [ФИ, с. 745]. Сам Человек и окружающая его действительность - это различные проявления Имени (с. 746). Совершенно очевидно поэтому, что понятие "имени", по Лосеву, стоит выше собственно человеческого Слова, которое так же, как и человеческий субъект, организовано по тем же принципам, что и Имя. Имя в виду религиозно-философский характер лосевской концепции, процесс именованья в самом обобщенном смысле можно свести к ипостасям Святой Троицы: Бог-Отец (первичная сущность), Бог-Дух Святой (энергия сущности), Бог-Сын (воплотившаяся сущность). Представляется, однако, что цитируемые далее места относятся именно к человеческой языковой деятельности (об этом свидетельствуют специфические для нее категории: "звук", "фонема", "предложение", "речь" и т.д.).

Поскольку имена служат для называния вещей, то следует, с одной стороны, разграничить эти две категории, а с другой - установить между ними момент тождества. Вещь, по А.Ф. Лосеву, трактуется как "некая определенная самоутвержденность, самоположенность" [ВИ, с.812], что подразумевает ее изначальную "внемысленную, внеощутительную, вне-восприимательную данность" (с.813). Однако, это не означает, что она, наподобие кантовской "вещи-в-себе", непознаваема. Это означает только то, что вещь занимает внешнее положение по отношению к мыслям, ощущениям и восприятию субъекта. Интериоризация вещи возможна только при посредничестве имени. Таким образом происходит общение между субъектом и вещью на арене сознания. Сознание, будучи само по себе аморфно и алогично, является почвой для произрастания имени. Аналогичным образом, и вещь представляет собой продукт идеальной смысловой стихии, или воплощение некоего смыслового проекта. В связи с этим вырисовывается параллельная корреляция между внутренним и внешним на двух планах: объективной действительности (вещь и ее смысл внеположны субъекту) и субъективной деятельности (имя и его смысл внутривположны субъекту). Сознание, следовательно, выступает коррелятом внеположенной смысловой стихии, и имя - объективной вещи. Так или иначе мы опять встречаемся здесь с теорией отражения, но, в отличие от известного ленинского принципа, трактующего сознание как отражение объективной действительности, мы говорим о проекции смысловой стихии (внешнего) на сознание (внутреннее) и, соответственно, вещи (внешнего) на имя (внутреннее). Смысл вещи так же выделяется из неформленной смысловой стихии, как значение имени - из стихии сознания. Имя, таким образом, устремляется к вещи и ее смыслу.

"Имя относится не только к смыслу вещи, но и к существу ее, не только к ее смысловым признакам вообще, но именно к существенным, к существенно-смысловым ее признакам..." [ВИ, с.818]. Существо вещи непознаваемо, т.к. оно дано до смысла, не имеет никакого оформления, а, следовательно, признаков. Образно можно было бы представить существо как точку, семя в смысловой стихии, потенциально заключающее в себе энергию развития и будущую структуру смысла с определенными смысловыми признаками. Вещь проявленная, воплощенная оформляется в соответствии с этими признаками, которые и служат мишенью для устремляющегося к вещи имени.

5.2. Морфогенез и компоненты внешней структуры имени.

Будучи, как мы выяснили, коррелятом вещи, имя в проявленном состоянии обладает субстанцией и формой. В качестве субстанции выступает звук, но не звук вообще, а *артикулируемый специальными речевыми органами*. Формой является качество звука, результирующее из того или иного способа его артикуляции. Субстанция имени может содержать тождественный момент с субстанцией вещи (=звукоподражание), и, соответственно, форма имени отождествляется с формой вещи. С другой стороны, субстанции имени и вещи могут иметь различную природу. Для сохранения адекватности корреляции между именем и вещью остается момент тождественности их форм, или признаков (= звукосимволизм).

Для А.Ф.Лосева, четко разграничивающего чисто фонематическое значение имени (совокупность определенных звуковых явлений) и не фонематическое, особое значение, относящееся к сфере смысла, видимо, не столь важно, *каким образом* сопрягаются эти две разноприродные категории. Ученый вводит термин "семема", обозначающий сферу значимости имени и заключающий в себе и фонематическое, и не фонематическое значения: "семема наделяет фонему *особыми* значениями, уже не имеющими никакого отношения к фонеме как таковой" [ФИ, с.633]. Важен сам момент перехода из одной ипостаси значения в другую.

Продолжая поэтапное описание семематических уровней имени, А.Ф.Лосев выделяет этимный, морфематический, синтагматический и пойематический слои в семеме, объединяемые в *символическое единство семемы* вообще. Все эти типы семемы относятся к формальной, звуковой стороне имени. Уровни развития в общем соответствуют традиционной лестнице: корень - словообразование - словосочетание - текст. Каждый последующий уровень является воплощением вариационных возможностей предыдущего. Каждый последующий получает большую формальную протяженность, по сравнению с предыдущим. В соответствии с этим вытаскиваются и все новые грани смысла.

Сама логика лосевского анализа требует непрерывной последовательной связи между фонемой и приведенными выше уровнями. По определению ученого, этимон - это "та элементарная звуковая группа, которая наделена уже определенным значением, выходящим за пределы звукового значения как такового" [ФИ, с.633]. Очевидно, что этимон выступает как сложная комбинированная единица, и далее комбинаторный принцип утверждается на каждом последующем уровне. Поскольку этимон составлен из фонем, следует обратиться к самому понятию фонемы у А.Ф. Лосева. И в этой части мы сталкиваемся с определенными трудностями. Для автора, фонема - это и "членораздельный звук, издаваемый голосом человека", и "определенная совокупность таких звуков, произносимых человек-

ким голосом, определенная объединенность их в цельные и законченные группы" (с.с. 631-632). Другими словами, это единица и комбинация единиц одновременно, что кажется явным противоречием. Несмотря на то, что философ апеллирует к "традиционной", в его понимании, трактовке фонемы, здесь не просматривается абстрактный инвариантный статус единицы звукового строя языка в оппозиции к ее конкретным реализациям - аллофонам. А это, в свою очередь, неизбежно ведет к смешению сущности и явления - фундаментальным категориям, на которых и построена вся философская концепция имени у А.Ф. Лосева.

Итак, приходится вернуться к моменту оформления звуковой субстанции имени. Поднимаясь по лестнице восхождений, конкретный звук-аллофон объединяется с подобными себе по тем или иным признакам другими аллофонами, образуя абстрактный инвариант - фонему. Аналогичным образом, фонемы образуют единства высшего порядка - фонемотипы. Существуют ли более обобщенные целостные величины, пока не ясно. Но уже и логически и эмпирически достоверно, что на шкале проявленности есть промежуточная ступень между неформальной звуковой субстанцией и фонемой: **фонемотип**.

Как вытекает из нашего исследования фоносемантического поля, комбинирование касается не только единиц фонемного уровня, но и фонемотипов, что образует над-морфемный слой - **морфемотип**. По своему статусу он как будто бы напоминает лосевский "этимон": "в этимоне мы имеем первоначальный зародыш слова уже как именно слова, а не просто звука" [ФИ, с.633]. Однако роль скоро этимон является причиной для слова, то морфемотип оказывается на более высокой иерархической ступени, каузируя формирование этимонов. Если согласиться с термином "этимон" в определении А.Ф. Лосева (хотя его перевод с греческого - "истинный смысл" - больше согласуется с содержательной сферой, нежели с формальной), то в целях терминологической гармонизации мы предлагаем для данной классификации заменить термин "морфемотип" на равнозначный - "этимема". Таким образом, **этимема служит инвариантом, объединяющим различные варианты этимонов**.

Морфема продолжает процесс оформления имени, являясь следующей ступенью после этимона, который становится инвариантом для морфемных вариаций, с одной стороны, и комбинационной единицей (при слиянии двух или более этимонов в одну результирующую морфему), с другой. На этом этапе, кроме того, происходит выделение функционального и позиционного статуса этимонов, преобразующихся в знаменательные и служебные морфемы, которые

* Членораздельные звуки, фонемы рассматриваются А.Ф.Лосевым только со стороны их положения на ценностной лестнице смыслов, поэтому представляют собой для автора один из семематических слоев. Нас же интересует в данном случае конструктивный аспект звуковой субстанции и этапы поглощения формы.

и определяют в конечном счете форму совершенного имени. В итоге процесс воплощения имени с точки зрения его внешней структуры осуществляется через следующие стадии:

- 1) Нерасчлененная звуковая субстанция.
- 2) Фонемотип.
- 3) Этимема.
- 4) Фонема.
- 5) Этимон.
- 6) Морфема.
- 7) Имя.

Выделенные типы структур, предшествующие имени, следует рассматривать не только как стадии морфогенеза, но и как слои, включенные в звуковую композицию имени.

5.3. Семемогенез и смысловая структура имени.

Описывая семематическую структуру имени, т.е. уровни его значений, А.Ф.Лосев выделяет *символический слой семемы*, который включает фонематический, этимный, морфематический, синтагматический и поиматический моменты, относящиеся к внешнему, звуковому плану слова. Через все эти моменты смысл получает прогрессирующее оформление. Объединяясь в некоторое целое, они образуют, по терминологии ученого, "первое символическое единство", или "первый симболон" - "индивидуальная картина значения слова в его данном, индивидуальном, временном и случайном положении среди других слов и в его данном в сию минуту положении и состоянии" [ФИ, с.635]. Иными словами, это актуализированное значение слова в тексте. Все возможные варианты актуализации значений слова поддаются, в свою очередь, объемлющему их обобщению, называемому автором "полным и общим символическим единством", или "вторым симболоном": "второй симболон в семеме - есть общее значение слова, *in potentia* содержащее в себе все возможные и мыслимые отдельные значения этого слова в разнообразных и, быть может, бесчисленных, но по характеру своему все же вполне определенных моментах времени и места" [ФИ, с.635].

Дав определение второму симболому, А.Ф. Лосев предостерегает от смешения его с этимоном, т.к. последний есть "абстракция, взятая из живого слова, и он общ всем формам данного слова *именно* как абстракция" [ФИ, с.636]. Но и сам второй симболон уже представляет собой определенную абстракцию по отношению к охватываемым им актуализированным значениям. Следовательно, если рассматривать эти отдельные, конкретные значения как явление, то второй

симболон будет занимать предыдущую, по отношению к ним, ступень на "лестнице проявленности" смысла, что, очевидно, соответствует уровню морфемы на шкале формальной воплощенности имени. В самом деле, именно морфема концентрирует *in potentia* все возможные значения, которые возникают в сформированном и употребленном в конкретных условиях слове.

Второй симболон для А.Ф. Лосева оказывается последним моментом в символическом слое семемы, связанном со звуковой оболочкой имени. Однако, по убежденности автора, подлинная сущность имени лежит за пределами этого слоя, освобожденная от фонематической скованности. Так, философ приходит к понятию "ноэмы", определяемой как "понимаемая предметность, понимание предметности, взятое как смысловой снимок с понимающих актов, необходимых для перенесения данного предмета в сферу понимания вообще" [ФИ, с.640]. На этом этапе происходит приближение к сущности вещи, но уже без посредничества звуковой субстанции, ограничивающей полное понимание смысла данной вещи. Наконец, завершающим этапом, предполагающим полное формулирование смысла в имени, выводится "идея" - арена встречи "адекватного понимания с адекватно понимаемым" [ФИ, с.645].

Итак, по А.Ф.Лосеву, сущность вещи проецируется на имя. Сущность имени и есть сущность вещи. В символической семеме имени, т.е. в его звуковой структуре с соответствующими значимыми слоями, эта сущность (вещи) проявляется не полностью. Полнота охвата сущности достигается на более высоких ступенях абстракции, где сам речевой звук уже исчерпывает свои символические возможности. Напомним, что у А.Ф. Лосева артикулируемые звуки имеют только фонематическую значимость, т.е. указывают на сам факт звучания. Предметная сущность переводится на инобытийную сферу, или на звуковую ткань слова, благодаря воздействию на нее "световым излучением" вещи. При этом остается неясным, дана ли внешняя структура имени до явленной вещи и, соответственно, только пассивно отражает посланный на нее "смысловой свет", или данный смысл активно формирует, определяет звучание имени. Наше исследование свидетельствует именно о последнем решении проблемы. Поскольку сознание коррелятивно смысловой стихии, а имя - вещи, постольку становление смысла имени проходит аналогичные смыслу вещи стадии. Однако прежде, чем приближаться к смыслу вещи, нерасчлененная стихия сознания должна выделить определенные, пусть еще не четко оформленные сектора смысла развивающейся звуковой субстанции. На начальных стадиях развития звуковая и смысловая стороны зарождающегося имени неразличимо слиты в единое целое, поэтому для обозначения первичных "сгустков" звукосмысла целесообразно было бы ввести термин "*метафоно-семема*". Проще всего можно было бы представить себе эти единицы как физические элементарные частицы, обладающие потенциальной

энергией, т.е. способностью к взаимодействию. Упомянув об энергии, следует иметь в виду две ее разновидности, о которых пишет П. Тейяр де Шарден: "тангенциальную энергию, которая связывает данный элемент со всеми другими элементами того же порядка (т.е. той же сложности и той же "внутренней сосредоточенности"), и радиальную энергию, которая влечет его в направлении все более сложного и внутренне сосредоточенного состояния" [Шарден, 1987, с.61].

Очевидно, что метафоносемемы представляют собой элементарные частицы сознания, характеризующиеся "внутренней рассредоточенностью", или слабой радиальной энергией, т.к. их внутренняя смысловая структура пребывает пока в "размытом виде". Согласно гипотезе П. Тейяра де Шардена, величины радиальной и тангенциальной энергий находятся в обратно пропорциональной зависимости, откуда следует, что тангенциальная энергия метафоносемем будет высокой. Благодаря последней, метафоносемемы ассоциируются в сложные единства, получающие большую "внутреннюю сосредоточенность", т.е. большую смысловую оформленность. Этот новый тип единства можно было бы назвать "**архифоносемемой**", что определялось в нашем исследовании как "фоносемантическое пространство", а на шкале морфогенеза - как "этимема".

Кажущаяся неоправданной терминологическая избыточность тем не менее имеет свои серьезные основания. Каждый термин относится к своей системе описания, сосредоточенного на том или ином аспекте явления. Поэтому возникающий терминологический параллелизм - это не простая синонимичность, а стремление (опять же посредством имени!) охватить все возможные грани исследуемого объекта. В данном случае "архифоносемема" представлена в качестве ступени семемогенеза, "этимема" - соответствующего этапа морфогенеза, а "фоносемантическое пространство" - как межполевая семантическая система связей, являющаяся содержанием для морфемотипа (эмпирически установленной абстракции формальной структуры, относящейся к уровню "этимемы").

Уже на этапе метафоносемем появляется возможность общения сознания с вещью, точнее, с ее смыслом. Явленные смысловые признаки вещи, еще воспринимаемые в смутном, нерасчлененном единстве, вбираются сознанием в ту или иную зону образовавшегося слоя, и происходит "зачатие" будущего имени. Процесс восхождения познания к сущности вещи осуществляется далее через нисходящее воплощение имени, и из трансцендентных нечетко оформленных предыдущих состояний смысловая структура зарождающегося имени развивается уже в связи с его проявляющейся формальной структурой. Возможно, именно таким образом следует понимать лосевскую метафору "смысловой свет, освещающий, т.е. осмысливающий, звуки", подразумевая под звуками не конкретно артикулируемые единицы звучания, а фонемотипы - начальную ступень

расчленения звуковой субстанции. Однако и сам факт "освещения" еще не утверждает безликости и пассивности образовавшихся до-звуковых агломераций, т.к. они по своему назначению сами обладают тем или иным смысловым зарядом и могут принимать или не принимать направленное на них смысловое излучение вещи.

Новые звуко-смысловые образования - архифоносемемы - организуются в некую макросистему со взаимопересекающимися и не вполне еще очерченными "сферами влияния". На этой стадии признаковое пространство вещи подвергается первому огрубленному членению и первичному отбору выделенных признаков, трансформируемых сознанием в содержание этимемы. Следующие ступени становления смысловой структуры имени касаются выявления новых, более определенных единств в рамках метафоносемем и, далее, архифоносемем, в соответствии с прогрессирующим осознанием смысла вещи. По мере дифференциации фонемотипа на фонемы, осуществляется и филиация метафоносемемы на **фоносемемы**, что последовательно ведет к вычлениению из архифоносемемы **этимосемем** (во внешней структуре это - движение от этимемы к этимонам).

Если на предыдущих стадиях звуковая субстанция осмысливала самое себя, подготавливая почву для пересадки предметного смысла и, наконец, получив возможность локализовать некую часть смыслового целого вещи, представленного еще слабо расчлененной совокупностью явленных предметных признаков, то в фоносемеме группируются уже отдельные признаки, наиболее существенные для вещи. **Фоносемема**, таким образом, представляется как набор взаимосвязанных семантических признаков, частично коррелирующих с признаковым пространством вещи, и являющихся для нее наиболее существенными.

Вещь дана сама по себе, не изолированно, а в связях с другими вещами, что, разумеется, предполагает более полное определение ее смысла по отношению к смыслу других вещей. Поэтому дальнейший этап семемогенеза имени состоит в отражении обобщенных связей между смыслом данной вещи и "окружающими" его смыслами других вещей. Этот шаг запечатлевается в **этимосемеме**. По своему характеру **этимосемема** приближенно соответствует статусу введенной в наше исследование категории "фоносемантическое поле". Отличие может касаться только объема включенных в них смысловых связей, что зависит прежде всего от определения внешней структуры этимона. Чем более ригидна и протяженна форма этимона, тем меньше охват смыслового "окружения", осуществляемый этой формой, и, наоборот, чем гибче и компактнее форма, тем шире радиус ее семантической "территории".

Как мы уже отмечали, лосевский "полный симболон", или "полное и общее символическое единство семемы" получает свое оформление уже на уровне морфемы, т.к. морфема и предполагает различные

судьбы имени, реализующиеся путем определенных вариаций ее собственной структуры, с одной стороны, и комбинирования с элементами того же порядка (морфемами), с другой. В этой связи следует, однако, вспомнить, что у А.Ф. Лосева проводится четкое различие между "полным симолоном" и "первым симолоном", где последний подразумевает конкретную актуализацию потенциальных семантических возможностей первого. Другими словами, "первый симолоном" представляет собой выбор из определенного множества семантических элементов, образующих целое "полного симолона". Выбор этот определяется положением данного слова среди других слов в предложении, т.е. в новой формации, относящейся уже к уровню речи, не языка. Таким образом, "первый симолоном" является одним из явленных смысловых воплощений имени, проистекающих из подготовленного в языке соответствия между окончательно сформированным именем (звуковой оболочкой) и его потенциальным семантическим набором. Но поскольку актуализация имени требует предварительно завершения его формального и семантического конструирования на языковом уровне, постольку неизбежно постулирование последней ступени семантического становления имени, следующей за морфематической ступенью. И здесь мы вынуждены избежать введения терминов "полный симолоном" и "первый симолоном" в нашу семемогенетическую классификацию, т.к. они лежат в разных плоскостях (язык - речь) и, соответственно, не отразят иерархической последовательности в смысловом построении имени. Кроме того, сам А.Ф. Лосев приравнивает понятие "полный симолоном" к традиционному понятию "семема", имеющему в виду виртуальное обобщение конкретных речевых лексико-семантических вариантов слова.

Следуя нашему общему принципу описания семемогенеза имени в связи с его формальным поступенчатым воплощением, мы используем термин "**морфосемема**" для очерчивания смысловой сферы морфемы и, наконец, собственно "**семема**" для формулирования содержательной структуры сложившегося имени (здесь понятие "семемы" совершенно отлично от лосевской интерпретации и приближается скорее к традиционному определению термина). Если предшествующие семемогенетические стадии - фоносемема и этимосемема - оформляли смысл развивающегося имени в корреляции к общему признаковому пространству (фоносемема) и к обобщенным смысловым связям вещи (этимосемема), то **морфосемема** сужает оба эти аспекта, объединяя их в единое целое и выявляя *существенные признаки вещи и существенные для данной вещи смысловые связи с другими вещами*. Таким образом, стадия морфосемемы концентрируется на наиболее существенных для вещи сторонах, отражая дальнейшее продвижение познания к предметной сущности.

Все элементы объективной действительности обобщенно подразделяются на классы объектов, процессов и их признаков. Поэтому язык так или иначе стремится отразить принадлежность данной вещи к некоторому классу. Завершающий этап построения имени, следовательно, должен локализовать полученную ранее семантическую сферу в пределах того или иного класса, каждый из которых, в свою очередь распадается на подклассы (единичность, множественность, временные параметры, завершенность, незавершенность, степень интенсивности и т.д.). В результате морфосемемный уровень семемогенеза, охватывающий существенные признаки и смысловые связи вещи, получает дальнейшую корректировку языкового смысла вещи через процедуру его *категоризации как вида бытия, или бытийственной категоризации*. Это и является отличительным признаком *семемы* от морфосемемы.

Итак, подобно морфогенетическому развитию и параллельно с ним, семемогенез имени проходит такое же количество ступеней, отражающих этапы познания предметной сущности:

- 1) Нерасчлененное сознание.
- 2) Метафоносемема.
- 3) Архифоносемема.
- 4) Фоносемема.
- 5) Этимосемема.
- 6) Морфосемема.
- 7) Семема.

Все перечисленные стадии относятся к плану языка и характеризуются тенденцией к последовательному сужению и уточнению семантической сферы формирующегося имени. Вместе с тем, будучи различными по степени проявленности в языке, все смысловые уровни сохраняют свою значимость в имени и имеют возможность актуализации в речи. Смысловой потенциал, наработанный в языке, реализуется той или другой своей стороной в соответствии с погружением имени в различные среды: словосочетания, предложения, сверхфразового единства и т.д., где актуализированное значение зачастую сопровождается "шлейфом" коннотаций, которые так же всплывают из латентной смысловой структуры имени.

Разграничение А.Ф. Лосевым терминов "имя" и "слово" не всегда носит четко выраженный характер: иногда они выступают как синонимы, иногда Имя как проявление божественной сущности противопоставит "слову" как продукту человеческой деятельности. Со своей стороны, оставаясь в лоне лингвистики, мы предлагаем проводить различие, усматривающее принадлежность первого к сфере языка, а второго - к плану речи. Таким образом, слово представляет собой конкретную актуализацию имени в речи, а значит и реализованный вариант формальной и семантической структур имени, составленных из различных и тем не менее взаимосвязанных слоев.

Аналогично вещи, имя проходит через прогрессивно проявляющиеся стадии и получает истинное воплощение в виде речевого слова. Так же, как вещь выявляет свой смысл через факты - признаки, функции, отношения -, имя раскрывает свою сущность через признаки функции и отношения слова, через единство его формального и содержательного аспектов. И хотя сущность вещи не в состоянии быть полностью схваченной именем на уровне его сформированной звуковой субстанции, тем не менее, общая иерархическая смысловая структура имени оказывается в значительной степени тождественной смысловой структуре вещи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Владеть каким-либо языком - это не значит только усвоить его фонетические особенности, некоторый лексический фонд, синтаксические закономерности и прочие разделы, охватываемые нормативными учебными программами. Язык - это не просто код речевого общения. Являясь одновременно и продуктом мыслительной деятельности определенного этноса, и процессом, создающим и развивающим эту деятельность, язык, прежде всего, представляет собой код миропонимания, специфичного для данного этноса. Тезис о взаимосвязи духа народа и его языка был центральной темой лингвистической философии В. фон Гумбольдта: "духовное своеобразие и строение языка народа пребывают в столь тесном слиянии друг с другом, что коль скоро существует одно, то из этого обязательно должно вытекать другое" [Гумбольдт, с. 68]. Совершенно закономерно отсюда его пристальное внимание к форме языка как отражению тех общих и отличительных черт, которые и определяют духовное единство того или иного этноса. Первой и основной точкой опоры в изучении формы языка, по мнению ученого, является звук в его оформленном, т.е. членораздельном состоянии. Подобный же пафос характерен и для нашего исследования феномена фоносемантического поля.

Признание фонемы содержательной единицей языка влечет за собой целый ряд важных последствий. Одно из них - возможность системного изучения картины мира, закодированной в звуковых средствах того или иного языка. До сих пор подобная работа проводилась на базе фактов вторичной номинации. С введением в лин-

гвистику новой категории "фоносемантическое поле" открывается перспектива таких исследований на основе номинации первичной, тем более, что последние позволяют глубже проникнуть в закономерности образования понятий и вскрыть существенные связи между ними. Кроме того, в ракурсе фоносемантического поля и, шире, фоносемантического пространства удастся проследить всю динамику развития словотворчества - от истоков до современного состояния языка. Механизм развертывания фоносемантического пространства универсален для всех языков, и, как показало исследование, ядерные зоны одноименных пространств в различных языках так же обнаруживают много общего. Большие или меньшие отличия начинаются при выходе на периферию, что и обеспечивает своеобразие картины мира данного языка, а значит и модель мирозерцания данной культурно-языковой общности.

В этой связи банальная истина о пользе изучения иностранного языка получает новое подкрепление, поскольку помимо чисто практической ценности (накопление знаний, обмен информацией и т.п.), относящейся лишь ко внешней стороне языка, существует и более глубинная цель - формирование интеллекта. Овладевая новым языком, индивидуум вбирает в себя новое осмысление действительности, накладывая на уже заданную родным языком картину мира новую модель миропонимания. Это наложение, в свою очередь, способствует более широкому охвату смысла предметов, явлений, процессов и связей между ними, т.е. продвижению познания к их сущности.

Возможно, именно с этой стороны теория фоносемантического поля способна заинтересовать методистов иностранного языка, т.к. она позволяет показать язык изнутри, а сконструированные фоносемантические поля и пространства изучаемого языка при сопоставлении с родным послужат солидным базисом для адекватного классифицирования (а значит и усвоения) различных языковых единиц. Разумеется, наше предположение нуждается в специальной экспериментальной проверке, но уже при первом приближении можно заметить, что морфемотип как центральная фоносемантическая единица имеет шанс стать одной из мнемонических опор при обучении иностранному языку.

Трудно переоценить значение теории фоносемантического поля для этимологических исследований. Результаты, достигнутые в этой области, очевидно согласуются с общей идеей об исконной звуко-образительности языка, инвариантном статусе морфемотипа (составленного фонемотипами) в системном характере семантических "перетеканий", образующих фоносемантическое поле и, далее, пространство. Однако трудности, с которыми зачастую сталкиваются этимологи при толковании происхождения отдельных слов, объясняются скорее давлением традиционных стереотипов анализа, оперирующего разрозненными языковыми фактами и способного эффективно работать лишь "на малой глубине". Со своей стороны,

теория фоносемантического поля предлагает отработанный алгоритм установления фонетического и семантического родства слов, рассматриваемых исключительно по принадлежности к той или иной семье (полю) и так или иначе восходящих к звукоизобразительным протоформам. Изучив закономерности семантических переходов и вариативные возможности морфемотипов, этимолог получает ключ к разгадке многих проблем, не разрешимых прежними методами.

При анализе художественного текста и особенно поэтического произведения обращение к звуковой ткани помогает глубже погрузиться не только в эмоциональную тональность, но и в самые потайные уголки смысла прозаического или стихотворного целого. Имя в языке присутствует в связанном состоянии со всеми другими участками своей фоносемантической системы, поэтому, становясь словом конкретного поэтического текста соотносительно с другими словами, образующими "звуковую оркестровку" произведения, оно способно заставить "резонировать" неуловимые на поверхности смысловые пласты. Мастерски сотканная звуковая ткань текста открывает для исследователя широкие возможности для интерпретаций, иногда совершенно неожиданных, но безусловно относящихся к подсознательному уровню творца и читателя. Излишне говорить о необходимости комплексного и системного анализа всех составляющих художественного произведения: звука, ритма, синтаксиса, лексики, грамматики и т.д., в большей или меньшей степени участвующих в становлении его смысла (см. статьи Р.Якобсона по поэтике), однако подчеркнем, что именно звуковая структура поэтического или прозаического целого задает ту семантическую первооснову, которая затем филируется другими языковыми средствами.

Разработанная в настоящей работе концепция фоносемантического поля, разумеется, не исчерпывает всех проблем фоносемантики. Напротив, она ставит перед лингвистами и психологами новые вопросы, которые еще ждут своего разрешения. Так, например, до сих пор остается не выясненным семантический статус гласных фонем: в ракурсе нашего исследования им принадлежит вспомогательная роль конструктивных единиц, способных нести некоторые виды значений: "малый", "большой", "круглый", "глубокий" и др. Однако их свободная вариативность в пределах консонантного морфемотипа не дает пока оснований говорить об определенной приоритетной функции вокализма, что противоречит принципу целесообразности в языке. Предстоит еще изучить закономерности образования и развития однофонемных единиц языка, выражающих чаще всего грамматические значения. Поскольку начальный двухсложный морфемотип служит центральным смыслообразующим элементом имени, логично напрашивается необходимость исследования дальнейших его элементов, приводящих семантику имени к ее конечному состоянию.

Все эти и многие другие практические и теоретические перспективы, инспирируемые предпринятым нами исследованием, способны открыть новый этап в эволюции как языкознания, так и смежных с ним наук, фокусирующих свое внимание на важнейшем объекте познания - человеке.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ
 ФОНОСЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА МОРФЕМОТИПА
 [Spir - Lab.Plos (B/P)]

Русский:

I "ХВАТАТЬ":

- Хапнуть - 1. Быстро схватить. 2. Взять, присвоить незаконным образом.
- Хобот - 1. Вытянутая подвижная носовая часть морды. 2. Часть машины, механизма, по форме или функции (хватание) напоминающая вытянутый нос животного.
- Цапать - 1. Хватать зубами, когтями. 2. Схватывать, хватать (рукой).
- Цапка - Небольшая мотыга для рыхления почвы и выпалывания сорняков; сапка (см. Цапать).
- Цапля - Птица с длинной тонкой шеей, прямым заостренным клювом и длинными ногами (см. Цапать).
- Цеплять - Хватать, захватывать, ловить.
- Цопать - Хватать, цапать.
- Чапуги - Ручки плуга (объект хватания).
- Чапужник - Частый кустарник (см. Цеплять).
- Шабала - 1. Большая ложка, шумовка (функция хватания). 2. *прост. бран.* Пустой болтливый человек, пустомеля (буккальн. деят.).
- Щипать - 1. Защемлять пальцами кожу тела. 2. Вызывать ощущение боли, жжения. 3. Захватывая пальцами, дергать, тереть. 4. Изготавливать, расщепляя, раздвигая пальцами. 5. Отрывать, обрывать.
- Щепоть - 1. Три пальца, сложенные концами вместе. 2. Количество чего-л., обычно сыпучего, которое можно взять тремя пальцами (см. Щипать).
- Щепетильный - 1. *устар.* Галантерейный и парфюмерный. 2. *устар.* Придирчиво-педантичный, мелочный. 3. Изысканный, модный в одежде. 4. Строго, до мелочей.

* Римскими цифрами обозначены звукоизобразительные значения ядерного поля, арабские цифры со скобкой и буквенные обозначения показывают периферийное развитие ядерной семантики. Внутри звукоизобразительных рубрик встречаются и лексемы, не относящиеся к звукоизобразению, но находящиеся в непосредственной близости к нему либо по формальной, либо по семантической производности.

- Щипец - 1. *архит.* Верхняя часть торцевой стены здания, ограниченная скатами крыши. 2. охот. Морда (собаки, волка) (см. Щипать).
- Щупать - 1. Трогать рукой, пальцами. 2. Исследовать щупом. 3. Осторожно расспрашивать, выведывать (см. Щипать).
- Жаба₁ - Земноводное бесхвостое животное с бородавчатой слизистой кожей (функция хватания).
- Жаба₂ - *устар.* То же, что и ангина (признак "схватывать", "сдавливать").
- Жабры - Органы дыхания у рыб и некоторых других водных животных (функция хватания).
- Забота - 1. Беспокойная мысль о чем-л.; сосредоточенность мыслей на исполнении чего-л. 2. Внимание к потребностям, нуждам кого-л. ("охваченность" мыслью).
- Зуб - 1. Костное образование, орган во рту для схватывания, кусания.
- Зубрить₁ - Насекать зубья на чем-л., делать насечку (см. Зуб).
- Зубрить₂ - *разг.* Заучивать наизусть путем многократного повторения (см. Зубрить₁).
- Зябнуть - 1. Ощущать холод, страдать от холода. 2. *с.-х.* Повреждаться, пропадать от холода, вымерзать ("схватываться", "сковываться" холодом). *разг.* Чувствительный к холоду (см. Зябнуть).
- Зябь - Осенняя вспышка поля (см. Зябнуть).
- Цепенеть - Становиться неподвижным, скованным.
- Себя - Указывает на отношение действия к самому производителю действия ("принадлежность" <- "хватать").
- Собственный - Принадлежащий кому-л., чему-л. ("принадлежность" <- "хватать").
- Собака - Домашнее животное семейства псовых (функция "хватать", "кусать").
- Спасти - Уберечь, избавить от гибели, уничтожения, какой-л. опасности, беды ("хватать" --> "прятать", "спасать").
- Спор - 1. Словесное состязание. 2. Взаимное притязание на владение чем-л., разрешаемое судом. 3. Поединок, битва, единоборство ("хватать" --> "бороться").
- Спорый - 1. *разг.* Быстрый и успешный. 2. Удобный, подходящий (см. Спор).
- Суп - Жидкое кушанье ("хлепать" <- "хватать").
- Цеп - Ручное орудие для молотбы.

- Цыпка - прост. Курица, цыпленок ("клевать" <-- "хватать").
 Цыпленок - Птенец курицы (см. Цыпка).
 Цыпочки - Кончики пальцев ног (переход "курица" --> "клюв" --> "кончик").
 Чабер - Травянистое или полукустарниковое душистое растение ("цепляться" <-- "хватать").
 Чапельник - обл. Сквородник (функция хватания).
 Чепец - Легкий женский головной убор ("охватывать", "собирать").
 Шапка - Головной убор (см. Чепец).
 Чуб - Прядь волос, спадающая на лоб у мужчины (объект хватания).
 Шибай - прост. устар. Мелкий торговец-перекупщик (перен. "схватывать").
 Шпана - груб. прост. Хулиган, жулик, беспризорник ("хватать" --> "воровать").
 Супостат - 1. устар. Неприятель, противник, враг. 2. Негодяй, злодей ("хватать" --> "захватчик").

1) "Сосуд" / "Оболочка":

- Жбан - Сосуд в виде кувшина с крышкой.
 Жупан - Старинная верхняя мужская одежда у украинцев и поляков.
 Сапог - Род обуви с высоким голенищем.
 Хибара - разг. Небольшой убогий домик, лачуга.
 Цибик - устар. Ящик с чаем весом до двух пудов.
 Чеботы - устар. и обл. Башмаки, сапоги (+ зв/подр. "топать").
 Чепрак - 1. Наиболее толстая, плотная и прочная часть шкуры, покрывающая спину животного, из которой выделывают кожу для подметок или для технических надобностей. 2. Суконная или ковровая подстилка под седло лошади ("оболочка" --> "покрытие").
 Чубук - 1. Толстый стержень курительной трубки. 2. Сад. Виноградный черенок, используемый для посадки (+ "округлый").
 Шуба - 1. Верхняя одежда из меха или на меху. 2. Разг. Шерсть, шкура животного.

а) "Округлый" / "Полный":

- Зоб - 1. Расширенная часть пищевода у птиц, насекомых и моллюсков. 2. Опухолевидное увеличение щитовидной железы.
 Соболь - Пушной зверек семейства куньих.
 Сопка - Название холма, горы с округлой вершиной в Забайкалье и на Дальнем Востоке.
 Сопло - Часть трубы специального профиля.
 Спелый - Созревший, поспевший; зрелый ("полный" --> "готовый").
 Спесь - Чрезмерное самомнение, стремление подчеркнуть свою важность и превосходство перед другими ("полный" --> "важный").

2) "Связывать" / "Стягивать":

- Супить - разг. Хмурить (брови) ("стягивать" --> "сморщить", "сжимать").
 Супонь - Ремень для стягивания хомута.
 Цапфа - тех. Часть вала или оси, опирающаяся на подшипник (функция сцепления).
 Цепь - 1. Ряд металлических звеньев, продетых последовательно одно в другое (употр. для связи, подъема и т.п.)
 Шабер - обл. Сосед ("связь" --> "отношение").
 Шпаклевать - Замазывать особым составом щели и неровности какой-л. поверхности ("стягивать" щели).

3) "Быстрый":

- Спешить - 1. Торопиться. 2. Быстро идти, двигаться; стараться быстрее попасть куда-л.
 Спорый - см. выше.
 Шибкий - прост. Скорый, быстрый.

II "Бить" / "Дробить":

- Чебурахнуть - прост. С силой ударить, стукнуть.
 Шибать - прост. 1. Бросать, кидать. 2. Ударить. 3. С особой силой действовать на кого-л. (о запахе, вине).

Щебень - 1. Раздробленный камень или кирпич. 2. Осадочная рыхлая горная порода, состоящая из неокатанных остроугольных обломков.

1) "Ничтожный" / "Слабый":

Хоботье - 1. Мякина, солома, оставшаяся после веяния хлеба. 2. *прост. устар.* Пожитки, старье.
Чепуха - *разг.* То, что не имеет никакого значения; вздор, чушь.
Щуплый - 1. *разг.* Слабосильный, хилый, худой.

2) "Колебать":

Зыбкий - Легко приходящий в состояние движения, колебания // Неустойчивый, ненадежный.

III "Резать" / "Колоть":

Шабрить - Снимать шабером тонкие стружки металла.
Шпынять - *прост.* 1. Колоть, тыкать чем-л. острым. 2. Донимать, попрекая, выговаривая, поучая.
Щепать - Откалывать тонкими слоями.
Чубарый - С темными пятнами по светлой шерсти ("колоть" --> "пятнистый")

1) "Острый" / "Тонкий":

Зуб - см. выше.
Зубр - Дикий лесной бык ("рог" --> "острый").
Сабан - Деревянный плуг простейшего устройства.
Сабля - Холодное рубящее оружие.
Спина - Задняя часть туловища от шеи до крестца ("позвоночник" --> "тонкий").
Спичка - Тонкая деревянная палочка с головкой из воспламеняющегося вещества.
Шабер - Слесарный инструмент в виде стального стержня с остро заточенными режущими кромками.
Шип - 1. Колючий вырост на ветках, плодах. 2. Небольшой выступ на чем-л.

IV Зв/подр.: "Сипеть" / "Сопеть" / "Шипеть":

Сипеть - Издавать сиплые звуки.
Сопеть - Тяжело дыша, издавать носом свистящие, сиплые звуки.
Шебаршить - Шуршать, шелестеть.
Шептать - 1. Говорить, произносить очень тихо, шепотом. 2. Передавать какие-л. слухи по секрету, негласно. 3. Шепотом произносить наговор, колдовать.
Шипеть - 1. Издавать глухие звуки. 2. *разг.* Говорить шепотом или сдавленным голосом.
Шпарить - 1. *разг.* Обливать, обдавать кипятком. 2. Обжигать горячей жидкостью, паром ("пар" --> "шипеть").
Щебетать - Петь (о птицах).
Спать - 1. Находиться в состоянии сна (признак "сопеть"). Быть вялым, пассивным.
Сопля - *прост.* Слизь, вытекающая из носа (связь с "сопеть").
Жупел - Нечто, вызывающее страх, отвращение; пугало (первоначально: горящая (шипящая) сера или смола, уготованная в аду грешникам).

V "Рассыпать":

Сыпать - 1. Заставлять падать куда-л., во что-л., выпуская постепенно что-л. сыпучее, мелкое. 2. Бросать, разбрасывать что-л. сыпучее, мелкое. 3. Идти, падать (о мелком, частом снеге, дожде). 4. Направлять во множестве на кого-л.; щедро, в изобилии наделять. 5. Производить какое-л. действие, связанное с частыми, повторяющимися ударами, резкими звуками и т.п. 6. Стремительно бежать, мчаться.

ФРАНЦУЗСКИЙ:

I. "Просеивать":

Séparer - 3. Просеивать, сортировать.
Sable - Песок.

II. "Трясти":

- Sabouler - уст. разг. 1. Трясти, дергать, теревить. 2. Ругать, бранить.
 Soubresaut - 1. Резкий скачок; вздрагивание. 2. Потрясение.
 Spasme - Спазма, судорога.

1) "Отделять":

- Séparer - 1. Отделять, разделять. 2. Разлучать, разводиться.
 Spécial - Специальный, особый ("отделенный", "отдельный", "отличный").
 Spécifier - Точно определять, оговаривать, уточнять (см. Spécial).
 Spolier - Отнимать у кого-л.; расхищать, похищать, грабить.
 Sabre - Сабля, шашка ("рубить" --> "разделять").
 Sobre - 1. Трезвый; воздержанный. 2. Сдержанный, скромный, умеренный. 3. Простой, строгий ("отдельный" --> "простой").
 Spéculer - 1. Размышлять, предаваться отвлеченному мышлению. 2. Спекулировать. 3. Расчитывать на что-л. ("отделять" --> "думать").
 Sapience - уст. Мудрость, премудрость (см. Spéculer).

2) "Разбрасывать" / "Распространять":

- Spacieusement - Просторно, обширно.
 Spécieux - 1. 1) Кажущийся правдоподобным, правильным; 2) несостоятельный. 2. Благовидность ("распространять" --> "казаться").
 Spectacle - Зрелище, спектакль ("распространять" --> "смотреть").
 Spectre - 1. Призрак, привидение. 2. Спектр (см. Spécieux).
 Spéculer - (см. выше; + "Распространяться" в мыслях).
 Sperme - Сперма (признак "разбрызгивающий").
 Splendeur - 1. Сияние. 2. Блеск, великолепие ("распространять" --> "сиять").
 Spontané - 1. Спонтанный, самопроизвольный, непосредственный, стихийный. 2. Импровизированный, летучий. 3. Дикорастущий ("распространяться" произвольно).
 Sport - Спорт (этим. от "развлекать" <-- "рассеивать").

2 а) "Крутить":

- Spiral - 1. Спиральный, винтовой. 2. Часовая пружина.

2 б) "Покрывать" / "Над":

- Sublime - 1. Возвышенный, высокий; величественный.
 Submerger - Наводнять, затоплять, потоплять.
 Super... Над..., сверх..., пре-... .
 Chape - Облачение. 2. Крышка, колпак, кожух. 3. Покрытие (дороги)
 Chapeau - 1. Шляпа. 2. Кардинальская шляпа. 3. Колпак, покрывка.
 Chapelle - 1. Часовня. 5. Свод (печи). 6. Тех. Колпак.
 Chapitre - 1. Глава (в книге); статья. 2. Предмет, тема ("над" --> "главный").

2 с) "Под":

- Sub... Второстепенность, вторичность, подчиненность.
 Subir - Подвергаться; переносить, претерпевать, испытывать, выдерживать.
 Subsistance - 1. Существование. 2. Средства к существованию, пропитание. 3. Существо, сущность (находящееся под внеш. данностью).

III. "Рыть" / "Копать" / "Углублять":

- Saper - 1. Воен. Подкапываться; подрывать. 2. Перен. Подрывать.
 Sébile - Деревянная чашка, плошка (признак "углубление").
 Sépulcre - Гробница, склеп.
 Sabot - 1. Сабо, деревянный башмак. 2. Копыто. 3. Металлический наконечник. 4. Сидячая ванна (признак "углубление").
 Saboter - 1. разг. Стучать деревянным башмаком. 2. 1) оковывать металлом; 2) халтурить; 3) саботировать (см. Sabot).
 Sapin - 1. уст. разг. Извозчичья карета. 3. Гроб ("углубление").

1) "Острый":

Sapin -	1. Пихта.
Spatule -	1. Шпатель. 2. Носок ложки.
Spinule -	Маленький шип, колючка.
Subtil -	1. Хрупкий, тонкий, мелкий. 2. Острый. 3. Неуловимый, летучий. 4. Ловкий, проворный, хитрый, изощренный; пронизательный.
Cible -	Мишень, цель ("точный" <--- "острый").

1 а) "Мучить":

Supplice -	1. Казнь; наказание. 2. Мучение, мука, пытка.
Supplier -	Умолять, молить; упрашивать (см. Supplice).

IV. "Шипеть" / "Свистеть" / "Дышать":

Spumescent -	Пенистый, пенящийся, шипучий.
Sibilant -	Свистящий.
Soupe	1. Бульон с гренками; овощной суп ("горячий" <--- "дуть").
Sébum -	Кожный жир ("жарить" <--- "шипеть").
Sapidité -	Вкусовые свойства, ощущения ("есть", "пить" --> "вкус").
Soupir -	1. Вздых. 2. pl. Жалобные звуки, стоны, вздохи.
Spirituel -	1. Духовный. 2. Остроумный. 3. Церковный ("дух" <--- "дышать").

V. "Хватать" / "Щипать":

Chaparder -	разг. Расхищать, разворовывать, тащить.
Chiper ₂	разг. Украсть, стянуть.
Choper -	разг. 1. Схватить, сцапать, подцепить. 2. Украсть, стащить.
Chipoter -	разг. 1. Нехотя есть. 2. Мешкать. 3. Торговаться. 4. Чинить затруднения.

1) "Собирать" / "Множество":

Cheptel -	Скот, поголовье скота.
Chapelet -	1. Четки. 2. Цепочка, связка, серия.
Chope -	Кружка пива; пивная кружка.

АНГЛИЙСКИЙ:

I. "Брызгать" / "Течь" / "Сыпать":

Sap ₁ -	1. 1) Сок (растений); 2) перен. живительные силы, энергия. 2. поэт. Живительная влага, кровь.
Seep -	1. Просачиваться, протекать. 2. Проникать, распространяться.
Sipe -	шотл., амер. 1. 1) Просачивание; 2. Ручеек.
Spa -	1. Минеральный источник. 2. Курорт с минеральными водами.
Spurge -	Обрызгивать, брызгать.
Sparse -	Редкий, неплотный; разбросанный, рассеянный.
Spat ₃ -	1. Мокрое пятно. 2. Брызги; клочья; хлопья (пены).
Spate -	1. Наводнение, разлив, половодье, подъем воды. 2. Ливень. 3. Поток.
Spatte -	1. 1) Брызгать, разбрызгивать, расплескивать; 2) обрызгать, забрызгать; 3) разбрызгиваться; 4) брызгать слюной. 2. Усеивать, испещрять. 3. Чернить, порочить.
Spawl -	уст. 1. Харкать, плевать, плеваться. 2. Грубо выкрикивать.
Sperm -	Сперма.
Spill ₃ -	1. Быстро течь, литься, бить струей. 2. Быстро двигаться, нестись, быстро ехать. 3. Быстро проходить, кончаться.
Spit ₂ -	1. 1) Плевать, брызгать слюной; 2) плеваться, брызгаться слюной; делать брызги; 3) наплевательски относиться. 2. 1) Моросить, накапывать, капать, брызгать, сеяться (о дожде). 3. разг. Выскалывать, выпаливать. 4. Фыркавать, шипеть, сыпать искрами (о поленьях).
Splash -	1. 1) Брызгать, разлетаться брызгами; 2) разбрызгивать, расплескивать; 3) забрызгивать, обрызгивать. 2. Плескаться. 3. Шлепать (по воде). 4. Плюхнуться, бултыхнуться. 5. Усыпать, усеивать, расцвечивать. 6. разг. Тратить без счета, транжирить.
Splatter -	1. 1) Плескаться, брызгать. 2. Бормотать, говорить нечленораздельно.
Splotch -	1. Покрывать пятнами или бликами. 2. Забрызгать, заляпать.
Splutter -	1. Лопотать, говорить захлебываясь (от возбуждения), говорить быстро и сбивчиво. 2. Шипеть,

- трещать. 3. 1) Брызгать, обрызгивать; 2) делать кляксы.
- Spout - 1. Бить струей, хлынуть, литься потоком. 2. Изливать, извергать. 3. разг. Разглагольствовать, ораторствовать. 4. жарг. Закладывать, отдавать в залог под ссуду.
- Spray₂ - Обрызгивать, опрыскивать, распылять.
- Spring₂ - 1. Вытекать, бить ключом, брызнуть. 2. Приливать, бросаться, выступать. 3. Проистекать, происходить. 4. Давать начало, порождать, создавать.
- Sprinkle - 1. 1) Брызгать, кропить, окраплять, разбрызгивать, опрыскивать; 2) разбрасывать, посыпать; 3) уснащать. 2. Брызгать, давать брызги. 3. Накапывать, моросить.
- Spurt₂ - Забить струей, хлынуть, пустить струю.
- Sputter - 1. Брызгать слюной, плевать. 2. Говорить быстро и бессвязно; бормотать, лопотать; произносить с жаром, с гневом.
- Spurtle - 1. Вытекать, выплескиваться. 2. редк. Обрызгивать, разбрызгивать.
- Supplant - 1. Вытеснять. 2. Выживать (кого-л.), занимать чье-л. место.

1) "Жидкость" / "Жирный":

- Soap - 1. Мыло. 2. разг. Лесть. 3. амер. жарг. Деньги (идушие на подкуп).
- Sob₂ - 1. Макаль, обмакивать, мочить. 2. Вбирать, впитывать.
- Soup₁ - 1. Суп, похлебка. 2. ав. жарг. Густой туман. 3. юр. жарг. Судебное предписание.
- Speck₂ - амер., ю.-афр. 1. Ворвань. 2. Жирное мясо, шпик, бекон.
- Sponge - 1. зоол. Губка. 2. 1) губчатое вещество; 2) кислое тесто, опара; 3) бисквит; 4) взбитые белки; 5) трясины, топь.
- Spumescent - Пенящийся, пенистый, пенообразный.

1 а) "Гибкий":

- Subtle - 1. Тонкий, нежный. 2. Острый, пронизательный. 3. Трудно уловимый; таинственный. 4. Искусный, умелый, ловкий. 5. Утонченный. 6. Хитрый, коварный, вкрадчивый. 7. Ненасыщенный.

- Supple - 1. Гибкий. 2. Податливый, уступчивый. 3. Угодливый.

2) "Брызги" / "Частица":

- Spangle - 1. Блестка, стеклярус. 2. Редк. Блеск, сияние. 3. Поэт. звезда.
- Spark₁ - 1. Искра. 2. Проблеск. 3. Маленький алмаз.
- Spat₁ - Метать икру ("Брызги" --> "Зернистость").
- Spat₃ - 1. Мокрое пятно. 2. pl. Брызги; ключья; хлопья (пены).
- Spawn - 1. Метать икру. 2. 1) Плодиться, размножаться; 2) зарождаться; 3) плодить, порождать; создавать. 3. Кишеть, быть переполненным.
- Specie - 1. Металлические деньги; звонкая монета. 2. уст. редк. Род, вид.
- Speck₁ - 1. Пятнышко, крапинка. 2. Частица, частичка, крупинка.
- Speckle - 1. Пятнышко, крапинка. 2. 1) Веснушка; 2) Мушка; 3) Метка.
- Sporadic - Спорадический; случайный; единичный, отдельный.
- Sporule - 1. Бот., зоол. Спора. 2. Зародыш.
- Spot - 1. Пятно, пятнышко. 2. Место, местность. 3. Позор, бесчестье. 4. 1) Прыщик; 2) уст. Мушка. 5. Очко (в картах). 6. Небольшое количество.
- Sprag₁ - Молодь трески или лосося ("Частица" --> "Малый").

3) "Расти" / "Распространять":

- Shop - 1. Лавка, магазин. 2. Мастерская, цех ("Распространять" --> "Продавать", "Выпускать").
- Soboles - бот. Волчок, побег, отпрыск.
- Space - 1. Протяженность; площадь, пространство. 2. Расстояние; промежуток, интервал. 3. Космос.
- Span₁ - 1. Пядь. 2. Интервал, промежуток времени. 3. Расстояние от одного конца до другого; размах рук, ширина.
- Spawn - см. выше.
- Speak - 1. 1) Говорить; 2) Изъясняться, объясняться; 3) Упомянуть. 2. Разговаривать. 3. Произносить. 4. Выражаться. 5. Высказываться. 6. Отзываться. 7. Свидетельствовать. 8. Воздействовать. 9. Намекать. 10. Заказывать, требовать ("Распространять" слова, мысли).

- Spell₁ - Околдовывать, заговаривать (см. Speak).
- Spell₂ - 1. Срок, время, проведенное за каким-л. занятием.
2. Промежуток времени.
- Spell₃ - 1. 1) Произносить или писать (слово) по буквам.
2. С трудом разбирать. 3. 1) Разбирать; растолковывать; 2) Рассматривать, изучать. 4. Означать, влечь за собой. 5. редк. Просить, выражать желание намеком (см. Speak).
- Spell₅ - уст. разг. 1. Разговаривать, говорить. 2. Произносить, рассказывать. 1. Тратить, растрчивать; расходовать. 2. Нести издержки, материальные затраты. 3. Проводить (время). 4. Исчерпывать, истощать ("Распространять" --> "Разбрасывать").
- Spiel - жарг. 1. Разглагольствовать, трепаться, молоть языком. 2. Рассказывать басни, заговаривать зубы (см. Speak).
- Splurde - разг. 1. Выставлять напоказ; пускать пыль в глаза, бахвалиться. 2. Развернуться, дать себе волю.
- Sport₁ - 1. разг. Выставлять напоказ, щеголять. 2. книж. Резвиться. 3. Шутить, высмеивать. 4. Заниматься спортом. 5. уст. Развлекаться, забавляться. 6. уст. Транжирить, тратить; сорить, швыряться (деньгами).
- Sprawl - 1. Небрежная, неуклюжая поза. 2. Неуклюжее движение. v 1. Растянуться, развалиться.
2. Расползаться во все стороны, простираться.
- Spread - 1. Распространять; расстилать. 2. 1) Раскладывать; 2) Развертывать. 3. Мазать, намазывать.
4. Простирать, протягивать. 5. Простираться.
6. Разносить. 7. Давать рассрочку; отсрочить.
8. Растягивать, тянуть. 9. тех. Расширять; вытягивать, расплющивать, расклепывать.
- Spree - 1. Шумное веселье. 2. Кутеж, пирушка, пьянка.
- Sprout - 1. 1) Пускать ростки, давать побеги, распускаться, расти; 2) Выращивать. 2. Рождаться.
- Spy - 1. Заниматься шпионажем. 2. 1) Следить, шпионить; 2) Подсматривать, высматривать; 3) Выслеживать, разнюхивать. 3. Рассматривать, исследовать, осматривать. 4. Подмечать, замечать ("Распространять" --> "Рассматривать").
- Spring₄ - 1. Весна. 2. Поэт. Ранний период, зарождение ("Расти").

4) "Резкое действие" / "Сильный":

- Soup₂ - амер. жарг. Лошадиная сила; мощность.
- Spang₁ - диал. 1. Прыгать, скакать. 2. 1) Бросать, кидать; 2) Толкать, пинать.
- Spang₂ - разг. Прямо; напрямик ("Бросать" --> "Прямо").
- Spank - 1. Хлопать, шлепать. 2. Торопить, подгонять.
3. Быстро двигаться; нестись.
- Spanking - 1. Идущий быстро; быстрый. 2. Сильный. 3. разг. Превосходный; колоссальный, мощный.
- Spa₁ - 1. Бокс; тренировочное состязание; матч. 2. Спор, препирательство. 3. Петушиный бой.
- Spasm - 1. Судорога; спазм. 2. Приступ (боли, страха).
- Speed - 1. Скорость, быстрота, темп. 2. тех. Число оборотов. 3. уст. Успех, удача, выгода.
- Spin₃ - 2. Быстро двигаться, нестись, быстро ехать.
3. Быстро проходить, кончатся.
- Spontaneity - 1. Самопроизвольность, стихийность, спонтанность.
2. Непосредственность.
- Sprack - диал. Живой, проворный; оживленный, веселый.
- Sprag₃ - редк. 1. Умный. 2. Живой, оживленный, проворный.
- Sprightly - 1. Живой, оживленный, веселый. 2. Бодрый, бойкий, энергичный.
- Spring₁ - 1. Скакать, прыгать. 2. 1) Вскакивать; 2) Заставить вскочить; 3) Сниматься с места, вспархивать; 4) Поднимать дичь. 3. Появляться; возникать.
4. Быстро переходить в другое состояние.
5. Внезапно открыть, сообщить. 6. жарг. Выпустить, выволить из тюрьмы. 7. разг. Тратить, платить.
- Spring₃ - 1. Пружина, рессора. 2. Упругость, эластичность.
3. pl. Мотив, причина.
- Sprint - 1. Рвануться, броситься. 2. спорт. Спринтовать.
- Spry - 1. Живой, подвижный, проворный, бойкий. 2. диал. Аккуратный, опрятный.
- Spunk - 1. разг. 1) Храбрость, мужество; дерзость, наглость; 2) Пыл, жар; живость, пылкость.
2. разг. Вспыльчивость, раздражительность; гнев.
v 1. Зажигать. 2. Вспыхнуть.
- Spurn₁ - 1. Пинать, толкать ногой. 2. 1) Отвергать с презрением, пренебрегать, отталкивать; надменно обращаться.
- Spurt₁ - 1. Делать внезапное усилие, рывок. 2. Неожиданно повышаться.

4 а) "Высокая степень":

- Super - 1. Положение над. 2. редк. Более высокое положение. 3. Превыше-ние нормы. 4. Чрезмерность. 5. Добавление.
- Supplement - 1. Дополнение, добавление. 2. Приложение.
- Spiff - pl. разг. Магарыч при торговой сделке.

5) "Крутить":

- Spin₁ - 1. Прясть, сучить; скручивать (нитку). 2. Прясть, плести (о пауке). 3. Составлять; состряпать.
- Spin₂ - 1. 1) Крутить, вертеть, кружить; 2) Крутиться, вертеться. 2. жарг. Проваливать на экзамене. 3. Тех. Выдавливать (на токарном станке).
- Spindle - 1. Текст. Веретено, шпулька. 2. Мера пряжи.
- Spiral₁ - 1. Спираль, винтовая линия. 2. Предмет спиральной формы. 3. Виток.
- Spire₂ - 1. Спираль. 2. Виток.
- Spool - 1. тех. Намоточный барабан, шпуля. 2. текст. Катушка, бобина.
- Spun - 1. Спряденный, выпряденный. 2. Скрученный, крученный.

5 а) "Связывать":

- Sib - 1. Родство, родственные связи. 2. Родня. 3. Родственник. а 1. Родственный. 2. редк. Близкий, сходный.
- Span₂ - 1. Запрягать лошадей, мулов, волов. 2. диал. Спутывать (лошадь). 3. мор. 1) Стягивать веревками; 2) Крепить, затягивать.
- Spanner - 1. 1) Гаечный ключ; 2) амер. вилочный ключ. 2. стр. Связь.
- Spider - зоол. Паук (признак "Связывать").
- Splice - 1. мор. Сращивать (концы тросов). 2. кино. Склеивать концы киноплёнки. 3. жарг. Поженить, повенчать.
- Spouse - Супруг; супруга. v Сочетаться браком.
- Supplement - Дополнение, добавление. 2. Приложение.

5 а) "Укреплять":

- Sober - 1. Трезвый. 2. Воздержанный, умеренный. 3. Сдержанный; спокойный; хладнокровный. 4. Здравый, рассудительный ("Здравый" <-- "Крепкий").
- Sponsor - амер. 1. Ручаться. 2. Финансировать. 3. Поддерживать, устраивать, организовывать. 4. Предлагать, вносить (проект).
- Sprag₂ - 1. горн. Распорка, подпорка. 2. Подкладной тормоз; упор против отката.
- Spurn₂ - Наклонная подпорка.
- Sub - 1. Положение под. 2. Подчиненность.
- Support - 1. Поддерживать, подпирать. 2. 1) Помогать (материально); 2) Обеспечивать. 3. Оказывать (моральную) поддержку. 4. Защищать; помогать, содействовать. 5. Подтверждать.
- Supply - 1. Снабжать; 2. Поставлять, доставлять; давать; питать. 3. Восполнять, возмещать.

6) "Блестеть":

- Spark₂ - 1. Щеголь, франт. 2. уст. поэт. Возлюбленный.
- Sparkle - 1. Искриться; сверкать; переливаться. 2. 1) Быть оживленным; блистать; 2) Играть, искриться (о вине). 3. Отличаться, блистать.
- Specular - Зеркальный, отражающий.
- Spiffed - разг. 1. Опрятный, аккуратный. 2. Нарядный, разодетый. 3. Искусно украшенный.
- Splendid - 1. 1) Блестящий, отличный; 2) редк. Сверкающий. 2. Роскошный, богатый, пышный. 3. разг. Великолепный, прекраснейший, чудный. 4. Светский, высокопоставленный.

6 а) "Смотреть":

- Spectacle - 1. Зрелище, сцена. 2. Представление, спектакль.
- Spectre - 1. Привидение, видение, призрак. 2. Дурное предчувствие, навязчивая идея ("Смотреть" --> "Касаться").
- Spectrum - 1. 1) Спектр; 2) слец. Диапазон. 2. Изображение; образ. 3. Привидение, призрак.
- Speculate - см. выше ("Смотреть" --> "Размышлять").

- Speer₁ - диал. 1. Спрашивать, расспрашивать; задавать вопрос. 2. Просить ("Спрашивать" <- "Обращать взгляд, вопрос").
- Speer₂ - Диал. амер. Вглядываться, всматриваться.

7) "Пачкать" / "Портить":

- Spieler - Притон.
- Splotch - см. выше.
- Spoil - 1. Портить. 2. Баловать. 3. Портиться (о продуктах). 4. уст. Убрать, прикончить.
- Spot - 1. Покрывать пятнами, пачкать, марать. 2. Позорить, бесчестить. 3. разг. Узнать, заметить, увидеть. 4. Установить местонахождение. 5. Располагать, размещать.

II "Рыть" / "Раскалывать" / "Резать":

- Sap₁ 1. 1) Сушить, иссушать; 2) Истощать, ослаблять, подрывать, изматывать, подорвать здоровье.
- Sap₃ - шк. жарг. 1. Зубрила. 2. Зубрежка.
- Shape - 1. Форма, очертание. 2. Порядок. 3. Вид; образ, облик. 4. Призрак ("Резать" --> "Форма").
- Sopite - 2. Положить конец, урегулировать ("Отрезать").
- Spall - горн. 1. Дробить (породу); разбивать (руду). 2. Обтесывать (камень).
- Spalt - диал. Раскалываться, откалываться; разламываться, растрескиваться.
- Spam - амер. Колбасный фарш ("Дробить" <- "Раскалывать").
- Spit₃ - диал. 1. Рыть, копать лопатой (на штык). 2. Вспаивать, вспаивать.
- Splay - 1. Скашивать, расширять край отверстия.
- Spleen - 1. анат. Селезенка. 2. Злоба, раздражительность, недоброежелательность. 3. Хандра ("Резать" --> "Раздражать").
- Split - 1. Расщеплять; раскалывать. 2. Разбивать, разрушать. 3. Делить на части, распределять. 5. разг. Ссориться, расходиться во мнениях. 6. жарг. Выдавать; доносить, расколоться. 7. Разбавить (спиртное).
- Spoon - 1. Черпать ложкой. 2. Выдалбливать, делать углубление.

- Ship - 1. 1) Корабль, судно; 2) Парусное судно. 2. амер. Самолет (признак ""Выдолбленный", "Углубление").
- Spoony - 1. Простак, дурень. 2. Сентиментальный влюбленный, воздыхатель (от Spoon).
- Spoor - След ("Рыть" --> "Углубление").
- Spud - Окапывать, окучивать, мотыжить; рыллить почву.

1) "Острый":

- Sheep - 1. Овца, баран. ("Рог" <- "Острый").
- Spade₁ - 1. 1) Лопата, лопатка; заступ; 2) скребок; 3) совок. 2. Нож (для разделки китовых туш).
- Spade₂ - рл. Пики, пиковая масть.
- Spear₁ - 1. Копье, дротик. 2. Острога, гарпун. 3. уст. Копьеносец. 4. рл. редк. Колючки, шипы. 5. диал. Жало.
- Spear₂ - 1. Острый лист (травы). 2. Маленькое деревце. 3. бот. Побег, отпрыск; стрелка.
- Spice₁ - 1. Специя, пряность, приправа. 2. Острый запах. 3. Острота, пикантность. 4. Примесь, привкус, след.
- Spiciferous - бот. Имеющий колоски; колосистый.
- Spiculate - бот. Колючий; покрытый шипами, колючками.
- Spider - 1. см. выше. 2. Кровопийца; кровосос; мучитель (признак "жало").
- Spigot - 1. 1) Затычка, втулка (бочки); 2) пробка крана. 2. тех. Кран.
- Spike - 1. Острый выступ, острие; зубец; шип. 2. Наколка (для чеков). 3. рл. Шипы. 4. тех. 1) Костыль, костыльный гвоздь; 2) Клин. 5. текст. Колок, спица. 6. физ. Пик. 7. Каблук "шпилька". 8. Неразветвленный рог молодого оленя. 9. 1) альпин. Зуб кошки; 2) Скальный крюк.
- Spile - 1. Деревянная затычка, деревянный гвоздь. 2. Втулка.
- Spill₁ - 1. Осколок, щепка. 2. Жгут из бумаги, лучина. 3. 1) Колышек; 2) Затычка, втулка.
- Spill₂ - тех. 1. Прут, стержень. 2. Ось, шпindel.
- Spinal - спец. 1. Спинной; позвоночный столб; спинной хребет. 2. бот., зоол. Выступ; шип, колючка. 3. бот. Ось; игла; костяной луч. 4. 1) Сердцевина дерева; 2) Основа, суть. 5. Горный хребет, гребень
- Spar₂ - Брус, перекладина.
- Spiral₂ - Остроконечный, высокий и заостренный.
- Spire₁ - 1. Стрелка (злака); росток, зачаток побега; былинка. 2. 1) Острие, стрелка, остроконечный верх; 2) Язык

- пламени. 3. Шпиц, шпиль, игла. 4. Остроконечная верхушка, макушка. 5. *диал.* Камыш. 6. Ответвление оленьего рога. 7. Пик.
- Spit₁ - 1. Вертел, шомпол. 2. Заостренный стержень, зонд. 3. Меч, шпага. 4. Длинная отмель, стрелка; коса (намывная).
- Spite - Злоба, злость; озлобленность; враждебность, неприязнь (перенос.).
- Spoke - 1. Спица (колеса). 2. Ступенька, перекладина, грядка. 3. 1) Рукоять; 2) *тех.* Ручка ворота. 4. *спец.* Тормозная подкладка.
- Spray₁ - 1. 1) Веточка, побег; 2) Хвостина. 2. Узор или рисунок в виде ветки.
- Sprig - 1. Веточка, побег. 2. Узор в виде веточки. 3. Молодой человек, юнец. 4. *ирон.* Отпрыск. 5. *тех.* Шпилька, штифтик, гвоздь без шляпки.
- Spruce₁ - 1. бот. Ель. 2. Хвойное дерево.
- Spruce₂ - 1. Щеголеватый; нарядный. 2. Чистенький, аккуратный ("Острый" --> "Производящий впечатление").
- Spur - 1. Шпора. 2. Стимул, побуждение. 3. 1) Росток; 2) Петушиная шпора. 4. Острый наконечник.

2) "Отделять":

- Separate - 1. Отделять. 2. 1) Разделять; 2) Сортировать, отсеивать. 3. Разлучать.
- Spado - 1. *редк.* 1) Кастрат, скопец; 2) Кастрированное животное.
- Spice₂ - *жарг.* 1. Грабитель. 2. Грабеж ("Грабить" <-- "Отделять").
- Spifficate - *разг.* 1. Разделаться, справиться (с кем-л.); отделаться. 2. Побить, поколотить; измордовать.
- Spreagh - *диал.* 1. Грабеж; грабительский набег. 2. Угон скота.
- Spare - 1. 1) Беречь, сберегать, жалеть; 2) Экономить, откладывать. 2. Обходиться (без чего-л.). 3. Уделять (что-л. кому-л.). 4. Щадить, избавлять. 5. *редк.* Воздерживаться.

3) "Осколок" / "Часть" / "Малый":

- Sippet - Небольшой отрывок, фрагмент, кусок.
- Spale₁ - *диал.* Щепка; лучина; стружка.

- Spale₂ - Брусок.
- Special - 1. Особый, особенный. 2. Специальный. 3. Чрезвычайный. 4. Частный; индивидуальный. 5. Определенный. 6. *тех.* Нестандартный.
- Specie - 2. *уст. редк.* Род, вид.
- Spelk - *диал.* 1. Щепка, лучина. 2. Заноза.
- Spell₄ - *диал.* 1. Щепка, заноза.
- Spill₁ - 1. Осколок, щепка.
- Splint - 1. Планка, дранка; 2. Лыко, лубок. 3. *диал.* Осколок, щепка; лучина.
- Splinter - 1. 1) Осколок; обломок; 2) Щепка. 2. Планка. 3. Лучина. 4. Заноза. 5. *разг.* Крошечка, небольшой кусочек.
- Sparrow - Воробей (признак "Малый").
- Spinach - 2. *разг.* Дрянь, гадость (о еде). 3. *прост.* 1) Враки, очковтирательство; 2) Нечто ненужное, лишнее; вздор, ерунда ("Малый" --> "Ничтожный").
- Shabby - 1. 1) Поношенный, потрепанный, потертый, ветхий; 2) Убогий, бедный, захудалый; 3) Жалкий, ничтожный; 4) Запущенный. 2. Низкий, подлый, бесчестный. 3. Скупой, мелочный ("Малый" --> "Ничтожный", "Плохой").
- Sap₄ - *разг.* Простофиля, простак, дурак, размазня ("Малый" --> "Ничтожный").

III "Пить" / "Есть" / "Вкус":

- Sapid - *книж.* 1. Вкусный, аппетитный, 2. Интересный, содержательный, живой.
- Sip - 1. 1) Пить маленькими глотками; потягивать (вино); 2) Пробовать. 2. Собирать мед (о пчелах).
- Soup₁ - 1. Суп, похлебка.
- Sup - 1. Ужинать. 2. Кормить ужином. 3. *диал.* Отхлебывать небольшими глотками. 4. Вкусить, отведать, испытать. 5. Выпивать залпом.
- Supply - 1. Снабжать. 2. Поставлять, доставлять; давать, питать.
- Spat₃ - *диал. разг.* 1. Небольшая ссора, размолвка. 2. Удар, шлепок. 3. Чмокающий звук.

IV "Шипеть" / "Дышать":

- Spirant - *фон.* Спирант, щелевой согласный.
- Spirit₂ - 1. *поэт.* Дуновение ветерка. 2. *уст.* Дыхание.

Spirit ₃ -	1. 1) Спирт; 2) Алкоголь. 2. разг. Автомобильный бензин.
Spirit ₁ -	1. Душа; дух. 2. Натура, личность, индивидуальность; ум. 3. Моральная сила, энергия, решительность. 4. Настроение, душевное состояние. 5. Дух, сущность, истинный смысл. 6. Тенденция, общее направление, общий характер. 7. Дух, призрак, привидение ("Душа" <- "Дышать").
Spook -	1. Привидение; дух. 2. разг. Отчаянный шофер, лихач. 3. разг. Наркоман.
Sibilant -	Свистящий, шипящий.

V "Рыдать" / "Всхлипывать":

Sob ₁ -	1. Рыдать; всхлипывать. 2. Говорить, задыхаясь от рыданий. 3. 1) Захлебываться; 2) Реветь, завывать.
Supplicate -	1. Умолять, просить, упрашивать (перенос.).

АРАБСКИЙ:

1. "Хватать" / "Держать":

ʔabata -	Удерживать; мешать.
Jaba' -	Собирать, взимать (налоги).
Saba' -	1. Брать в плен. 2. Пленять, очаровывать. 3. Отправлять в изгнание.
šabyta -	Цепляться, хвататься.
šabaḥa -	Протягивать; протягивать руки.
šabaṭa -	1. Привязываться. 2. Заинтересовываться. 3. Держаться чего-л.
šabaka -	1. Путать, мешать. 2. Переплетать, смыкать. 3. Прицеплять.
Saba'a -	1. Указывать пальцем. 2. Щупать пальцами (при покупке).
Zabuwna ₂ -	Посетитель (кафе); покупатель, клиент (см. Saba'a).

* Отражая фонетическую структуру арабских лексем, мы прибегаем к близким по произношению англоязычным фонетическим символам [ð, ð] (как в слове *this*), [ʔ] (как в слове *thing*), а также [š] как шипящего Ш. Подчеркнутые согласные относятся к категории так называемых "эмфатических", произносимых с большей интенсивностью. Подчеркнутый гласный *a* соответствует арабскому "алифу".

Sabana -	1. Не допускать получения (чего-л.). 2. Мошенничать.
ʔabba -	1. Держать, удерживать; хватать. 2. Заботливо хранить; запирать.
ʔabb ₁ -	Ящерица (признак "Цеплять", "Хватать").
ʔabb ₁ -	1. Челюсть. 2. Передние зубы (функция "Хватать").
ʔabaha -	1. Запыхаться, тяжело дышать ("Хватать" воздух).
ʔabata -	1. Держать, сдерживать. 2. Захватывать. 3. Получать. 4. Уточнять.
Sabara -	Пробовать, испытывать, зондировать ("Щупать" <- "Хватать").

1) "Связывать" / "Связь" / "Собирать":

ʔabat -	Толпа; отряд.
Sabab -	1. Причина; повод, мотив. 2. Путь, средство, способ. 3. Предмет, вещь. 4. Веревка. 5. Связь. 6. Узы.
Saba'a -	Закупать, запасать вино.
Sybt -	1. Внук. 2. Род, колено (Родственная связь).
Jabh -	Улей ("Множество" <- "Связь").
Sabiyl -	1. Путь, дорога. 2. Возможность, средство (аналогично Sabab).
šabaka -	2. Переплетать, смыкать, соединять. 4. Усложнять. 5. Обручать.
šabiha -	Быть подобным, похожим; походить ("Связь" по сходству).
Sabba ₃ -	Любить (быть привязанным к кому-л.).
Saba -	1. Стремиться, тянуться с любовью. 2. Тосковать, мечтать (см. пред.).
ʔabara -	Собирать; связывать в папку.
ʔabit ₁ -	1. Офицер. 2. Полицейский чин. 3. Наладчик (тот, кто "связывает").
ʔabit ₂ -	1. Правило, норма. 2. Система, порядок. 3. Учет, контроль (то, что "связывает", "сдерживает").

1 а) "Укреплять" / "Твердый" / "Неподвижный":

ʔabata -	1. Быть неподвижным. 2. Быть твердым, непоколебимым. 3. Быть установленным, доказанным. 4. Устоять, удержаться.
Jabara -	1. Вправлять (кость). 2. Исправлять, чинить; восстанавливать.
Jabbasa -	1. Покрывать гипсом ("Твердеть"). 2. Штукатурить.
Jabala -	1. Делать, создавать, образовывать. 2. Формовать. 3. Быть по природе созданным.

Jabal -	Гора (см. пред.).
Jabiyn -	Лоб, чело (признак "Твердый").
Jabaħa -	1. Ударять по лбу. 2. Смотреть в лицо (см. пред.).
Sabata -	Находиться в покое; отдыхать (признак "Неподвижный").
Sabaħa -	Спать крепким сном (см. пред.).
Sabba ₁ -	Вырастать, становиться юношей (признак "Крепнуть").
Sabara -	1. Быть терпеливым; терпеть, переносить. 2. Ждать. 3. Отказываться.
Sabrat -	Сильный холод, стужа (признак "Цепенеть", "Твердеть").
Jabuna -	Быть трусом (аналогично пред.).
Ėa'ba -	Устрашать (см. Sabrat).
Ėabaħ -	Туман, дымка (признак "Неподвижный").
Sabi'a -	Быть сытым, пресыщенным, насыщенным (признак "Крепкий").

2) "Тянуться" / "Тянуть" / "Длинный":

Jabaĉa -	Тянуть.
Sabaga -	Быть полным, пространным, длинным.
Sabba ₄ -	1. Приподниматься, становиться на цыпочки. 2. Становиться на дыбы.
Sabara -	Измерять пядью.
Šabiqa -	Быть похотливым, сладострастным ("Тянуться" к кому-л.).
Sabba ₃ -	см. выше.
Saba -	см. выше.

3) "Сильный" / "Жестокий":

Jabbar -	1. Могущественный, могучий, жестокий. 2. Великан, силач.
Zabuwn ₁ -	1. 1) Жестокий (о бое); 2) Глупый.

II "Резать" / "Рвать" / "Колоть":

Jabba -	1. Отрезать, вырезать. 2. Превосходить, побеждать.
Jabaša -	Брить.
Ėabaħa -	1. Убивать; закалывать, резать. 2. Приносить в жертву.
Zabaqa -	Вырывать (волосы, бороду).
Zabañ -	Жало ("Острый" <-- "Колоть").
Saba'a -	2. Растерзать, разорвать (о звере).

Šabraqa -	1. Рвать, разрывать. 2. нар. Угощать.
Šabat -	1. Кончик, острие (меча). 2. Шип. 3. Жало (см. Zabañ).
Sibr -	Край, конец (см. пред.).

1) "Отгонять" / "Убивать":

Ėabara ₁ -	Изгонять, прогонять.
Ėabara ₂ -	Гибнуть, погибать.
Ėabba -	1. Отгонять. 2. Защищать.
Ėabaħa -	(см. выше).
Ėabala -	Увядать, вянуть; блекнуть.

2) "Появляться":

Sabaqa -	1. Быть раньше, предшествовать. 2. Опержать ("Появляться раньше").
Šabba ₂ -	Гореть, разгораться; вспыхивать.
Šabba ₃ -	Разводить (огонь), зажигать, разжигать.
Šabaħ -	1. Призрак, видение. 2. Фигура, силуэт ("Появляться" --> "Казаться").
Saba'a -	1. Появляться, показываться, вырастать. 2. Отступаться, отказываться. 3. Направляться.
Sabaħ -	Утро, рассвет.

III "Лить" / "Жидкий" / "Гладкий":

Zabať -	Грязь, слякоть.
Zabbala -	Удобрять навозом ("Жидкий").
Sabaħa -	1. Плыть; плавать. 2. Витать.
Sabaťa -	Быть гладким, не курчавым (о волосах).
Sabaka -	1. Лить, отливать. 2. Плавить.
Sabba ₁ -	1. Лить, выливать. 2. Отливать, формовать.
Sabba ₂ -	Литься, выливаться; впадать (о реке).
Sabaga -	1. Красить, окрашивать. 2. Погружать.

IV "Бурлить":

Zabada -	Сбивать (масло). Azbada - Пениться, бушевать, бурлить.
----------	--

V "Бормотать" / "Ругать":

- Ѕabaja - 1. Писать небрежно, неразборчиво. 2. Говорить невнятно.
 Zabara - 1. Писать, переписывать. 2. Бранить, ругать; отгонять криком.
 Sabba - Ругать, поносить, оскорблять.

VI "Качать" / "Колебать":

- Ѓabđaba - Качать, колебать, шатать.

VII Зв/подр.:

- Zabaṭa - Крякать (об утке).

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

СТРУКТУРА ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ
МОРФЕМОТИПОВ

[SPIR - LAB.PLOS]

Русский:

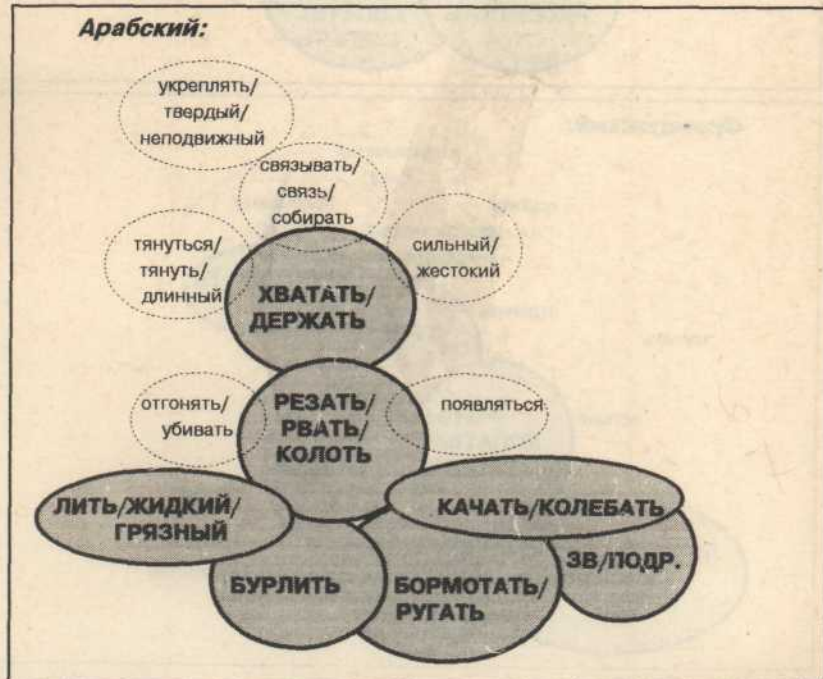
Французский:

Английский:

Арабский:

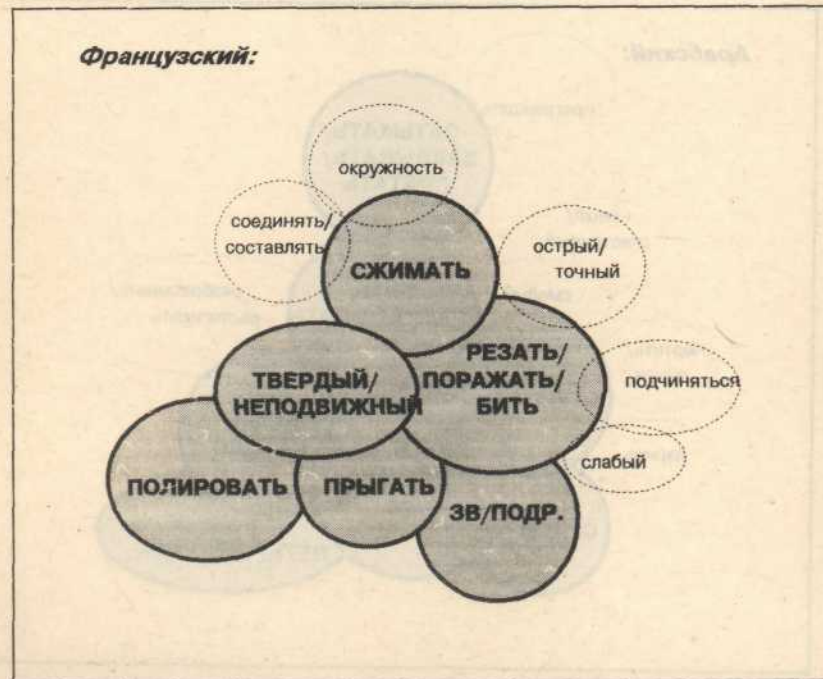

[SPIR - DENT]

Русский:

Французский:

Английский:

Арабский:

[SPIR - GUTTUR]

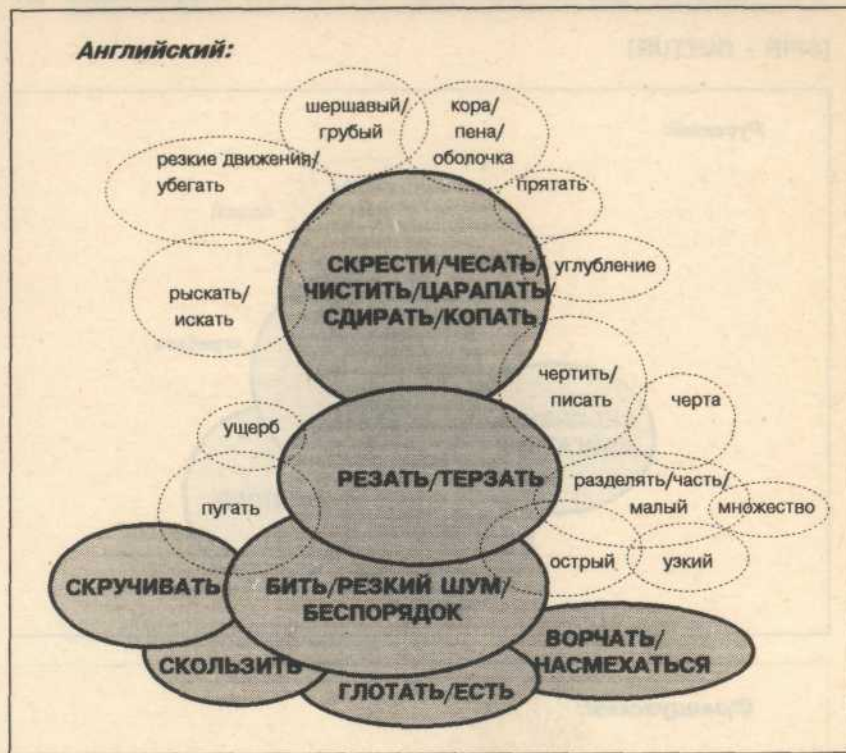
Русский:

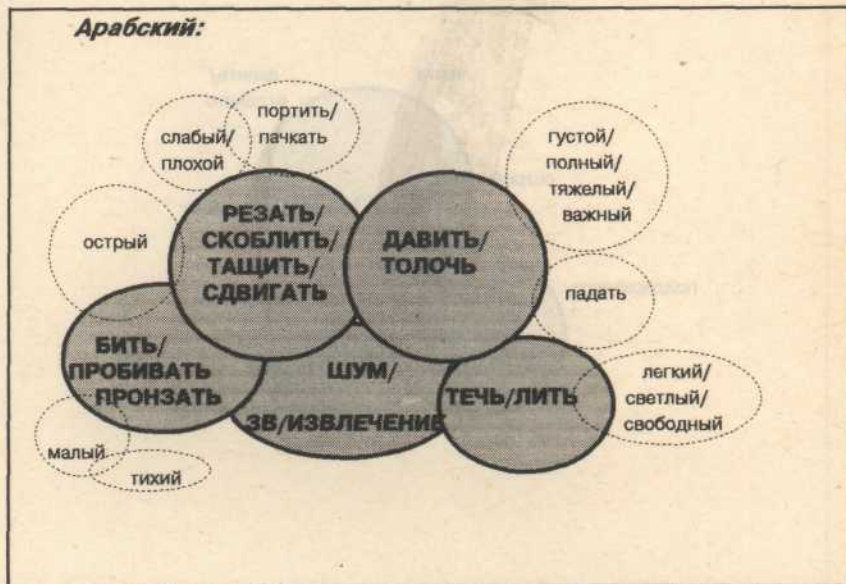
Французский:

Английский:

Арабский:

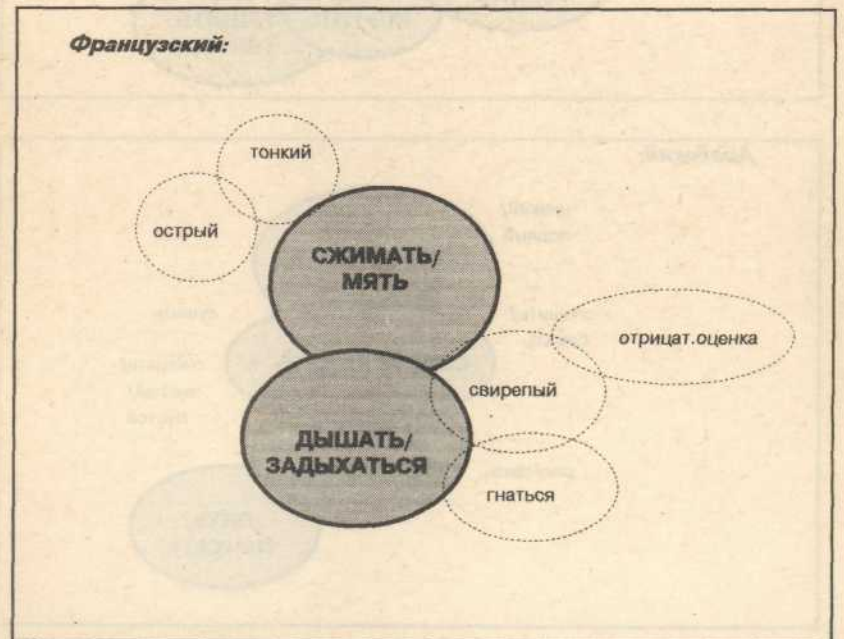

[SPIR - DENT.LAB.FRIC.(V/F)]

Русский:

Французский:

Английский:

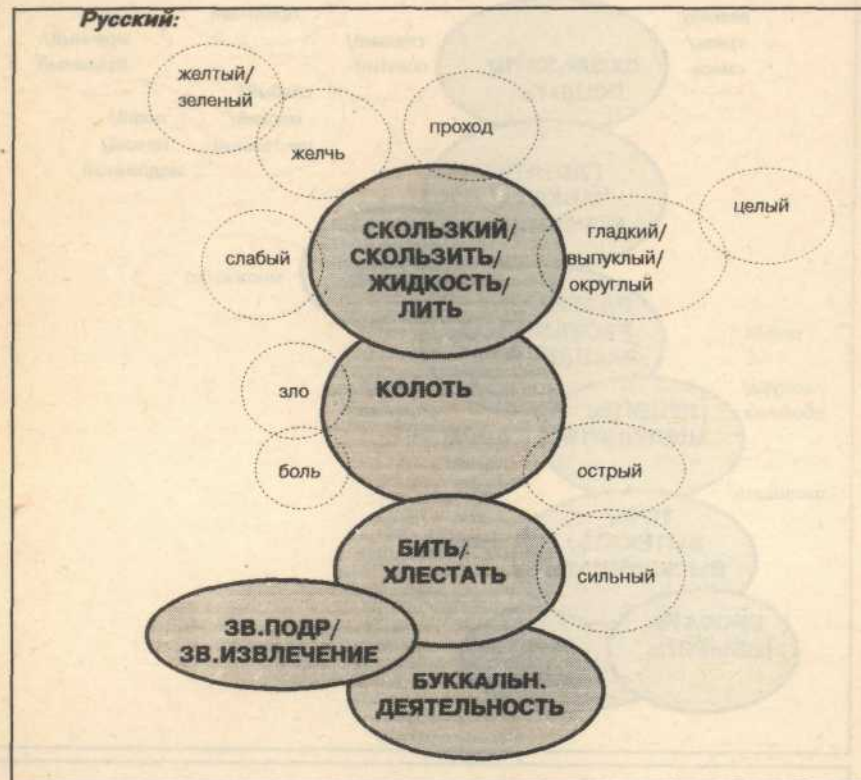

Арабский:

[SPIR - L]

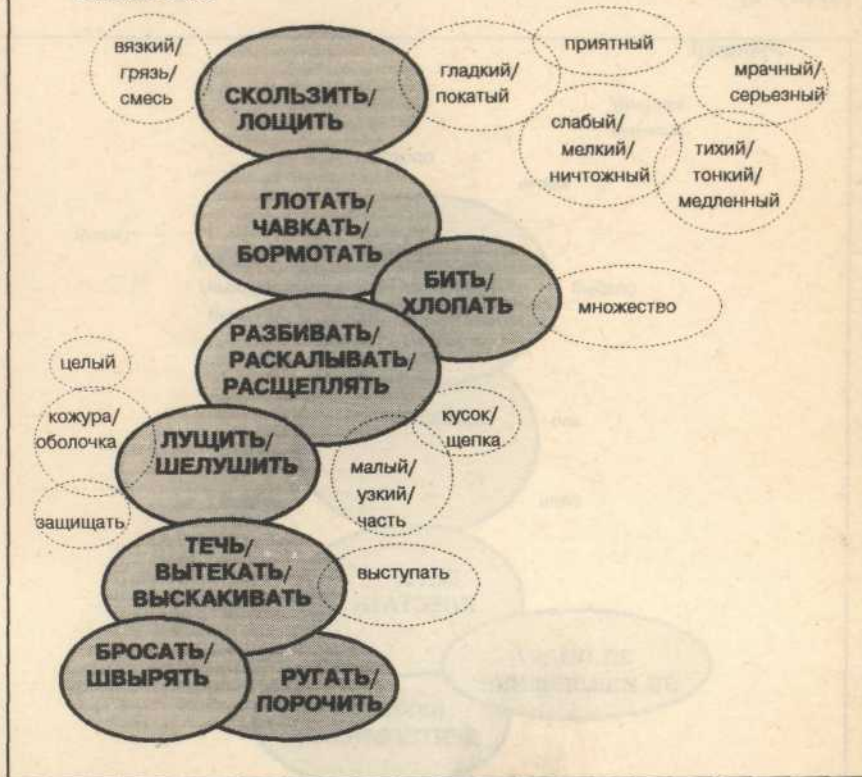
Русский:

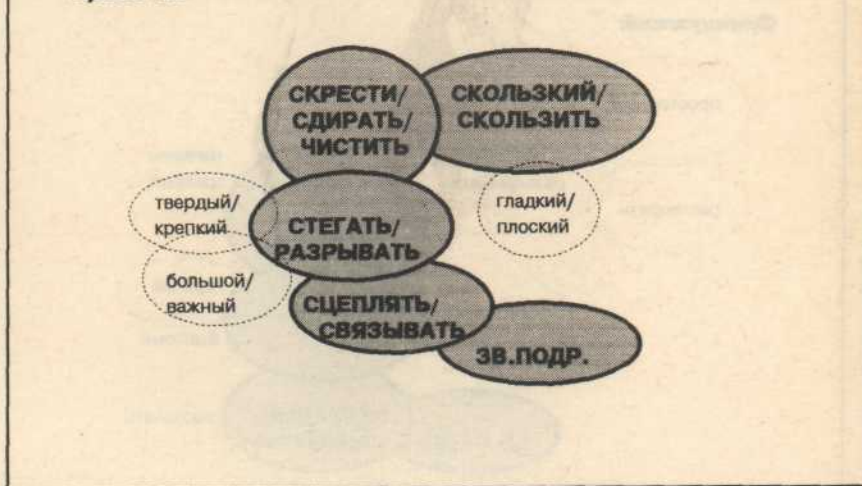
Французский:

Английский:

Арабский:

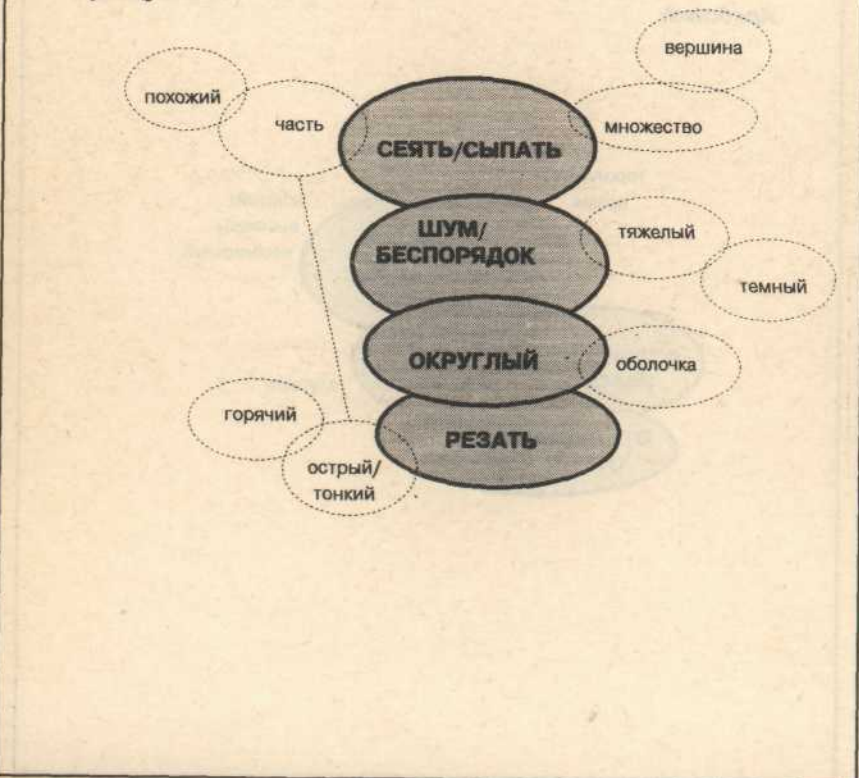

[SPIR - M]

Русский:

Французский:

Английский:

Арабский:

[SPIR - N]

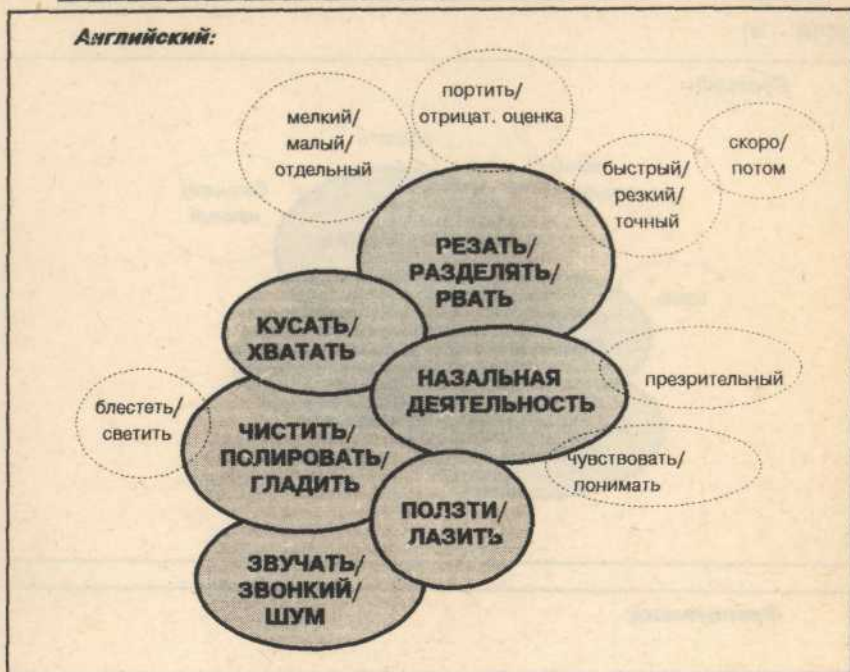
Русский:

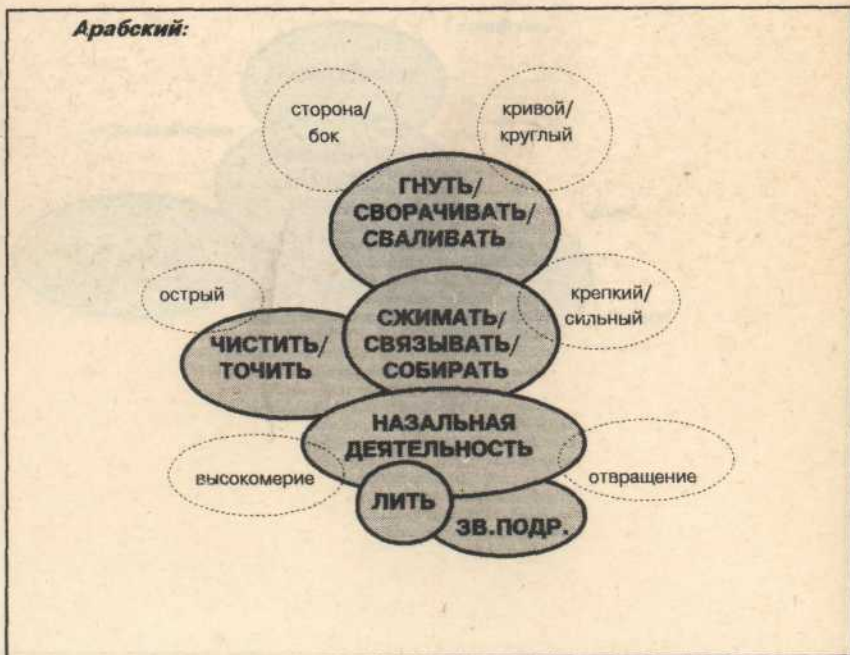
Французский:

Английский:

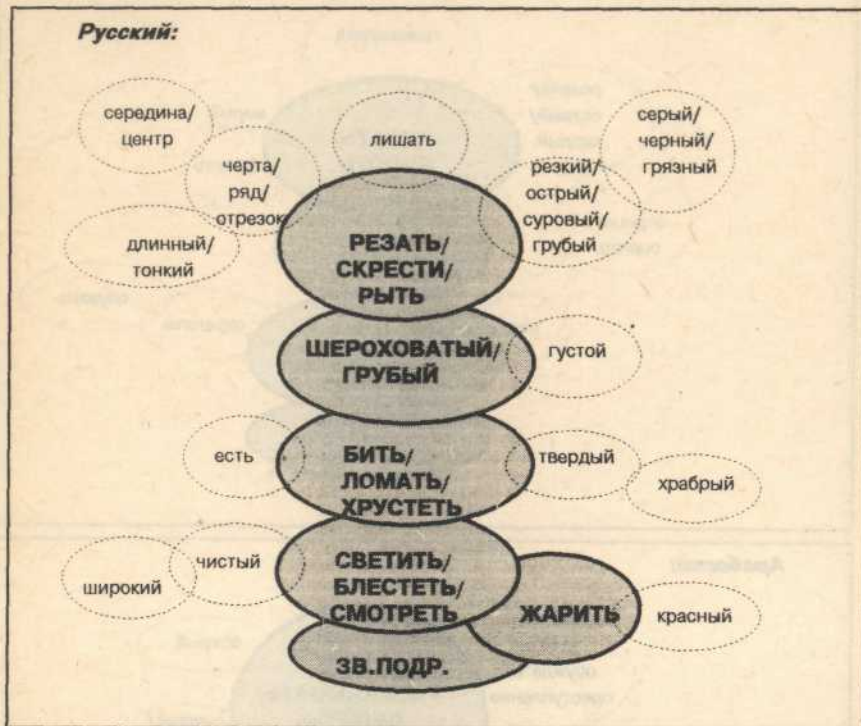

Арабский:

[SPIR - R]

Русский:

Французский:

Английский:

Арабский:

[SPIR - SPIR]

Русский:

Французский:

Английский:

Арабский:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Абаев В.И. Понятие идеосемантики. // Язык и мышление. М., Л. 1948.
- Абаев В.И. Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка. // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М.: Наука. 1970.
- Аветян Э.Г. Природа лингвистического знака. Ереван: Митк. 1968.
- Андреева Л.Д. Концепция языкового поля в свете доминантного анализа. // Социальное и системное на различных уровнях языка. М. 1986. С.3-10.
- Античные теории языка и стиля. М.-Л.: Соцэкгиз. 1936.
- Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука. 1974.
- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд. ин. лит. 1955.
- Блум Ф., Лейзерсон А., Хофстедтер Л. Мозг, разум и поведение. М.: Мир. 1988.
- Блумфилд Л. Язык. М.: Прогресс. 1968.
- Бородина М.А., Гак В.Г. К типологии и методике историко-семантических исследований. Л.: Наука. 1979.
- Бэйтс Е. Интенции, конвенции и символы. // Психолингвистика. М.: Прогресс. 1984. С.50-102.
- Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. М.: Гос.соц.эк.изд. 1937.
- Варина В.Г. Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц. // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука. 1976. С.233-244.
- Воронин С.В. Основы фоносемантики. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та. 1982.
- Воронин С.В., Сабанадзе М.Я. Синестезия в языке: аналитический обзор подходов к проблеме. // Социальное и системное на различных уровнях языка. М. 1986. С.69-75.
- Воронин С.В. Синестезия и природа звукосимволизма. // Функциональная светомузыка на производстве, в медицине и в педагогике. Казань. 1988. С.16-17.
- Воронин С.В. Из инструментария фоносемасиолога: модель и фонемотип. // Контекстуально обусловленная вариативность единиц языка. Рига: Изд-во Латв.гос. ун-та. 1989. С.42-48.
- Воронин С.В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании. Л.: Изд. Лен. ун-та. 1990а.
- Воронин С.В. Этимология и фоносемантика. // Проблемы этимологии тюркских языков. Алма-Ата: Гылым. 1990б. С.62-70.
- Газов-Гинзберг А.М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? М.: Наука. 1965.
- Галеев В.М. Человек, искусство, техника: Проблема синестезии в искусстве. Казань: Изд. Казанск. ун-та. 1987.

- Горелов И.Н. Проблема функционального базиса речи в онтогенезе. Челябинск. 1974.
- Горелов И.Н. Вопросы теории речевой деятельности. Психолингвистические основы искусственного интеллекта. Таллин: Валгус. 1987.
- Горский Д.П. Вопросы абстракции и образование понятий. М.: Изд.Акад.наук СССР. 1961.
- Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс. 1984.
- Дельбрюк Б. Введение в изучение языка. С.-П. 1904.
- Жерновой А.Н., Левицкий В.В. Начальные сочетания фонем в немецком языке. // Психолингвистические исследования значения слова и понимания текста. Калинин. 1988. С. 124-132.
- Живов В.П., Успенский Б.А. Центр и периферия в языке в свете языковых универсалий. // Вопросы языкознания, № 5. 1973.
- Журавлев А.П. Фонетическое значение. Л.: Изд. Ленингр. ун-та. 1974.
- Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Словарь. Т. 1-3, М. 1971-1984.
- Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М.: Наука. 1981.
- Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М.: Главная редакция восточной литературы издательства "Наука". 1988.
- Кларк Е.В. Универсальные категории: о семантике слов-классификаторов и значениях первых слов, усваиваемых детьми. // Психолингвистика. М.: Прогресс. 1984. С. 221-240.
- Корнилов Г.Е. Имитативы в чувашском языке. Чебоксары. 1984.
- Кубрякова Е.С. Размышление об аналогии. // Сущность, развитие и функции языка. М.: Наука. 1987. С. 43-51.
- Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. М.: Прогресс. 1988. С. 12-51.
- Левицкий В.В. Семантика и фонетика. Черновцы: Изд. Черновицкого ун-та. 1973.
- Левицкий В.В. Звукосимволизм в лингвистике и психолингвистике. // НДВШ. ФН. 1975. N 44. С. 54-61.
- Левицкий В.В. Типологическое изучение смысловой структуры слова. // Вопросы семантики. Л. 1976. Вып. 2. С. 3-12.
- Левицкий В.В. Начальные сочетания фонем в английском языке. // Сочетаемость языковых единиц в германских и романских языках. Киев. 1983. С. 8-17.
- Левицкий В.В. Семантические и стилистические функции начальных сочетаний фонем в немецком языке. // Иноземная филология. 1986. Вып. 81. С. 75-80.
- Леонтьев А.А. Проблема глоттогенеза в современной науке. // Энгельс и языкознание. М.: Наука. 1972. С. 135-157.
- Леонтьев А.А. Психологический аспект языкового значения. // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука. 1976. С. 46-73.

- Леонтьев А.А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах. // Словарь ассоциативных норм русского языка. М.: Изд. МГУ. 1977.
- Лосев А.Ф. Бытие - Имя - Космос. М.: Мысль. 1993.
- Маковский М.М. Теория лексической аттракции. М.: Наука. 1971.
- Маковский М.М. Системность и асистемность в языке: Опыт исследования антиномий в лексике и семантике. М.: Наука. 1980.
- Маковский М.М. Лингвистическая комбинаторика. М.: Наука. 1988.
- Мельников Г.П. Орфонимия и мотивированность знака. // Проблемы мотивированности языкового знака. Калининград. 1976. С. 3-10.
- Петренко И.В., Тютюнник В.Ю. Структурно-семантический анализ акустических терминов с общим компонентом "шум". // Функционирование терминов науки и техники в современном русском языке. Днепропетровск. 1986. С. 41-45.
- Пиаже Ж. Генетический аспект языка и мышление. // Психолингвистика. М.: Прогресс. 1984. С. 325-335.
- Поливанов Е.Д. По поводу "звуковых жестов" японского языка. // Сборники по теории поэтического языка. Пг. 1916. С. 31-41.
- Скаличка В. Исследование венгерских звукоподражательных выражений. // Пражский лингвистический кружок. М. 1967. С. 277-316.
- Соссюр Ф. де Труды по языкознанию. М.: Прогресс. 1977.
- Сэпир Э. Язык. Введение в изучение речи. М.-Л.: Соцэкгиз. 1934.
- Телия В.Н. Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке. М.: Наука. 1981.
- Телия В.Н. О специфике отображения мира психики и знания в языке. // Сущность, развитие и функции языка. М.: Наука. 1987. С. 65-74.
- Уфимцева А.А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики. М.: Наука. 1986.
- Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. М.: Прогресс. 1988. С. 52-92.
- Шарден П.Т. де Феномен человека. М.: Наука. 1987.
- Шахнарович А.М. О роли образа в онтогенезе речевой деятельности. // Общая и прикладная психолингвистика. М.: Изд. АН СССР. 1973. С. 81-87.
- Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука. 1973.
- Щур Г.С. Теории поля в лингвистике. М.: Наука. 1974.
- Якобсон Р. Работы по поэтике. М.: Прогресс. 1987.
- Якубинский Л.П. Избранные работы. Язык и его функционирование. М.: Наука. 1986.

- Asch S. *Social Psychology*. N.-Y. : Prentice-Hall, 1955.
- Barthes R. *Proust et les noms*. - In: *To Honor R. Jakobson*, I. Paris: Mouton, 1967, pp. 150-158.
- Bayley H. *The Lost Language of Symbolism. An Inquiry into the Origin of Certain Letters, Words, Names, Fairy-Tales, Folklore and Mythologies*. London: E. Benn, 1957.
- Beccaria G.L. *L'autonomia del significante. Figure del ritmo e della sintassi. Dante, Pascoli, D'annunzio*. Torino: Einaudi, 1975.
- Boas F., Deloria E. *Notes on the Dakota: Teton Dialect*. - In: *International Journal of American Linguistics*, 7, 1939, pp. 97-121.
- Bolinger D. *Rime, assonance, and morpheme analysis*. - In: *Word*, v. 6, N 2, 1950, pp. 117-136.
- Bonfante G. *Semantics*. - In: P.L. Harriman. *Encyclopedia of Psychology*. N.-Y.: Philosophical Library, 1946. pp. 838-870.
- Bonfante G. *El valor fonosimbólico de n - inicial en castellano, frances e italiano*. In: *Homenaje a F.A. Martines*. Bogota: Caro Y Cuervo, 1979, pp. 237-243.
- Bonfante G. *Vico e la Linguistica*. - In: *Bollettino del Centro di studi vichiani*, X, 1980, pp. 134-138.
- Börnstein W.S. *Perceiving and Thinking. Their Interrelationship and Organismic Organization*. - In: *Annals of the New York Academy of Sciences*, 169, 1970, pp. 673-682.
- Brosses Ch. de. *Traité de la formation mécanique des langues et des principes physiques de l'étymologie*. P.: Saillant, Vincent et Desaint, 1765.
- Brown R.W. *Words and Things*. Glencoe : The Free Press, 1958.
- Brown R., Nuttal R. *Methods in Phonetic Symbolism Experiments*. - In: *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 54, 1959, pp. 441-445.
- Bruner J.S. *The Course of Cognitive Growth*. - In: *American Psychologist*, 19, 1964, pp. 1-15.
- Cassirer E. *Philosophie der symbolischen Formen: I: Die Sprache*. Berlin, Cassirer, 1923.
- Chandler K.A., Freedman D.X., Savage W.L. *Hypnosis and Perception: The Effect of Meaning and non Meaning upon the Perception of the Apparent Horizon*. - In: *Journal of Psychology*, 57, 1964, pp. 219-233.
- Charrassin F. *Dictionnaire des racines et dérivés de la langue française*. Paris: Heois, 1842.
- Chastaing M. *Le symbolisme des voyelles. Signification des "I". I. Symboles de cris et de mouvements*. - In: *Journal de Psychologie*, 55, 1958a, pp. 403-423.
- Chastaing M. *Le symbolisme des voyelles. Signification des "I". II. Symboles d'acuité et de petitesse*. - In: *Journal de Psychologie*, 55, 1958b, pp. 461-481.
- Chastaing M. *L'opposition des consonnes "sourdes" aux consonnes "sonores" a-t-elle une valeur symbolique?* - In: *Vie et Langage*, 147, 1964a, pp. 367-370.
- Chastaing M. *Nouvelles recherches sur le symbolisme des voyelles*. - In: *Journal de Psychologie*, 61, 1964b, pp. 75-88.
- Chastaing M. *Dernières recherches sur le symbolisme vocalique de la petitesse*. - In: *Revue Philosophique*, 1964c, pp. 41-56.

- Cigada S. *Sull'autonomia dei valori fonetici nella poesia*. - In: *Universita Cattolica del Sacro Cuore. Annuario per l'anno accademico 1967-68*. Milano: Vita e pensiero, 1969, pp. 93-157.
- Cohen R.A., Izawa C. *Effects of Phonetic Symbolism on Paired Associate Learning*. - In: *Bulletin of the Psychonomic Society*, 8, 1976, pp. 475-478.
- Coseriu E. *L'arbitraire du signe : zur Spatgeschichte eines aristotelischen Begriffes*. - In: *Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen*, 204, 1967, pp. 81-112.
- Czagan F. *Die Verwendung Lautlicher Ausdrucksmittel zur Wiedergabe von Korpereigenschaften*. - In: *Zeitschrift für experimentelle und angewandte Psychologie*, 6, 1959, pp. 766-774.
- Czurda M. *Beziehungen zwischen Lautcharakter und Sinneseindrucken*. - In: *Wiener Archiv für Psychologie, Psychiatrie und Neurologie*, 3, 1953, pp. 73-84.
- Daniélou A. *Sémantique musicale. Essai de psychophysologie auditive*. P.: Hermann, 1967.
- Darwin C. *The Expression of Emotions in Man and Animals*. London : Murray, 1872.
- Davis R. *The Fitness of Names to Drawings. A Cross-Cultural Study in Tanganika*. - In: *British Journal of Psychology*, 52, 1961, pp. 259-268.
- Dember W.N., Jenkins J.J. *General Psychology*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1970.
- Dogana F. *La saturazione semantica in rapporto alle caratteristiche fonologiche e semantiche dello stimolo*. - In: *Studi di psicologia*, 2, 1979, pp. 9-34.
- Eco U. *Trattato di semiotica generale*. Milano, Bompiani, 1975.
- Fano G. *Saggio sulle origine del linguaggio*. Torino: Einaudi, 1962.
- Fano G. *Origini e natura del Linguaggio*. Torino: Einaudi, 1973.
- Fenz E. *Laut, Wort, Sprache und ihre Deutung*. Wien, Deuticke, 1940.
- Filliozat P.-S. *Une théorie indienne du langage poétique*. - In: *Poétique*, 11, 1972, pp. 315-320.
- Firth J.R. *Papers in linguistics*. London: Oxford Univ. Press, 1957.
- Fischer S. *Über das Entstehen und Verstehen von Namen*. - In: *Archiv für gesamte Psychologie*. 42 1921, pp. 335-368
- Fonagy I. *Le Langage poétique forme et fonction*. - In: *Diogenes*, 51, 1965, pp. 72-113.
- Fonagy I. *Motivation et remotivation. Comment se dépasser?* - In: *Poétique*, 3, 1972, pp. 414-431.
- Fox C.W. *An Experimental Study of Naming*. - In: *American Journal of Psychology*, 47, 1935, pp. 545-579.
- Gabelentz G. von. *Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse*. Nubingen: Tübinger Beiträge zur Linguistik, 1969.
- Gébelin A.C. de *Monde primitif, considéré dans l'Histoire naturelle de la parole, ou Origine du langage et de l'écriture*. P. 1775.
- Genette G. *Avatars du cratylisme*. - In: *Poétique*, 11, 1972, pp. 367-394.
- Genette G. *Mimologiques. Voyage en Cratyle*. Paris: Ed. du Seuil, 1976.
- Ginneken J. van. *Principes de psychologie linguistique*. P.: Rivière, 1907.

- Ginneken J. van. *La reconstruction typologique des Langues archaïques de l'humanité*. Amsterdam: Noord-Hollandsche Uitgevers-Maatschappij, 1939.
- Girotti G., Dogana F. *Uno studio in tema di simblismo fonetico: l'espressione fonetica di dimensioni tattili*. - In: *Archivio di Psicologia, Neurologia e Psichiatria*, 29, 1968, pp. 235-275.
- Grammont M. *Traité de phonétique*. P.: Libr. Delagrave, 1965.
- Guillaume P. *La psychologie de la Forme*. P: Flammarion, 1937.
- Guiraud P. *Structures étymologiques du lexique français*. P.: Libr. Larousse, 1967.
- Guiraud P. *Dictionnaire des étymologies obscures*. Paris: Payot, 1982.
- Haiman J. *The Iconicity of Grammar: Isomorphism and Motivation*. - In: *Language*, 56, 1980, pp. 515-540.
- Havers W. *Zur Entstehung eines sogenannten sakralen "u-Elementes: in den indogermanischen Sprachen*. - In: *Oesterreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse, Anzeiger*, 84, 1947, pp. 139-165.
- Heise D.R. *Sound-Meaning Correlations Among 1000 English Words*. - In: *Language und Speech*, 9, 1966, pp. 14-27.
- Herder J.G. *Abhandlung über den Ursprung der Sprache*. Berlin: Voss, 1772.
- Hewes G.W. *Primate Communication and the Gestural Origin of Language* - In: *Current Anthropology*, 14, 1973, pp. 5-24.
- Hewes G.W. *The Current Status of the Gestural Theory of Language Origin* - In: S.Harnad, H.Steklis, J.Lancaster. *Origins and Evolution of Speech and Language*. New York Academy of Sciences, vol. 280, N.-Y., 1976, pp. 482-604.
- Hornbostel E.M. *Laut und Sinn*. - In: *Festschrift Meinhof*. Hamburg, 1927.
- Householder F.W. *On the Problem of Sound and Meaning*. - In: *Word*, v. 2, N 1, 1946, pp. 83-84.
- Howells T.H. *The Experimental Development of Color-Tone Synesthesia*. - In: *Journal of Experimental Psychology*, 34, 1944, pp. 87-103.
- Huguet E. *Mots disparus ou vieillies depuis le XVIe siècle*. P.: Droz, 1935.
- Irwin F.W., Newland E. *A Genetic Study of the Naming of Visual Figures*. - In: *Journal of Psychology*, 9, 1940, pp. 3-16.
- Jakobson R. *A la recherche de l'essence du langage*. In: *Diogenes*, 51, 1965, pp. 22 - 38.
- Jakobson R., Waugh L.R. *The Sound Shape of Language*. Bloomington, London: Indiana Univ. Press, 1979.
- Jespersen O. *Language. Its Nature, Development and Origin*. London: G.Allen & Unwin Ltd, 1922.
- Jespersen O. *Symbolic Value of the Vowel "i"*. - In: L.Spitzer. *Meisterwerke der romanischen Sprachwissenschaft*. München: Huber Verlag, 1929, vol. 1. pp. 53-68.
- Jousse M. *L'anthropologie du geste*. P.: Gallimard, 1974.
- Kaden S., Werner H. *Wapner S. Studies in Physiognomic Perception: Effect of Directional Dynamics of Pictured Objects and of Words on the Position of the Apparent Horizon*. - In: *Journal of Psychology*, 39, 1955, pp. 61-70.
- Kainz F. *Psychologie der Sprache*. Stuttgart: Enke, 1943.

- Kanizsa G., Metelli F. *Recherches expérimentales sur la perception visuelle d'attraction*. - In: *Journal de Psychologie Normale et Pathologique*, 58, 1961, pp. 385-420.
- Kanizsa G., Vicario G. *Caratteri espressivi ed intenzionali dei movimenti: La percezione della "reazione"*. - In: *Rivista di psicologia*, 61, 1967, pp. 318-321.
- Kayser W. *La doctrine du langage naturel chez Jacob Boehme et ses sources*. In: *Poétique*, 11, 1972, pp. 337 - 366.
- Kelly E.K. *An Experimental Attempt to Produce Artificial Chromoesthesia by the Technique of Conditioned Response*. - In: *Journal of Experimental Psychology*, 17, 1934, pp. 315-341.
- Koehler W. *The Mentality of Apes*. N.-Y.: Harcourt, Brace, 1925.
- Koehler W. *Psychologische Probleme*. Berlin, Springer, 1933.
- Koffka K. *Principles of Gestalt Psychology*. N.-Y.: Harcourt, 1935.
- Kronasser H. *Handbuch der Semasiologie*. Heidelberg, 1952.
- Kussmaul A. *Die Störungen der Sprache*. Leipzig: F.C. Vogel, 1885.
- Langdon M. *Sound Symbolism in Yuman Languages*. - In: *Studies in American Indian Languages*. Berkeley: Univ. of California Press, 1971, pp. 149-173.
- Langer J., Sampson E.E., Rosenberg B.G. *Learning Verbal Referents of Phonetic Symbols*. - In: *Journal of Personality and Social Psychology*, 3, 1966, pp. 427-434.
- Leibnitz G.W. *Nouveaux essais sur l'entendement*. In: *Die philosophischen Schriften von G.W. Leibnitz*. Weidmannsche Buchhandlung, Berlin, 1882, vol. V pp. 39-509.
- Levi-Strauss C. *"Introduzione" a R. Jakobson. La linguistica e le scienze dell'uomo. Dei lezioni sul suono e sul senso*. Milano: Il Saggiatore, 1978.
- Malkiel Y. *From Phonosymbolism to Morphosymbolism*. - In: M.Paradis. (eds.) *The Fourth Lacus Forum*. Columbia: Hornbeam Press, 1977, pp. 511-529.
- Malmberg B. *De F. de Saussure à R. Jakobson: L'arbitraire du signe et la substance phonique du langage*. - In: *Proceedings of the Sixth International Congress of Phonetic Sciences*. Prague: Academia Publishing House of the Czechoslovak Academy of Sciences, 1967, pp. 599-603.
- Marchand H. *Phonetic Symbolism in English Word-Formation*. - In: *Indogermanische Forschungen*, Bd. 64, 1959, H.2., SS. 146-168.
- Marks L.E. *On Associations of Light and Sounds: the Mediation of Brightness, Pitch and Loudness*. In: *American Journal of Psychology*, 87, 1974, pp. 173-188.
- Marks L.E. *On Colored-Hearing Synesthesia: Cross-Modal Translations of Sensory Dimensions*. - In: *Psychological Bulletin*, 82, 1975, pp. 303-331.
- Marouzeau J. *Précis de stylistique française*. Paris: Masson, 1950.
- Martinet A. *Arbitraire Linguistique et double articulation*. - In: *Cahiers F. de Saussure*, 15, 1957, pp. 105-116.
- Michols J. *Diminutive Consonant Symbolism in Western North America*. - In: *Language*, 47, 1971, pp. 826-848.

- Michotte A. *La perception de la causalité* Louvain : Institut Supérieur de Philosophie, 1946.
- Minguzzi G.F. *Condizioni della percezione dell' "effetto freno"*. - In: *Rivista di psicologia*, 61, 1967, pp. 324 - 330.
- Miron M.S. *A Cross-Linguistic Investigation of Phonetic Symbolism*. - In: *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 62, 1961, pp. 623-630.
- Miyazaki M. *A study on Similarities between Experiences through Different Sense Organs*. - In: *Japanese Journal of Psychology*, 9, 1924, pp. 771-792.
- Morris C.W. *Foundation of the Theory of Signs*. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1938.
- Muller H. *Experimentelle Beiträge zur Analyse des Verkaltinsses von Laut und Sinn*. Berlin: Müller und Kiepenheuser, 1935.
- Newman S. *Further Experiments in Phonetic Symbolism*. - In: *American Journal of Psychology*, 45, 1933, pp. 53-75.
- Nichols J. *Diminutive Consonant Symbolism in Western North America*. - In: *Language*, 47, 1971, pp. 826-848.
- Nida E. *A System for the Description of Semantic Elements*. - In: *Word*, v.7, N 1, 1951, pp. 1-12.
- Nodier Ch. *Notions élémentaires de linguistique*. P.: *Renduel*, 1834.
- Oehl W. *Elementare Wortschöpfung*. In: *Antropos*, 1917-18, vol. 12-13, pp. 575-624; 1047-1068; 1919-20; vol. 14-15, pp. 405-464; 1921-22, vol 16-17, pp. 765-800; 1923-24, vol. 18-19, pp. 858-879.
- Oehl W. *Das Lallwort in der Sprachschöpfung*. Freiburg: St. Paulusdruckerei, 1933.
- Ohwaki Y., Sato K. *Psychological Relationship between Visual and Auditory Stimuli*. In: *Tohoku Psychologica Folia*, 14, 1954, pp.45-74.
- Osgood C.E., Suci G.J., Tannenbaum P.H. *The Measurement of Meaning*. Urbana: Univ. of Illinois Press, 1957.
- Osgood C.E., May W.H., Miron M.S. *Cross-Cultural Universals of Affective Meaning*. Urbana: Univ. of Illinois Press, 1975.
- Paget R. *Human Speech*. N.Y.: Harcourt, Brace, 1930.
- Paget R. *The Gestural Origin of Language*. - In: *Actes du 2e Congrès international des linguistes*. P.: Librairie d'Amérique et d'Orient, 1933 a. pp. 172-176.
- Park T.Z. *Experimentelle Untersuchungen über Sinnzusammenhang, Lautgestalt und Wortbedeutung*. - In: *Psychologische Forschung*, 29, 1966a, pp. 52-88.
- Patruno Bonora A. *Il valore fonosimbolico di "c" nella lingua tedesca*. - In: *Atti dell'Accademia delle Scienze di Torino*, 101, 1967, pp. 459-554.
- Paul H. *Prinzipien der Sprachgeschichte*. Halle a.S.: M. Niemeyer, 1937.
- Peirce C.S. *Collected Papers*. V.2. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1931.
- Pesaro E. *Il Fonosimbolismo nella lingua inglese*. - In: *Atti dell'Accademia delle Scienze di Torino*, 103, 1969, pp. 501-546.
- Peterfalvi J. *Recherches expérimentales sur le symbolisme phonétique*. P.: Editions du C.N.R.S., 1970.

- Piaget J. *La représentation du monde chez l'enfant*. P.: Presses Univ. de France, 1926.
- Pohl J. *Symboles et langages*. Paris: Sodi, 1968.
- Preyer W. *Die Seele des Kindes. Beobachtungen über die geistige Entwicklung des Menschen in den ersten Lebensjahre*. Leipzig: Grieben's Verlag, 1890.
- Révész G. *Origine et préhistoire du langage*. P.: Payot, 1950.
- Riggs L.A., Karwoski T. *Synaesthesia*. - In: *British Journal of Psychology*, 25, 1934, pp. 29-41.
- Šabršula J. *Problème de la valeur impressive des sons*. - In: *Acta Universitatis Carolinae. Philologica - Phonetica Pragensia*, 4, 1974, pp. 147-155.
- Sapir E. *Language. An Introduction to the Study of Speech*. N.-Y.: Harcourt, Brace, 1921.
- Sapir E. *A study in Phonetic Symbolism*. - In: *Journal of Experimental Psychology*, 12, 1929, pp. 225-239.
- Schaff A. *Langage et réalité*. - In: *Diogenes*, 51, 1965, pp. 153-175.
- Smithers G.V. *Some English Ideophones*. - In: *Archivum linguisticum*, v. 6, N 2, 1954, pp. 73-111.
- Stern C., Stern W. *Die Kindersprache. Eine psychologische und sprachtheoretische Untersuchung*. Leipzig: Barth, 1927.
- Stevens S.S. *Are Tones Spatial?* - In: *American Journal of Psychology*, 46, 1934, pp. 145-147.
- Tanz C. *Sound Symbolism in Words Relating to Proximity and Distance*. - In: *Language and Speech*, 14, 1971, pp. 266-276.
- Tarte R.D., Barritt L.S. *Phonetic Symbolism in Adult Native Speakers of English: Three Studies*. - In: *Language and Speech*, 14, 1971, pp. 158-168.
- Tarte R.D. *Phonetic Symbolism in Adult Native Speakers of Czech*. - In: *Language and Speech*, 17, 1974, pp. 87-94.
- Taylor I.K., Taylor M.M. *Phonetic Symbolism in Four Unrelated Languages*. - In: *Canadian Journal of Psychology*, 16, 1962, pp. 344-356.
- Thorndike E.L. *On Orr's Hypothesis Concerning the Front and Back Vowels*. - In: *British Journal of Psychology*, 36, 1945, pp. 209-263.
- Todorov T. *Introduction à la symbolique*. - In: *Poétique*, 11, 1972, pp. 273-308.
- Ullmann S. *Semantics: An Introduction to the Science of Meaning*. Oxford: Basil Blackwell and Mott, 1962.
- Ullmann S. *Semantic Universals*. - In: H.Greenberg. *Universals of Language*. Cambridge: M.I.T. Press, 1963, pp. 217-263.
- Ullmann S. *Sémantique et stylistique*. In: *Mélanges de Linguistique Romane et de Philologie Médiévale offerts à M. Delbouille*, Ed. J.Duculot, Gembloux, 1964, I, pp. 635-652.
- Ullan R. *A Case of Sound Symbolism in Konkow*. - In: *J. Sawyer. Studies in American Indian languages*. Berkeley: Univ of California Press, 1971, pp. 295-301.
- Usnadze D. *Ein experimenteller Beitrag zum Problem der psychologischen Grundlagen der Namengebung*. - In: *Psychologische Forschung*, 5, 1924, pp. 24-43.
- Van den Berghe Ch.L. *La phonostylistique du français*. P.: The Hague, Mouton, 1976.

- Vico G.B. *Principi di scienza nuova*. Napoli: Stamperia Muziana, 1744.
- Wandruszka M. *Der Streit um die Deutung der Sprachlaute*. - In: *Festgabe Gamillscheg*. Tübingen: Niemeyer, 1952, pp. 214-227.
- Wandruszka M. *Ausdruckswerte der Sprachlaute*. - In: *Germanisch-Romanische Monatschrift*, 35, 1954, pp. 231-240.
- Wandruszka M. *Sprachen vergleichbar und unvergleichbar*. München: R. Piper, 1969.
- Weiss J.H. *The Role of Stimulus Meaningfulness in Phonetic Symbolism Response*. - In: *Journal of General Psychology*, 70, 1964, pp. 255-263.
- Werner H. *Grundfragen der Sprachphysiognomie*. Leipzig: Barth, 1932.
- Werner H. *Einführung in die Entwicklungspsychologie*. Munich: Barth, 1953.
- Werner H. *On Expressive Language*. Worcester: Clark Univ. Press., 1955.
- Werner H., Kaplan B. *Symbol Formation*. N.-Y.: Wiley, 1963.
- Wertheimer M. *The Relation between the Sound of a Word and its Meaning*. - In: *American Journal of Psychology*, 71, 1958, pp. 412-415.
- Wescott R.W. *Linguistic Iconism*. - In: *Language*, v. 47, N2, 1971, pp. 416-428.
- Wescott R.W. *Labio-velarity and derogation in English: A Study in Phonosemic Correlation*. - In: *American Speech*, spring 1971, pp. 123-137.
- Westermann D. *Laut, Ton und Sinn in westafrikanischen Sudansprachen*. - In: *Festschrift Meinhof*, Hamburg, 1927.
- Whorf B.L. *Language: Plan and conception of arrangement*. - In: *Language, thought and reality*. London, 1956, pp. 125-133.
- Wicker F.W. *Mapping the Intersensory Regions of Perceptual Space*. - In: *American Journal of Psychology*, 81, 1968a, pp. 178-188.
- Wicker F.W. *Scaling Studies of Phonetic Symbolism*. - In: *Journal of Personality and Social Psychology*, 10, 1968b, pp. 175-182.
- Wooley D.E. *Iconic Aspects of Language*. - In: R. Di Pietro, D. Blansitt. *The Third Lacus Forum*. Columbia, South Carolina: Hornbeam Press, 1976, pp. 287-294.
- Wundt W. *Volkerpsychologie. Die Sprache*. Leipzig: Engelmann, 1900.

СПИСОК СПРАВОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

- Баранов Х.К. *Арабско-русский словарь*. М.: Русский язык, 1985.
- Большой англо-русский словарь /под ред. И.П. Гальперина. Т. 1-2. М.: Советская энциклопедия, 1972.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. *Индоевропейский язык и индоевропейцы*. Т. 1-2. Тбилиси: Изд. Тбил. ун-та, 1984.
- Ганшина К.А. *Французско-русский словарь*. М.: Русский язык, 1979.
- Даль В. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 1-4. М.: Русский язык, 1978 - 81.
- Китайско-русский словарь /под ред. Б.Г. Мудрова. М.: Русский язык, 1988.

- Макаев Э.А. *Структура слова в индоевропейских и германских языках*. М.: Наука, 1970.
- Словарь русского языка. Т. 1-4. М.: Русский язык, 1981-84.
- Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1-4. М.: Прогресс, 1964 - 73.
- ФЭС - *Философский энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1983.
- Bl, W - Bloch O., Wartburg W. *Dictionnaire étymologique de la langue française*. Paris: Univ. de France, 1950.
- God - Godefroy F. *Dictionnaire de l'ancienne langue française* v. 1-10. P.: Libr. des sciences et des arts, 1937-1938.
- Gr - Greimas A.J. *Dictionnaire de l'ancien français*. Paris: Larousse, 1968.
- Grand - Grandsaignes d'Hauterive R. *Dictionnaire des racines des langues européennes*. Paris: Larousse, 1957.
- Lex - Larousse de la langue française Lexis. P.: Libr. Larousse, 1979.
- Pic - Picoche J. *Dictionnaire étymologique du français*. Paris: Robert 1983.
- Pok - Pokorny J. *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch*. München: Francke-Berne, 1959.
- The New Bantam English Dictionary*. New-York: Bantam Books, 1979.